

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

3.2022

Издается с 2002 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

Московский педагогический государственный университет
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

<i>Филологические науки</i>	
10.01.01 – Русская литература	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.01.08 – Теория литературы. Текстология	5.9.3. Теория литературы
10.02.01 – Русский язык	5.9.5. Русский язык. Языки народов России <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.19 – Теория языка	5.12.3. Междисциплинарные исследования языка <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика <i>(находится на перерегистрации)</i>
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика	
<i>Педагогические науки</i>	
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания	5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

3.2022

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – младший научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; профессор и заведующий кафедрой славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, г. Лос-Анджелес, США.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плулунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – junior researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapava – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; professor and chair at the Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures, University of California, Los Angeles, USA.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Я.Б. Яхонтова

Образ ласточки в греческом календарном фольклоре
от античности до наших дней. 9

ЛИНГВИСТИКА

Кр. Алексова

Пять типологических индексов
парадигмы глагола
в современном болгарском языке 27

*Е.Ю. Иванова, Г.И. Кустова,
С.И. Лесева*

Датив при глаголах проявления признака
в болгарском языке 64

З.М. Халилова

Сериальные глагольные конструкции
в бежтинском языке 88

МЕТОДИКА

А.В. Ковалева

Развитие фразеологической компетенции
учащихся восьмых классов киргизской школы 114

Contents

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

Ya. Yakhontova

The figure of the swallow in Greek calendar folklore
from antiquity to the present day 9

LINGUISTICS

Kr. Aleksova

Five typological indices of the verb paradigm
in modern Bulgarian 27

E. Ivanova, G. Kustova, S. Leseva

The use of the dative pronoun
with attribute-denoting verbs in Bulgarian 64

Z. Khalilova

Serial verb constructions in Bezhta 88

TEACHING THEORY

A. Kovaleva

Development of phraseological competence
of eighth grade students of Kyrgyz school 114

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-9-26

Я.Б. ЯхонтоваМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Образ ласточки в греческом календарном фольклоре от античности до наших дней

Работа посвящена исследованию образа ласточки в древне- и новогреческом весеннем календарном фольклоре. Цель работы: на основании методологии этнолингвистического анализа Н.И. Толстого, а также анализа композиции и мотивов календарных песен, предложенного Т.А. Агапкиной, рассмотреть структуру греческих закличек, приуроченных к встрече весны и первой ласточки. Обрядовые элементы наделены продуцирующей (яйцо, листья плюща) и переходной (образы ласточки, моря, пустыни) символикой. Структура и символика обряда, а также обрядового текста сохранились от античности до наших дней, что указывает на диахроничность и непрерывность греческой культуры, а присутствие образа ласточки в календарном фольклоре других стран балканского языкового союза может свидетельствовать о наличии некоего общего фракийского субстрата.

Ключевые слова: ласточка, встреча весны, весенние обряды, народный календарь, продуцирующая символика, бинарные оппозиции

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яхонтова Я.Б. Образ ласточки в греческом календарном фольклоре от античности до наших дней // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 9–26. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-9-26

© Яхонтова Я.Б., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-9-26

Ya.B. Yakhontova Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The figure of the swallow in Greek calendar folklore from antiquity to the present day

The paper presents the study of the figure of the swallow in the ancient and modern Greek spring calendar folklore. The paper aims at exploring the structure of the Greek ritual texts, associated with the meeting of spring and the first swallow with regard to the methodology of the ethnolinguistic analysis by N.I. Tolstoy, as well as the analysis of the composition and motives in calendar songs proposed by T.A. Agapkina. Ritual elements have producing symbols (egg, ivy leaves) and transitional symbols (images of a swallow, sea, desert). The structure and the symbolism of the rite, as well as the ritual text, have been preserved from antiquity to the present day, which indicates diachronicity and continuity of the Greek culture. The presence of the figure of a swallow in the calendar folklore of other countries of the Balkan sprachbund (Balkan language area) may serve as an argument for a common Thracian substrate.

Key words: swallow, meeting of spring, spring rites, folk calendar, producing symbols, binary oppositions

FOR CITATION: Yakhontova Ya.B. The figure of the swallow in Greek calendar folklore from antiquity to the present day. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 9–26. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-9-26

Образ ласточки обладает широкой символикой в мифологическом и фольклорном контексте. Ласточка может олицетворять божеств (богиню Исиду в египетской мифологии, Иисуса Христа – в христианской символике), а также символизировать начало весны и выполнять роль посредника между миром живых и миром мертвых в контексте весенней календарной обрядности [Топоров, 1988, с. 39]. Ф.А. Елоева в работе «“Ласточка” Одиссея Элитиса, или Роль одного поэтического текста

в жизни страны» упоминает о связи греческой ласточки с мотивом воскресающего и умирающего бога – «шумерского Думмузи, арамейского Таммуза, египетского Осириса. В античной традиции – это культы Адониса и Персефоны» [Елоева, 2009, с. 68].

Настоящая работа посвящена подробному исследованию образа ласточки в античном и современном греческом календарном фольклоре. Цель работы: рассмотреть основные греческие мифологические мотивы, связанные с ласточкой, и проанализировать, как они интерпретируются в новогреческом календарном фольклоре, а именно в обряде встречи весны и первой ласточки.

В качестве методологии выбран семиотический анализ, общий структурный анализ ритуала А.К. Байбурина [Байбурин, 1993, с. 38–213], а также элементы этнолингвистического анализа и картографирования Н.И. Толстого [Толстой, 1995b, с. 41–43]. При анализе композиции и мотивов обрядовых текстов используется методология Т.А. Агапкиной, изложенная в монографии «Этнографические связи календарных песен» [Агапкина, 2000, с. 7–17].

Для описания обрядов привлекались все доступные источники, в том числе печатные и электронные, однако основной базой данных послужил фольклорный архив кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, собранный в результате полевой работы студентов и преподавателей кафедры в Греции с 1999 по 2020 гг. и включающий материалы из сел восточной части Мани, Перахоры (Аттика), Дарнашских сел (Серрес), с. Колиндрос (Пиерия), Комотини, понтийского села Трилорио (Комотини), островов: Родоса, Карпатоса, Крита, Кипра и Кефалонии.

Работа построена следующим образом: рассматриваются античные представления о встрече весны и первой ласточки, а затем представляется структура новогреческих обходных обрядов с чучелом ласточки, а также примеры обрядов и обрядовых текстов, зафиксированных в различных регионах Греции.

В античной мифологии впервые образ ласточки встречается в мифе о сестрах Прокне и Филомеле. Миф о ней локализуется либо в Фокиде, либо во Фракии. Филомела, дочь царя Афин, была в гостях у своей сестры Прокны, жены царя Фокиды Теряя. Терей подверг Филомелу насилию и, чтобы скрыть свое преступление, вырвал у нее язык. Филомела рассказала об этом сестре вышивкой на ткани. Разъяренная Прокна убила своего сына от Теряя, Итиса, и накормила мужа его мясом. Зевс превратил Филомелу в ласточку, Прокну – в соловья, а Теряя – в удода [Зелинский, 1922, с. 89].

Дж. Фрезер описывает, как поступали древние гречанки с дикими ласточками, пойманными в доме: «они поливали их маслом и отпускали на волю с целью отвести несчастье от дома» [Фрезер, 2001, с. 223].

Представления о ласточке как о вестнице весны впервые фиксируются на «Пелике с ласточкой» мастера Евфрония (Аттика, VI–V вв. до н. э.). На ней изображены двое сидящих мужчин, указывающих на летящую ласточку: «Ласточка, вот она, ласточка!» – восклицает один. «Да, клянись Гераклом!» – отвечает другой. А мальчик кричит: «Вот она!» Мастер добавил: «Наступает весна» [Соколов, 1980, с. 124].

Образ ласточки как вестницы весны в античности описывается в «Фастах» Овидия следующим образом:

*Ты мне скажи, почему новый год начинается в холод,
Разве не лучше ему в путь отправляться весной?
Все зацветает тогда, обновляется год в эту пору,
И набухают опять почки на ветвях кустов;
Каждого дерева ветвь покрывается свежей листвою,
И разрастается вновь злаков трава на земле;
Сладостным пением птиц оглашается воздух согретый,
Прыгает и по лугам весело резвится скот.
Солнце играет, а к нам прилетает ласточка в гости
И начинает лепить снова под крышей гнездо;
Поле приемлет сошник и опять обновляется плугом.
Этот и надо бы срок года считать новиной!*

(пер. Ф. Петровского)¹

Обходной обряд, посвященный встрече первой ласточки на Родосе, описывается в 200 г. до н. э. у Афиней: дети обходили дома с чучелом ласточки, за что получали угощение. Провозглашая приход весны, они исполняли следующую закличку:

*Ἦλθ' ἦλθε χελιδὼν
καλὰς ὥρας ἄγουσα,
καλοὺς ἐνιαυτούς,
ἐπὶ γαστέρα λευκά,
ἐπὶ νῶτα μέλαινα.
Παλάθαν σὺ προκόκλει
ἐκ πίονος οἴκου
οἴνου τε δέπαστρον
τυροῦ τε κάνουστρον.
Καὶ πύρνα χελιδὼν
καὶ λεκιθίταν
οὐκ ἀπαθεῖται πότερ' ἀπίωμες ἢ λαβῶμεθα.
Εἰ μὲν τι δώσεις εἰ δὲ μή, οὐκ ἐάσομες.*

¹ Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Сост. и предисловие М.Л. Гаспарова. М., 1973. С. 239.

Ἦ τὰν θύραν φέρωμες ἢ τὸ ὑπέρθυρον
ἢ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθημέναν
μικρὰ μὲν ἐστί, ῥαδίως νιν οἴσομες.
Ἄν δὴ τι φέρης, μέγα δὴ τι φέροις.
Ἄνοιγ' ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι
οὐ γὰρ γέροντές ἐσμεν, ἀλλὰ παιδία.

[Μέγας, 1976, с. 136]

‘Прилетела, прилетела ласточка,
принесла хорошую погоду
и хорошие годы,
брюшко белое,
спинка черная.
Вынеси инжирный пирог
из своего дома,
принеси кубок вина
и корзину с сыром.
И подсушенный,
и поджаренный хлеб
любит ласточка.
Отдать его ей или самим угоститься?
Если ты нам дашь –
а если откажешь, не найти тебе покоя, –
мы захватим дверь, и порог,
и хозяйку, которая в доме,
она маленькая, ее легко поднять.
А если угостишь нас, правильно сделаешь.
Открывай, открывай дверь ласточкам,
мы же не старики, мы дети².’

Новогреческий обычай встречать первую ласточку и устраивать обходные обряды первого марта распространен в Греции повсеместно и, по терминологии А. Ван Геннепа, является переходным: «в категорию церемоний перехода входят церемонии, которые сопровождают и, в зависимости от обстоятельств, подтверждают смену года, сезона, месяца» [Ван Геннеп, 1999, с. 161]. Структура обряда такова: дети обходят дома деревни с чучелом ласточки, исполняя заклички *χελιδονίσματα*, *μαρτήσια τραγούδια* ‘мартовские песни’ (из экспедиции в Дарнашские села, 2015 г.)³, *κάλαντα της χελιδόνας* ‘ласточкины колядки’⁴ [Συροπούλου, 1996, σ. 81] (Кардица, Серрес), *κάλαντα της άνοιξης* ‘весенние колядки’ (Кардица, Крит), в которых поется о прилете ласточки из-за моря и приходе весны. На примере колядки, зафиксированной в Филиппуполи

² Здесь и далее переводы с греческого выполнены автором статьи.

³ Здесь и далее при описании лексемы в скобках указана местность, в которой она фиксируется.

⁴ В статье термин «колядка» применяется к греческим весенним закличкам.

(нынешний Пловдив, в данный момент находится в Болгарии), мы можем рассмотреть структуру весенних греческих закличек.

Закличку открывает зачин, в котором сообщается о прилете ласточки:

*Χελιδόνα πέρασε
απ' τή Μαύρη θάλασσα
έκατσε και λάλησε
και γλυκά κελαήδησε.*

[Αποστολίδου,
1934–1935, σ. 225]

*(Ласточка прилетела
из-за черного моря.
Села, и защебетала,
и сладко запела.)*

Затем ласточка возвещает о приходе весны, о наступлении марта и конце февраля:

*Ποιόναν πρωτοάλησε;
τον πρωτόσκολο κι εμάς.
Μάρτη, Μάρτη μου καλέ,
και Φλεβάρη φοβερé,
κι άν φλογίσης κι αν τσικνίσης
καλοκαίρι θα μυρίσης
κι άν χιονίσης κι άν κακίσης
πάλιν άνοιξη θ' ανθίσης.*

[Там же, с. 226]

*‘Ο κομ она впервые заговорила?
Ο первом ученике и о нас.
Μарт, Μарт, μοι хорошиϊ,
и прекраснϊй Февраль,
даже если ты будешь гореть и жарить,
то запахнешь летом,
даже если будешь сыпать снегом
и погода будет плохой,
то опять расцветешь к весне.’*

Далее ряженые обращаются к хозяйке и просят, чтобы она вынесла им яйца:

*Σύ καλή νοικοκυρά.
βάλε τά πατίκια σου
Και στό σπίτι και στη χώρα
μέσα εδώ, που 'ρθαμε τώρα
φέρ' είκοσοχτώ αυγά
για εμάς τά τέσσερα,
κι έμπα στό κελλάρι σου.*

[Там же]

‘А ты, хорошая хозяйка,
надень свои обувки,
и в дом, на место,
куда мы сейчас пришли,
принеси двадцать восемь яиц
для нас четверых,
ступай в свой погреб.’

В обмен на угощение ряженые желают всех благ хозяевам и жителям дома, также используя противопоставление «пусть в дом войдет Март и уйдут вон вши и блохи»:

Ολο γειά κι' όλο χαρά,
στον αφέντη, την κυρά,
τ' άλλα γιά τόν δάσκαλο.
Στά παιδιά καί στους γονείς,
σ' όλους τους τούς συγγενείς.
Μέσα Μάρτης, όξου ψύλλοι
όξ' οχτροί, σάς τρών' οί σκύλοι,
μέσα φίλοι, μέσα φτήνια
καί χαρές, χοροί, παιχνίδια.
Καί φέτος καί του χρόνου καί του χρόνου μέ τής υγείας σας. Αμήν.
[Αποστολίδου, 1934–1935, σ. 226]

‘Здоровье и радость
хозяину и хозяйке,
а всё остальное учителю,
детям и родителям
и всем их родственникам.
Пусть войдёт Март, а уйдут блохи,
пошли вон, враги, пусть вас съедят собаки,
пусть войдут друзья, пусть [к нам] придет изобилие,
радость, танцы и игры.
В этом и в следующем году будьте здоровы. Аминь.’

Таким образом, композиция колядки состоит из зачина, сообщения о приходе весны, просьбе об угощении, величальной или пожелательной части. В колядках различных сел композиционные части могут отсутствовать или следовать в другом порядке, также несколько отличаться могут мотивы и символика. Так, в с. Метра дети обходят дома с чучелом ласточки, украшенным листьями плюща, которые символизируют приход весны и возвращение природы к жизни, и исполняют следующую песню:

Μάρτης μας ήρτε,
καί καλώς μάς ήρτε.
Τά όρη άνθίζουνε
οί κάμποι λουλουδιζουνε

τά χελιδόνια έρχονται
καί πάνε στις φωλιές τους.
Μάρτη, Μάρτη μου καλέ,
καί Απρίλη λαμπερέ,
τή Λαμπρή μάς έφερες,
τον παπά μας έσεβες.
Μπήκε μήνας. Θάλασσα,
θάλασσα τήν πέρασε.
Έκατσε καί λάλησε
στού προφήτου τήν αυλή.
Κάμ' αυγά σαρακοστά,
καί πουλιά πεντηκοστά,
νά ντύσουμε τό Μάρτη,
πουναι γεροντάκι,
πουναι τσιτσιδάκι.
Όξω ψύλλοι ποντικοί,
Μέσα ήλιος καί χαρά,
Καί καλή νοικοκερά.

[Χουρμουζιάδου, 1938, σ. 313–314]

*‘Μарт к нам пришел,
Добро пожаловать!
Горы расцветают,
луга покрываются цветами,
прилетают ласточки
и летят по своим гнездам.
Μарт, март мой хороший,
и светлый Апрель,
ты принес нам Пасху,
уважил нашего попа,
Наступил месяц. Море,
море она перелетела,
села и начала цебетать
во дворе пророка,
чтобы нести яйца сорокадневные,
чтобы вылуплялись птички
на Пятидесятницу,
давайте оденем Март,
который старичок,
который голенький.
Пошли вон, вши и блохи!
Пусть войдет солнце и радость,
и хорошая хозяйка!’*

Хозяйка угощала ряженных пирожками и яйцами, а те давали ей взамен листья плюща, которые нужно было поставить в куриные гнезда, «чтобы куры лучше неслись» [Χουρμουζιάδου, 1938, σ. 314]. Здесь март представлен в образе старика, который, вероятно, противопоставлен детям, поющим колядки.

В с. Силиврия существует поверье, что ласточка прилетает на Благовещение. Увидев первую ласточку, произносят следующий текст:

*Χελιδόνι γύρισε
καλοκαίρι μύρισε.
Άφκα σύκο καί σταφύλι
καί σταυρό καί λιχνιστήρι
κ' ήλθα κ' ηυρα τη φωλιά μ'
πού τήν φύλαγ' ή κερά μ'.*

[Σταμούλη Σαραντή, 1939, σ. 31]

*‘Ласточка вернулась,
летом запахло.
Я оставила инжир и виноград,
крест и вилы.
Я прилетела и нашла гнездышко,
которое берегла⁵ хозяйка.’*

В данном случае инжир, виноград и вилы являются символами осенних календарных праздников [Μέγας, 1976, σ. 233]. Ласточка также говорит «я оставила крест», т.к. она улетела осенью и «оставила» праздник Воздвижения Креста Господня (*Της υψώσεως του Σταυρού*) [Там же, с. 236]. Эта осенняя символика противопоставлена приходу весны.

Подобный текст фиксируется в с. Кастаньес, однако там упоминается клевер, который является символом весны (в Греции он растет только весной, когда прилетают ласточки):

*Άφκα σύκο καί σταφύλι
καί σταυρό καί λιχνιστήρι
ήρθα κ' ηυρα τό τριφύλλι
πάν' στου μαχαριού τή μύτη
τσίρ, τσίρ, τσίρ, τσίρ, τσίρ.*

[Σταμούλη Σαραντή, 1939, σ. 31–32]

*‘Я оставила инжир и виноград,
крест и вилы.
Я прилетела и нашла клевер⁶
на кончике ножа.
Чирик-чирик, чирик-чирик.’*

⁵ Считалось, что нельзя портить ласточкины гнезда или ловить ласточек, чтобы не выпадали волосы [Σταμούλη Σαραντή, 1939, σ. 31].

⁶ Когда прилетала ласточка, клевер срезали под корень кончиком ножа и отваривали вместе с остальными травами [Σταμούλη Σαραντή, 1939, σ. 31].

В с. Аграфа (Фессалия) пели:

*Άφκα, σύκο και σταφίδια
κι στοαυρό κι ανθημουνίτσα,
γύρσα πίσου, δεν τα βρήκα
λίσταρ-λίσταρ, λίσταρ-λίσταρ.*

[Μέγας, 1950, σ. 20]

*‘Я оставила инжир и виноград
и крест, и стог сена,
я вернулась и не нашла этого,
чирик-чирик, чирик-чирик.’*

В с. Меленитси (Серрес) колядующие упоминали в текстах, которые исполняли, фигуру школьного учителя, вероятно, потому что он организовывал детские обходные обряды:

*Χελιδόνα έρχεται απ’ τη Μαύρη θάλασσα
θάλασσα επέρασε, έκατσε και λάλησε
Λάλησε βασιλικά γράμματα που μάθαιναν
τα παιδιά στον δάσκαλο
Δάσκαλος μας έστειλε να μας δώσετε
πέντε αυγά, εάν δεν μας δώσετε αυγά
σας παίρνουμε την κλωσσαριά*

[Βράσση, 1995, σ. 50]

*‘Ласточка прилетает из-за Чёрного моря,
море перелетела, села и запела,
пропела царские буквы, которые учили
дети у учителя.
Учитель нас отправил, чтобы вы нам дали
пять яиц, а если не дадите нам яйца,
мы у вас заберем несущку.’*

В с. Сианна (Ρодος) обрядовый текст представлен следующим образом:

*Χελιδόνι πέταξε,
ηύρεν πύργον κι έκατσε,
κ’ εχαμοκελάδησε:
Μάρτη, Μάρτη μου καλέ,
και Απρίλη θαυμαστέ,
όσοι ‘μείς οι μαθητές
μαθημένοι είμεστε
ν’αγοράζουμεν εφτά,
να πουλούμεν δεκαεφτά.
Το κρασί μες στο ποτήρι,
και τα σύκα στο μαντήλι*

και τ'αυγά μες στο καλάθι.
 Δόστε μας την όρνιθά μας,
 μη μας γερ'ο δάσκαλός μας
 κ' έχετε το κρίμα μας
 και την αμαρτίαν μας.
 Που πάνω που τ' ανώφλια σας
 έχει μια περιστέρα.
 Ανοιξτε την πόρτα σας
 να πούμεν καλησπέρα.

[Αναστασιάδη, 1910, σ. 4–5]

‘Прилетела ласточка,
 нашла башню и села,
 и громко защебетала:
 Март, Март, мой хороший,
 и прекрасный Апрель,
 сколько нас учеников,
 все мы ученые –
 купим семь,
 продадим семнадцать.
 Вино в стакане,
 инжиры в платке,
 а наши яйца в корзине.
 Дайте нам несущку,
 чтобы нас не отлупил наш учитель,
 а то вы будете виноваты
 за ту беду, что с нами случилась.
 У вас на чердаке
 находится голубка.
 Откройте дверь,
 чтобы мы сказали «Добрый вечер».’

На Крите ряженые соединяют тростинки так, что они образуют крест, и украшают его ветками деревьев, цветами, колосьями пшеницы и ячменя, миндалям, бобами, мартовским оберегом. Эта конструкция называется *καλαντίστρα*⁷. Перед входом в дом ряженые разбрасывают бусины и исполняют следующие тексты:

Οξω ψύλλοι και κοργιοί
 όφηδες και μποντικοί
 κολισάρες και λιακόνια
 να γυρίζετε στ' αόρια⁸.

⁷ Νέστορα Ε. Μάρτιος ή Μάρτης. URL: <http://41dimotikoher.blogspot.com/2014/04/blog-post.html>

⁸ Там же.

*‘Пошли вон, вши и блохи,
змеи и мыши,
ящерицы и халциды,
возвращайтесь в горы.’*

*Ο Μάρτης ήρθε με χαρές και με δροσιές γεμάτος,
όλα τα έχνη τα κακά να μη φανή η φανιά ντώ,
όξω ψύλλοι και κοργοί, όφιδες και μποντικοί
κολισαύρες και λιακόνια,
όξω απόύ τ’ αφεντικού το στρώμα.
Το χελιδόνη νά ρχεται , στο σπίτι να φωλεύγει,
και να του δίδετε θροφή να παίρνει να μισέβγει
να πηαίνει εις την έρημο, να είναι φορτωμένο,
να τρώει να ευφραίνεται κι αυτό το βλοημένο
δώτε και μας τον κόπο μας, ό,τι είναι ο ορισμός σας
και ο Χριστός μας πάντοτε να είναι ο βοηθός σας,
χρόνους πολλούς να ζήσετε, πάντα ευτυχισμένοι
σωματικά και ψυχικά να είστε ευτυχισμένοι.⁹*

*‘Пришел Март, полный радости и прохлады,
и пусть он не будет показывать всех плохих животных.
Пошли вон, вши и блохи, змеи и мыши,
ящерицы и халциды,
пошли вон из-под хозяйского матраца.
Пускай придет ласточка и совьет гнездышко в доме,
чтобы вы ее кормили и чтобы [потом] она улетела,
чтобы, когда она полетит в пустыню, она имела вес,
чтобы она ела и была довольна, благословенная,
воздайте и нам за наш труд, что сами пожелаете,
и пусть Христос всегда вам помогает,
живите много лет, будьте всегда счастливы
и душой, и телом.’*

Πустыня, вероятно, в данном тексте является метафорой загробного мира, куда ласточка улетает, а затем возвращается с приходом весны, а потому обладает переходной символикай.

В настоящее время обряд встречи весны и первой ласточки в Греции существует в виде реконструкции: в школах и локальных культурных сообществах первого марта устраивают праздник встречи весны, в рамках которого изготавливают чучело ласточки и поют мартовские колядки.

Образ ласточки встречается также в традициях других балканских народов. В греческих похоронных песнях о сооружении могилы ласточка призвана передавать сообщение от мертвых к живым, т.к. ей отводится роль посредника между «верхним» и «нижним» миром, поскольку она

⁹ Παπαδάκη Ζ. Κάλαντα της άνοιξης. URL: <http://iscreta.gr/2017/03/%CE%BA%CE%AC%CE%BB%CE%B1%CE%BD%CF%84%CE%B1-%CF%84%CE%B7%CF%82-%CE%AC%CE%BD%CE%BF%CE%B9%CE%BE%CE%B7%CF%82/>

наделена способностью летать по горизонтали и по вертикали, а также обладает речью [Цивьян, 2008, с. 272–273]. В Болгарии и Македонии ее прилет приурочен к Благовещению или дню Сорока мучеников [Гура, 1997, с. 624]. Ласточка на Балканах наделена речью и считается ученой птицей: в Хорватии верят, что она знает латынь, и передают ее пение латинскими словами, в болгарских песнях их называют *граматици* ‘ученые, книжники’, в Сербии про начитанных людей говорят, что «они умудрены, как ласточка» [Там же, с. 630].

Также с ласточкой связан ряд этиологических легенд. В Пловдиве существовала легенда, согласно которой в ласточку превратилась девушка, выданная замуж за солнце или за разбойника, а потом сбегавшая [Там же, с. 619]. В некоторых югославских легендах она представлена в виде сестры, оплакивающей смерть брата, две другие сестры которой с горя превратились в кукушку и змею [Там же]. Возможно, что эти легенды восходят к мифу о Прокне и Филомеле. Повсюду на Балканах первого марта существует традиция повязывать на запястье «Мартеницу» – браслет из красной и белой нитей, согласно поверью, призванный защитить от солнца. Т.В. Цивьян подчеркивает связь ласточки с балканскими бело-красными оберегами: подобно ласточке, «Мартеница» двуцветна, и это контрастное сочетание цветов олицетворяет «свет и тьму, наш мир и нижний мир [Цивьян, 2009, с. 48–49]. В Софийском округе, увидев первую ласточку, детям на запястье повязывают красную нить, «чтобы ребенок был здоров» [Гура, 1997, с. 626]. У восточных славян существует традиция бросать камушек вслед первой ласточке, «чтобы не было прыщей, веснушек и солнечных ожогов» [Там же, с. 619].

Проанализировав вышеперечисленные обрядовые тексты, мы можем сделать следующие выводы о символике и этнолингвистической географии обряда встречи первой ласточки:

Образ ласточки в древне- и новогреческой календарной обрядности символизирует посредника, приносящего новую жизнь, обновление, весну и Пасху «из-за черного моря» [Елоева, 2009, с. 66–67]. Ласточка может летать по горизонтали и по вертикали, она наделена речью, а также сочетает в себе черный и белый цвета. Согласно Т.В. Цивьян, это позволяет отвести ей роль «медиатора» между верхним и нижним мирами [Цивьян, 2008, с. 272–273]. Летая за море и из-за моря, ласточка совершает «путь туда-обратно», «маршрут Харона», перевозчика умерших душ через реку [Цивьян, 1999, с. 347–348].

В рассмотренных закличках мы можем рассмотреть следующие бинарные оппозиции, которые выделяют Н.И. Толстой [Толстой, 1995а, с. 151–166], а также В.Н. Топоров и В.В. Иванов [Иванов, Топоров,

1965, с. 65–180]: чет – нечет (колядующие просят у ласточки или у хозяйки четное количество яиц, а компонент «чет» ассоциируется с достатком [Иванов, Топоров, 1965, с. 91]), верх – низ и юг – север (ласточка может летать по горизонтали и по вертикали), море – суша (ласточка прилетает «из-за черного моря»), весна – зима (в закличках в Филиппуполи и с. Метра апеллируют к месяцам Марту и Февралю), белый – черный (ласточка двуцветна), свой – чужой, внешний – внутренний (колядующие исполняют тексты на пороге дома, не заходя внутрь, а затем просят хозяйку вынести из дома угощение, чтобы совершить ритуальный обмен, также в конце колядок звучит призыв, чтобы дом покинули вши и блохи, а здоровье и радость вошли внутрь). Данные оппозиции можно обобщить как противопоставление «жизнь – смерть», «мир живых – мир мертвых». Граница между этими мирами стирается благодаря посредничеству ласточки и контакту колядующих с хозяйкой дома, и контакт между двумя мирами является метафорой вечной жизни и, как следствие, изобилия и плодородия [Цивьян, 2008, с. 271].

Прочие элементы закличек (яйцо, клевер и листья плюща) также обладают продуцирующей символикой. Вероятно, не случайно колядующие совершают ритуальный обмен именно с хозяйкой дома, олицетворяющей женское плодородное начало. Зеленые листья плюща которые ряженные дают хозяйке (с. Метра), являются метафорой прихода весны и оживания природы. Животные, которых ряженные призывают «пойти вон из дома» (вши, блохи, мыши, змеи, ящерицы), известные также и в славянской мифологии, являются хтоническими животными [Агапкина, 2002, с. 53–54], которые выходят из-под земли и могут быть опасны для людей во время переходного периода. Вероятно, их образы противопоставлены не только весне и радости, которые должны «войти в дом», но и образу самой ласточки: Т.В. Цивьян упоминает, что в иерархии мирового дерева птицы занимают верх/крону, а хтонические животные – низ/корни [Цивьян, 2008, с. 240].

В рассмотренных колядках можно выделить следующие мотивы:

- 1) прилет ласточки, которая сносит яйца;
- 2) прилет ласточки, которая приносит весну/лето и Пасху;
- 3) наступление месяца марта, который приносит весну/лето и Пасху;
- 4) ласточка щебечет о буквах и о местном учителе;
- 5) учитель посылает ряженных, чтобы они попросили яиц у хозяйки;
- 6) христианские мотивы («Пусть Христос вам всегда помогает», о. Крит).

В одной закличке может встречаться сразу несколько мотивов, они не приурочены к определенному ареалу и универсальны для всех регионов Греции. Можно выделить и некоторые локальные особенности

в мотивах колядок: в селах Силиврия, Кастаньес, Кессани в текстах упоминаются вилы (вероятно, потому что в начале весны вилами отделяли злаки от соломы), в с. Кастаньес упоминается «клевер на кончике ножа» (в пояснении к обрядовому тексту данная строчка объясняется тем фактом, что в начале весны кончиком ножа срезают дикие травы для приготовления блюда из вареной травы «хорта», и клевер входит в состав этого блюда), в с. Силиврия ласточка прилетает в гнездо, «которое берегла для нее хозяйка», что связано с запретом портить ласточкины гнезда, нарушение которого грозит выпадением волос. Нетипичной с точки зрения структуры и образности является колядка, записанная на Крите: она начинается с изгнания из дома блох, мышей и змей, а затем колядующие призывают хозяев «накормить ласточку, чтобы она довольная вернулась в пустыню». В древней колядке, записанной на Родосе, также присутствует призыв накормить ласточку. Стоит отметить, что образ ласточки, прилетающей «из-за черного моря», характерен для северных регионов, в прочих исследуемых регионах не уточняется, откуда она прилетела, в с. Силиврия ласточка прилетает «из пустыни», а на Крите она должна вернуться в пустыню.

Рассматривая образ ласточки как вестницы весны на балканском фоне, можно отметить, что ласточка в других балканских традициях представлена как птица, приносящая весну, а также как ученая птица, наделенная речью. Новогреческий обряд встречи первой ласточки имеет немного отличий от древнегреческого: структура и символика обрядов полностью совпадают, обрядовые тексты тоже близки с точки зрения структуры и содержания. В новогреческих обрядах роль «медиатора» выполняет все та же ласточка, дети просят у хозяйки также яйца, инжир и вино (Родос), конструкцию с ласточкой они также украшают листьями плюща или другими растениями и цветами. Новогреческий обрядовый текст, наиболее близкий к древнему, фиксируется на Родосе, однако структура и мотивы универсальны для всех новогреческих текстов. Древнегреческая колядка была зафиксирована на Родосе, однако традиция встречать первую ласточку также имеет широкое распространение в Северной Греции. Вероятно, это обусловлено тем, что миф о Филемеле, превращенной в ласточку, локализовался на территории Фокиды и Фракии. Также возможно, что именно поэтому ласточка прилетает «из-за черного моря» в колядках северных регионов – потому что там она воспринимается как гость из другого мира. Такая близость греческой традиции к античной свидетельствуют о непрерывности и диахроничности греческой культуры. Также присутствие образа ласточки в поверьях и легендах Балкан может свидетельствовать о наличии некоего общего фракийского субстрата.

Так, образ ласточки в греческом обряде встречи весны сохранился от античности до наших дней, в настоящий момент обряд существует в виде реконструкции на школьных и официальных праздниках. Сохранилась также общая структура обряда и обрядового текста, общая символика (листья плюща, яйца, инжир, вино). Эта продуцирующая символика указывает нам на семантику смерти и воскрешения, обновления и вечной жизни и принадлежность обряда к культуре умирающего и воскресающего бога, а сходство между древним и современным обрядом – на диахроничность и непрерывность греческой культуры.

Библиографический список / References

Агапкина, 2000 – Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000. [Agapkina T.A. Etnograficheskie svyazi kalendarnykh pesen. Vstrecha vesny v obyadakh i folklore vostochnykh slavyan [Ethnographic connections of calendar songs. The meeting of spring in the rituals and folklore of the Eastern Slavs]. Moscow, 2000.]

Агапкина, 2002 – Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. [Agapkina T.A. Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnii tsikl [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow, 2002.]

Байбурин, 1993 – Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. [Ritual v tradicionnoj kulture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obyadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg, 1993.]

Ван Геннеп, 1999 – Ван Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999. [van Gennep A. Obyady perekhoda [Les rites de passage]. Transl. from French. Moscow, 1999.]

Гура, 1997 – Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. [Gura A.V. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997.]

Елоева, 2009 – Елоева Ф.А. «Ласточка» Одиссея Элитиса, или Роль одного поэтического текста в жизни страны // Мартеница. Mărțișor. Mart'с. Verore... (Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года) / Отв. ред. И.А. Седакова. М., 2009. С. 62–71. [Eloeva F.A. "Swallow" by Odysseus Elitis, or The role of one poetic text in the life of the country. Martenitsa. Mărțișor. Mart's. Verore... (Materialy Kruglogo stola 25 marta 2008 goda). I.A. Sedakova (ed.). Moscow, 2009. Pp. 62–71. (In Rus.)]

Зелинский, 1922 – Зелинский Ф.Ф. Античный мир. Т. 1. Петроград, 1922. [Zelinskii F.F. Antichnyi mir [Ancient world]. Vol. 1. Petrograd, 1922.]

Иванов, Топоров, 1965 – Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. [Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow, 1965.]

Соколов, 1980 – Соколов Г.И. Искусство Древней Греции. М., 1980. [Sokolov G.I. Iskusstvo Drevnei Gretsii [Art of Ancient Greece]. Moscow, 1980.]

Толстой, 1995а – Толстой Н.И. Бинарные противопоставления типа *правый – левый, мужской – женский* // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 151–166. [Tolstoi N.I. Binary oppositions of the type right – left, male – female. *Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, 1995. Pp. 151–166. (In Rus.)]

Толстой, 1995б – Толстой Н.И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 41–43. [Tolstoi N.I. Problems of reconstruction of the ancient Slavic spiritual culture. *Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, 1995. Pp. 41–43. (In Rus.)]

Топоров, 1988 – Топоров В.Н. Ласточка // Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. Т. 2. М., 1992. С. 39. [Toporov V.N. The Swallow. *Mify narodov mira*. S.A. Tokarev (ed.). Vol. 2. Moscow, 1988. Pp. 39. (In Rus.)]

Фрэзер, 2001 – Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. Рыклина. Т. 2. М., 2001. [Frazer J.G. *Zolotaya vetv: Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A study in magic and religion]. Transl. from English M. Ryklina. Moscow, 2001.]

Цивьян, 1999 – Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М., 1999. [Tsivyan T.V. *Dvizhenie i put v balkanskoi modeli mira* [Movement and path in the Balkan model of the world]. Moscow, 1999.]

Цивьян, 2008 – Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Т. 1. М., 2008. [Tsivyan T.V. *Yazyk: tema i variatsii* [Language: Theme and variations]. Moscow, 2008.]

Цивьян, 2009 – Цивьян Т.В. Многоликий балканский март // Мартеница. Märtşor. Март'с. Verore... (Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года) / Отв. ред. И.А. Седакова. М., 2009. С. 48–52. [Tsivyan T.V. The many-sided Balkan March. *Martenitsa. Märtşor. Март'с. Verore...* (Materialy Kruglogo stola 25 marta 2008 goda). I.A. Sedakova (ed.). Moscow, 2009. Pp. 48–52. (In Rus.)]

Аποστολίδου, 1934–1935 – Αποστολίδου Κ.Μ. Τραγούδια των φιλιππουπολιτών κατά 19ον αιώνα // Αρχείον του θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Τ. 1. Αθήνα, 1934–1935. Σ. 145–467. [Apostolίδου Κ.Μ. Songs of the Philippopolitans during the 19th century. *Arxeion toy thrakikoy laografikoy kai glwssikoy thhsayroy*. Vol. 1. Athens, 1934–1935. Pp. 145–167. (In Greek)]

Βράσση, 1995 – Βράσση Μ. Λαογραφική έρευνα στο χωριό Μελενίτσι Σερρών. Κομοτηνή, 1995. [Brassh M. *Laografikh ereyna sto xwrio Melenitsi Serrwn* [Folklore research in the village of Melenitsi, Serres]. Komotini, 1995.]

Γερμίδης, 1972–1973 – Γερμίδης Α. Τα Γανόχωρα Α. Θράκης // Θρακικά. Τ. 46. Αθήνα, 1972–1973. [Germidhs A. The village of Ganochora in Eastern Thrace. *Thrakika*. Vol. 46. Athens, 1972–1973. (In Greek)]

Μέγας, 1950 – Μέγας Α.Γ. Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Τ. 5. Αθήνα, 1950. [Megas A.G. *Epethris toy laografikoy arxeioy* [Yearbook of the folklore archive]. Vol. 5. Athens, 1950.]

Μέγας, 1976 – Μέγας Α.Γ. Ελληνικά εορταί και έθιμα λαϊκής λατρείας. Αθήνα, 1976. [Megas A.G. *Ellhnikai eortai kai ethima laikhs latreias* [Greek rites and customs of popular worship]. Athens, 1976.]

Παπαχριστοδούλου, 1960 – Παπαχριστοδούλου Π. Τα ελληνικά γράμματα τόν ΙΗ' και ΙΘ' αιώνα στην Θράκη // Αρχείον του θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Τ. 25. Αθήνα, 1960. Σ. 65–111. [Papaxristodoyloy P. The Greek

letters of the 18th and 19th centuries in Thrace. *Arxeion toy thrakikoy laografikoy kai glwssikoy Thhsayroy*. Vol. 25. Athens, 1960. Pp. 65–111. (In Greek)]

Σαμούλη Σαραντή, 1936 – Σαμούλη Σαραντή Ε. Παραδόσεις της Θράκης // Θρακικά. Τ. 7. Αθήνα, 1936. Σ. 211–258. [Samoylh Saranth E. Traditions of Thrace. *Thrakika*. Vol. 7. Athens, 1936. Pp. 211–258. (In Greek)]

Σταμούλη Σαραντή, 1936 – Σταμούλη Σαραντή Ε. Δημοτικά τραγούδια της Θράκης // Θρακικά. Τ. 11. Αθήνα, 1939. Σ. 1–281. [Saranth E. Folk songs of Thrace. *Thrakika*. Vol. 11. Athens, 1939. Pp. 1–281.]

Συροπούλου, 1996 – Σπυροπούλου Α. Βιτάστα ή Κρηνίδα Σερρών. Κομοτηνή, 1996. [Spyropoyloy A. Bitasta h Krhnida Serrwn [Vitasta or Krinida of Serres]. Komotini, 1996.]

Χουρμουζιάδου, 1938 – Χουρμουζιάδου Κ. Το Τσαχί της επαρχίας Μέτρων // Θρακικά. Τ. 9. Αθήνα, 1938. [Χουρμουζιάδου Κ. The Tsachi of the province of Meters. *Thrakika*. Vol. 9. Athens, 1938. (In Greek)]

Статья поступила в редакцию 07.12.2021

The article was received on 07.12.2021

Сведения об авторе / About the author

Яхонтова Яна Борисовна – аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Yana B. Yakhontova – graduate student at the Department of Byzantine and Modern Greek Philology of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: yankayah@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

Кр. АлексоваСофийский университет имени Св. Климента Охридского,
1504 г. София, Республика Болгария

Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке

В данной работе представлены результаты вычисления некоторых типологических характеристик эвиденциальной парадигмы современного болгарского языка на основе индексов Г. Герджикова. Выбор подхода связан с тем, что индексы Г. Герджикова опираются на данные, извлекаемые из парадигм, а не из текста, который зависит от стиля, регистра, темы и др., как в случае индексов Дж. Гринберга. В связи с наличием вариантности в микропарадигме отрицательных форм времен следования в конклюдиве, ренарративе и дубитативе сопоставляются пять типологических индексов Г. Герджикова для 14 эвиденциальных микропарадигм в современном болгарском языке: индексы степени аналитизма, синтетизма, композитности, маркированности члена парадигмы и дискретизации грамматической информации.

Ключевые слова: типологические индексы, дубитатив, ренарратив, конклюдив, индикатив, синтетизм, аналитизм, композитность, маркированность члена парадигмы, дискретизация грамматической информации

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Алексова Кр. Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 27–63. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

© Алексова Кр., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

Kr. Aleksova

Sofia University St. Kliment Ohridski,
Sofia, 1504, Republic of Bulgaria

Five typological indices of the verb paradigm in modern Bulgarian

The research deals with the calculation of some typological characteristics of the evidential paradigm in modern Bulgarian following G. Gerdzhikov's theoretical view on typological indices. Gerdzhikov's indices rely on data taken from paradigms, contra to J. Greenberg's approach, which is based on texts, that generally bear information about style, register, themes, etc. In the Bulgarian conclusive, renarrative and dubitative, variability in the microparadigm of negative posterior tenses is observed, which brings the comparison of five indices found in Gerdzhikov's theory: degree of analyticity, degree of syntheticity, degree of composition, degree of markedness of a paradigm member and the discretization of the grammatical information of 14 evidential microparadigms in modern Bulgarian.

Key words: typological indices, dubitative, renarrative, conclusive, indicative, syntheticity, analyticity, markedness of a paradigm member, discretization of the grammatical information

FOR CITATION: Aleksova Kr. Five typological indices of the verb paradigm in modern Bulgarian. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 27–63. (In Rus.)
DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-27-63

1. Введение

Основная задача данной работы – представить пять типологических индексов глагольной парадигмы в болгарском языке: индексов синтетизма, аналитизма, композитности, степени маркированности и индекса дискретизации грамматической информации в плане выражения. Эти индексы были предложены и теоретически обоснованы Георгием Герджиковым [Герджиков, 1983], но они не вычислены и не описаны для парадигмы глагола в современном болгарском языке. Поэтому основная наша цель состоит в том, чтобы вычислить и описать эти индексы,

продемонстрировав их значительный объяснительный потенциал, который дает возможность сопоставлять различные языки и различные диахронические состояния одной и той же парадигмы в рамках одного языка.

Типологические индексы, которые представляют собой количественный метод сопоставления парадигм в одном или нескольких языках, являются важным инструментом, который позволяет с типологической точки зрения анализировать состояния языковых парадигм. Типологические индексы дают возможность сопоставлять даже такие языки, которые принадлежат к разным морфологическим типам, и их применение увеличивает объяснительную силу лингвистической типологии.

Наиболее известным является подход к разработке типологических индексов, предложенный Дж. Гринбергом. Он представил в качестве количественного подхода к типологической морфологии индексы, которые вычисляются на основе текстов в 100 слов. Это индекс синтетизма (число морфем к числу слов), агглютинации (число агглютинативных конструкций к числу морфемных границ), индекс образования сложных слов (число корневых морфем к числу слов), деривационный индекс (число деривационных морфем к числу слов), индекс словоизменения (число флективных морфем к числу слов), индекс префиксации (число префиксов к числу слов), индекс суффиксации (число суффиксов к числу слов), а также еще 3 индекса, связанные с порядком слов и согласованием [Greenberg, 1960]. Как видно, все это индексы контекстно зависимые, на которые может оказать влияние специфика текста, тема, стиль, регистр и мн. др. По нашему мнению, они могут быть адекватно применимы лишь при сопоставлении индексов, извлеченных из одного и того же текста на разных языках.

После работ Дж. Гринберга проблематика типологических индексов как метода описания грамматики включена в более широкий круг исследований в рамках квантитативной лингвистики [Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005; Cysouw, 2007 и др.], обсуждаются также понятия иерархии и шкалы в типологии [Bornkessel-Schlesewsky, Malchukov, Richards, 2015] и т.д.

В настоящей работе мы обратимся к другому подходу к применению типологических индексов, который разработан болгарским лингвистом Георгием Герджиковым [Герджиков, 1983]. В своих работах он выводит некоторые общие типологические зависимости, представленные индексами, а также панхронические законы грамматических парадигм [Герджиков, 1990, 1997, 2013]. Указанные труды могут рассматриваться как продолжение исследований развития индоевропейских языков к аналитизму, предпринятых в двух его предшествующих публикациях [Герджиков, 1983, 1987]. В упомянутых работах Г. Герджиков

представляет комплекс индексов, которые составляют основу выведения законов грамматических парадигм. Далее мы остановимся только на пяти из этих индексов: степень аналитизма, степень синтетизма, степень композитности, средняя степень маркированности члена парадигмы и степень дискретизации грамматической информации в плане выражения.

При сопоставлении индексов Дж. Гринберга и Г. Герджикова обращает на себя внимание, во-первых, то, что индексирование у Дж. Гринберга базируется на показателях текста в 100 слов, а у Г. Герджикова – на данных парадигм одной части речи. Во-вторых, понимание синтетизма у этих авторов существенно различается. Г. Герджиков обоснованно критикует идею Дж. Гринберга о том, что синтетизм можно представить как отношение числа морфем к числу слов. Подобное отношение, по мнению Г. Герджикова, характеризует степень полиморфемности слова, а не показатель степени синтетизма [Герджиков, 1983]. Несостоятельность отношения, которая содержится в этом индексе Гринберга, проявляется при сопоставлении этого индекса и соответствующего ему индекса аналитизма (число слов к числу морфем), вычисленных по методу Гринберга У. Коугилом [Cowgill, 1966] и Г. Герджиковым [Герджиков, 1983] по отношению к староболгарским текстам, и Й. Линдстедтом – по отношению к современному болгарскому языку на четырех текстах [Lindstedt, 1981]. Из этого сравнения вытекает, что староболгарский язык обладал более высокой степенью аналитизма, чем современный болгарский, что Г. Герджиков характеризует как удивительный и странный результат [Герджиков, 1983], потому что он не отвечает действительному положению дел.

2. Пять типологических индексов парадигмы глагола в современном болгарском языке

В настоящей работе мы принимаем положение Г. Герджикова о том, что степень аналитизма (a) представляет собой отношение числа микрословоформ¹ (μ) в рамках членов одной парадигмы к числу

¹ Под микрословоформами понимаются элементарные единицы, из которых состоит одна словоформа, напр. *пиша* имеет одну микрословоформу, *ще пиша* – две, *щях да пиша* – три и т.д. Под членом парадигмы имеется в виду грамматически оформленная синтетическая или аналитическая глагольная словоформа, выражающая обязательные грамматические значения в данном языке; например, наст. вр. индикатива в болгарском языке имеет 6 членов, а перфект в индикативе – 12 членов. Положительные семантические нагрузки – это выражаемые дифференциальные признаки данного члена парадигмы одной части речи, что значимо для степени маркированности каждого члена. В целом используемый здесь термин “микрословоформа” синонимичен термину „компонент аналитического слова» в русской грамматической традиции.

положительных семантических нагрузок (p), содержащихся в этих микрословоформах. Герджиков дает для этого индекса следующее математическое выражение: $a = \mu/p$ [Герджиков, 1990, с. 152; Герджиков, 2013, с. 287]. В его понимании развитие к аналитизму представляет собой «тенденцию к прогрессивному сокращению среднего количества приходящейся на микрословоформу грамматической информации, выражаемой флективной аффиксацией» [Герджиков, 1990, с. 151].

Индекс синтетизма (s) вычисляется через обратное отношение между числом позитивных дифференциаторов и числом микрословоформ: $s = p/\mu$ [Там же, с. 152; Герджиков, 2013, с. 287]. Высокие показатели этого индекса свидетельствуют о высокой степени выражения грамматических значений в рамках микрословоформ посредством флективной аффиксации, а не посредством агглютинации, супплетивизма или внутренней флексии.

Одним из важных индексов, связанных с развитием языка от синтетизма к аналитизму, является индекс степени композитности (c). Герджиков представляет его в численном виде как отношение числа микрословоформ к числу членов парадигмы (U): $c = \mu/U$. Этот индекс дает информацию о том, «из скольких микрословоформ в среднем состоит одна макрословоформа, т.е. означающее одного члена» [Герджиков, 1990, с. 153].

Герджиков вводит и индекс, являющийся показателем объема парадигмы, поскольку он представляет среднюю степень маркированности члена парадигмы (m), т.е. показывает, сколько положительных семантических дифференциаторов несут на себе в среднем члены одной парадигмы: $m = U/p$. Обратный индекс $\bar{m} = p/U$ является показателем бедности парадигмы, выражающейся или в аморфологичности, или в деморфологизации [Там же, с. 153; Герджиков, 2013, с. 288–289].

Следующий анализируемый здесь индекс – это индекс дискретизации грамматической информации в плане выражения, предполагающий исследование того, на сколько формальных показателей распределяются выражаемые грамматические значения.

Согласно Г. Герджикову, среднюю степень формальной дискретизации грамматической информации (d) можно выразить через отношение числа грамматических морфем в парадигме (M) к числу положительных дифференциалов (положительных семантических признаков) (p): $d = M/p$ [Герджиков, 1990, с. 154]. В агглютинативных языках, где грамматические морфемы однозначны и однотипны, показатель d высокий, а во флективных языках его значение увеличивается за счет упомянутых ранее тенденций к аналитическому развитию и приобретению агглютинативных черт, а также за счет деморфологизации – потери

грамматической (грамматических) категории (категорий). Г. Герджиков формулирует это как типологический закон, согласно которому степень дискретизации грамматической информации (d) зависит от следующего:

- деморфологизация m – индекс, показательный для деморфологизации или аморфологизма, который можно представить как соотношение между индексами аналитизма (a) и некомпозитивности c : $\bar{m} = a \cdot \bar{c}$ [Герджиков, 2013, с. 291];
- развитие композитных форм (индекс c : $c = a \cdot m$, где a – степень аналитизма, а m – индекс степени маркированности члена парадигмы [Там же];
- полиморфемность – π , т.е. индекс, вычисляемый как отношение числа грамматических морфем M к числу микрословформ в парадигме μ : $\pi = M/\mu$ [Герджиков, 2013, с. 293].

Г. Герджиков следующим образом представляет связь между тремя указанными индексами при формулировании закона степени дискретизации: $d = \bar{m} \cdot c \cdot \pi$ [Там же, с. 296]. Поэтому чтобы вычислить степень дискретизации грамматической информации в парадигме современного болгарского глагола, необходимо сначала вычислить индексы степени композитности (c) и степени грамматической полиморфемности (π), т.к. деморфологизация не коснулась глагольной парадигмы болгарского языка. Поэтому далее мы рассмотрим именно эти индексы.

Итак, далее будут сопоставлены указанные пять типологических индексов четырех болгарских эвиденциалов: индикатив, конклюдив, ренарратив, дубитатив.

Индикатив в болгарском языке выражает достоверность информации о ситуации, а при временах прошлого – свидетельскую информацию о действии (1). Конклюдивом выражается вывод, обобщение, умозаключение (2). Ренарратив представляет передачу чужой информации (3), а дубитатив выражает недоверие при передаче чужого сообщения (4) [Герджиков, 1984; Куцаров, 2007; Ницолова, 2007, 2008; Smirnova, 2013; Макарецв, 2014; Търпоманова, 2014; Алексова, 2015 и др.]. Эти четыре члена образуют в болгарском языке категорию эвиденциальности, каждый член этой категории мы будем называть эвиденциалом.

(1) Иван **замина** на екскурзия.

‘Иван уехал на экскурсию’ (индикативный аорист, свидетельская достоверная информация).

(2) Вероятно **е щял** да ти **се обади**.

‘Предполагаю/Наверное, он должен был тебе позвонить’ (конклюдивная форма будущего в прошедшем).

(3) Иван **заминал** на екскурзия.

‘Иван, говорят, поехал на экскурсию’ (ренарративный аорист).

(4) **Щял бил да заминава** за екскурзия, не е вярно!

‘На экскурсию он, мол, поедет, неправда!’

(дубитативное будущее)

Поясним, почему далее сравниваются 14 эвиденциальных микропарадигмы², а не 8 (по одной положительной и одной отрицательной для каждого из четырех эвиденциалов). Микропарадигм 14, т.к. отрицательные формы следования для конклюдива, ренарратива и дубитатива отличаются наличием трех вариантов (см. [Алексова, 2021а, 2021б]). Существующая вариантность отчасти обсуждалась и в исследованиях других ученых [Куцаров, 2007; Ницолова, 2008], а для целей настоящей работы и для предшествующих публикаций [Алексова, 2021а, 2021б] она проверена по электронным корпусам и особенно в Интернете, где спектр употреблений постоянно обновляется.

1. У конклюдива можно допустить наличие трех вариантов отрицательных форм для времен следования:

- доминирующий вариант с безличным формантом **нямало е**, который присутствует во всех лицах в ед. ч. и мн. ч. (напр. *нямало е да чета*, *нямало е да съм / бѣда чел*, *-а, -о*, *нямало е да съм / бѣда мит*, *-а, -о* и т.д.);
- вариант с формантом **нямало съм**, в котором глагол *съм* спрягается по лицам и числам (*нямало съм да чета*, *нямало съм да съм/бѣда чел*, *-а, -о*, *нямало съм да съм / бѣда мит*, *-а, -о* и т.д.). Однако конклюдивные употребления этого варианта не были обнаружены в корпусах и Интернете, хотя указания на них имеются в некоторых работах [Куцаров, 2007, с. 388–405; Ницолова, 2008, с. 359–369];
- вариант, образованный с помощью частицы **не**, которая ставится перед положительными конклюдивными формами (*не съм щял*, *а, -о да чета*, *не съм щял*, *-а, -о да съм / бѣда чел*, *-а, -о*, *не съм щял да съм / бѣда мит*, *-а, -о* и т.д.). Этот вариант обнаруживается в Интернете, хотя и редко, потому что глагол *ща* может сохранять следы выражения желания. Кроме того, в извлеченных примерах 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч. (это лица, при которых наблюдается совпадение пересказывательных и конклюдивных форм) реализуется семантика пересказывания, а не конклюдивная [Алексова, 2021а].

² Под микропарадигмой здесь мы называем парадигму каждого из болгарских эвиденциалов, которые в целом составляют парадигму глагола в современном болгарском языке.

2. Вариантность присутствует и в микропарадигме отрицательных форм времен следования в ренарративе:

- вариант с формантом **нямало** с опущением вспомогательного глагола *съм* во всех лицах и числах (напр. *нямало да чета, нямало да съм / бѣда чел, -а, -о, нямало да съм / бѣда мит, -а, -о* и т.д.);
- вариант с формантом **нямало съм**, в котором глагол *съм* спрягается по лицу и числу (*нямало съм да чета, нямало съм да съм / бѣда чел, -а, -о, нямало съм да съм / бѣда мит, -а, -о* и т.н.). Этот вариант в 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч. засвидетельствован только с пересказывательной семантикой, при том что в этих лицах ренарратив и конклюдив должны бы совпадать;
- вариант, образованный частицей **не**, которая ставится перед положительными ренарративными формами (*не съм щял, а, -о да чета, не съм щял, -а, -о да съм / бѣда чел, -а, -о, не съм щял да съм / бѣда мит, -а, -о* и т.д.).

3. Варианты отрицательной парадигмы времен следования для дубитатива в 1 и 2 л. ед. ч. и мн. ч.:

- вариант, содержащий формант **нямало съм бил** со спрягаемым вспомогательным глаголом *съм* (напр. *нямало съм бил, -а, -о да чета, нямало съм бил, -а, -о да съм / бѣда чел, -а, -о, нямало съм бил да съм / бѣда мит, -а, -о* и т.д.);
- вариант, содержащий безличный формант **нямало било** (с опущением вспомогательного глагола *съм*, напр. *нямало било да чета, нямало било да съм / бѣда чел, а, -о, нямало било да съм / бѣда мит, -а, -о*);
- вариант, образованный с помощью частицы **не**, которая ставится перед положительными формами (*не съм бил, -а, -о щял, -а, -о да чета, не съм бил, -а, -о щял, -а, -о да съм / бѣда чел, -а, -о*), при этом в страдательном залоге эти формы не фиксируются в корпусах и Интернете.

Отрицательные дубитативные формы будущих времен в 3 л. ед. ч. и мн. ч. в действительном и страдательном залоге также показывают наличие трех вариантов:

- вариант с формантом **нямало бил, -а, о** в 3 л. ед. ч. и **нямало били** в 3 л. мн. ч., который отличается тем, что *бил* согласуется по роду и числу (напр. *нямало бил, -а, -о да чете, нямало бил, -а, -о да е / бѣде чел, -а, -о, нямало бил, -а, -о да е / бѣде мит, -а, -о; нямало били да четат, нямало били да са / бѣдат чели, нямало били да са / бѣдат мити*);
- вариант с безличным формантом **нямало било**, который сохраняется во всех лицах, включая 3 л. ед. ч. и мн. ч. (напр. *нямало било да чете, нямало било да е / бѣде чел, -а, -о, нямало било да е / бѣде мит, -а, -о, нямало било да четат, нямало било да са / бѣдат чели, нямало било да са / бѣдат мити*);

– вариант, который образуется с помощью отрицательной частицы **не**, добавленной к положительным формам, при этом страдательные формы не фиксируются ни в корпусе, ни в Интернете, ни в работах других исследователей (*не бил, -а, -о щял, -а, -о да чете, не бил, -а, -о щял, -а, -о да е/бъде чел, -а, -о*).

Чтобы вычислить индексы аналитизма, синтетизма, композитности, маркированности члена парадигмы и дискретизации грамматической информации в плане выражения, сначала была построена матричная модель болгарского глагола. В ней содержатся все возможные члены его парадигмы, причем для каждого из них отмечено, по каким признакам обязательных грамматических категорий глагола в современном болгарском языке он является немаркированным (–) или маркированным (+). Таблица 1 дает представление об этой матричной модели.

По горизонтали в табл. 1 представлены грамматические категории современного болгарского глагола, при этом каждая категория представлена признаками, выстраивающими значения грамем. Например, в категории лица это признаки коммуникатора и говорящего, в категории эвиденциальности – субъективности и пересказываемости и т.д. По вертикали даны все глагольные словоформы. Плюсом (+) выражена маркированность по данному признаку, т.е. положительная семантическая нагрузка, минус (–) указывает на немаркированность по данному признаку, 0 означает нейтрализацию данного признака, а х – невыраженность данного признака. Следовательно, чтобы представить значение *p*, нужно выполнить подсчет плюсов в табл. 1 в рамках отдельных микропарадигм.

Прежде чем вычислить пять интересующих нас типологических индексов, необходимо сопоставить 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству членов (рис. 1) и количеству микрословоформ (рис. 2), потому что данные о них релевантны для подсчета некоторых из типологических индексов и объясняют их величину.

Больше всего членов (по 216) у положительных и отрицательных микропарадигм индикатива (см. рис. 1). Вторую группу составляют положительные конклюдивные формы, микропарадигма с отрицательными конклюдивными формами с частицей *не*, включая и времена следования, и ренарративные формы с частицей *не* для времен следования (156 членов). То, что эти косвенные эвиденциалы имеют меньше членов, ожидаемо, т.к. в действительном и страдательном залоге снимается противопоставление между индиректными и директными временами, а в страдательном залоге еще и противопоставление между результативными и нерезультативными временами. Третья группа включает ренарративные и конклюдивные микропарадигмы с 144 членами;

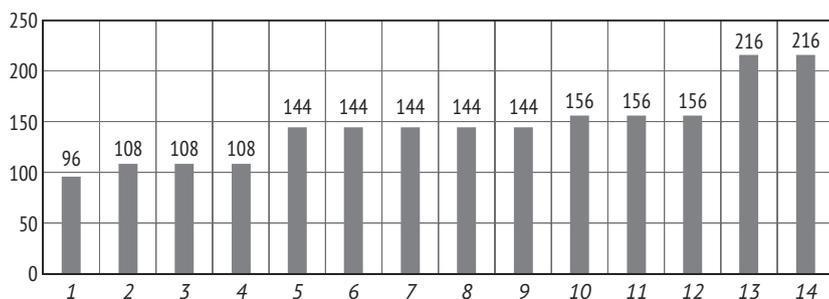
Таблица 1

Образец матричной модели болгарского глагола в изъявительном наклонении
[Sample matrix model of a Bulgarian verb in the indicative]

Время [Time]	Форма [Form]	Коммуникатор [Communicator]	Говорящий [Speaker]	Множественность [Plurality]	Феминальность [Femininity]	Нейтральность [Neutrality]	Центростремительность [Centripetal]	Пассивность [Passivity]	Комплексность [Complexity]	Предшествование [Antecedence]	Индиректность [Indirect]	Следование [Posteriority]	Перфектность [Perfect]	Пересказывание [Retelling]	Субъективность [Subjectivity]	Негативность [Negativity]	Волеитивность [Intentionality]	Эвентуалис [Eventuality]	Потенциалис [Potentialis]	Предполагаемость [Presupposition]
Настоящее [Present]	1. <i>пиша</i>	+	+	-	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Настоящее [Present]	2. <i>пишеш</i>	+	-	-	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Настоящее [Present]	3. <i>пише</i>	-	-	-	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Настоящее [Present]	1. <i>пишем</i>	+	+	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Настоящее [Present]	2. <i>пишете</i>	+	-	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Настоящее [Present]	3. <i>пишат</i>	-	-	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Аорист [Aorist]	1. <i>писах</i>	+	+	-	X	X	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Аорист [Aorist]	2. <i>писа</i>	+	-	-	x	x	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Аорист [Aorist]	3. <i>писа</i>	-	-	-	x	x	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Аорист [Aorist]	1. <i>писахме</i>	+	+	+	x	x	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Аорист [Aorist]	2. <i>писахте</i>	+	-	+	x	x	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Аорист [Aorist]	3. <i>писаха</i>	-	-	+	x	x	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	1. <i>ще пиша</i>	+	+	-	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	2. <i>ще пишеш</i>	+	-	-	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	3. <i>ще пише</i>	-	-	-	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	1. <i>ще пишем</i>	+	+	+	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	2. <i>ще пишете</i>	+	-	-	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Будущее [Future]	3. <i>ще пишат</i>	-	-	+	x	x	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Перфект [Perfect]	1. <i>писал съм</i>	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

меньшее число в сравнении со второй группой – это результат прежде всего отсутствия согласования по роду в ед. ч. Положительная дубитативная микропарадигма и два варианта отрицательных дубитативных форм имеют по 108 членов, т.к. в действительном и страдательном залоге отсутствуют дубитативные формы перфекта и плюсквамперфекта, а в страдательном залоге – и формы дубитативных небудущих времен. Самая бедная по количеству членов – микропарадигма отрицательных дубитативных форм, включающая формы времен следования с безличным формантом *нямало било*, при котором количество членов уменьшается в связи с отсутствием согласования по роду и числу в рамках этого форманта.

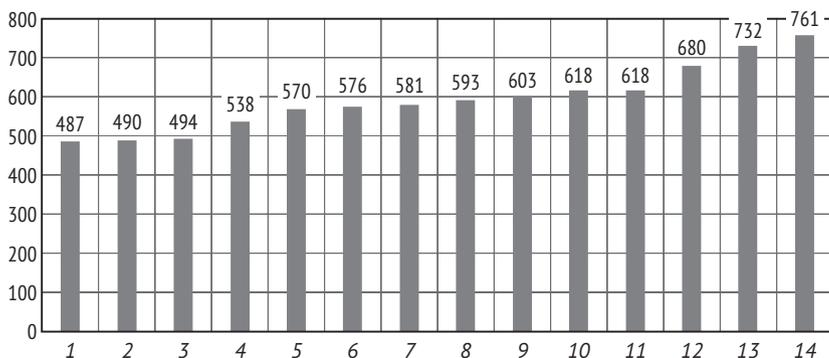
Рис. 1. Сопоставление 14 эвиденциальных микропарадигм по числу членов

1 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 2 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); 3 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм бил*); 4 – дубитатив, положительная форма; 5 – ренарратив, положительная форма; 6 – конклюдив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 7 – конклюдив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 8 – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 9 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 10 – конклюдив, положительная форма; 11 – конклюдив, отрицательная форма 3 (*не*); 12 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 13 – индикатив, положительная форма; 14 – индикатив, отрицательная форма

Fig. 1. Comparison of 14 evidential microparadigms by the number of members

1 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 2 – dubitative, negative form 3 (*не*); 3 – dubitative, negative form 1 (*нямало сьм бил*); 4 – dubitative, positive form; 5 – renarrative, positive form; 6 – conclusive, negative form 1 (*нямало сьм*); 7 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 8 – renarrative, negative form 1 (*нямало сьм*); 9 – renarrative, negative form 1 (*нямало*); 10 – conclusive, positive form; 11 – conclusive, negative form 3 (*не*); 12 – renarrative, negative form 3 (*не*); 13 – indicative, positive form; 14 – indicative, negative form

На рис. 2 представлена иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству микрословоформ. На диаграмме видно, что больше всего микрословоформ у индикатива (761), что обусловлено большим количеством членов. Обращает на себя внимание также то, что отрицательные парадигмы косвенных эвиденциалов с частицей *не* имеют сравнительно большое количество микрословоформ. Дубитативные микропарадигмы, несмотря на то что их формы содержат больше микроэлементов, располагаются среди частных парадигм с наименьшим числом микрословоформ, потому что имеют меньше членов.

Рис. 2. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по количеству микрословоформ

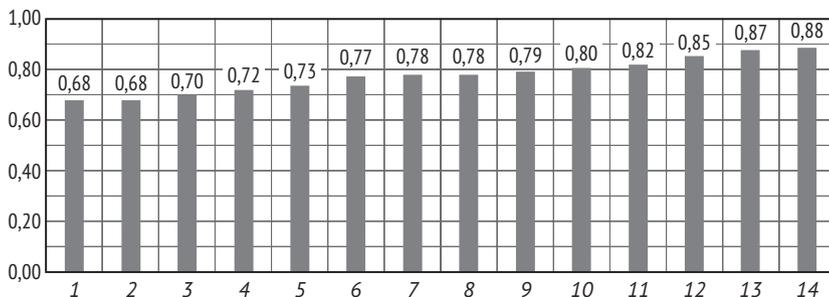
1 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 2 – ренарратив, положительная форма; 3 – дубитатив, положительная форма; 4 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 5 – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 6 – конклюдив, положительная форма; 7 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм бил*); 8 – индикатив, положительная форма; 9 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); 10 – конклюдив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 11 – конклюдив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 12 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 13 – конклюдив, отрицательная форма 3 (*не*); 14 – индикатив, отрицательная форма

Fig. 2. Hierarchy of 14 evidential microparadigms by the number of microword forms

1 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 2 – renarrative, positive form; 3 – dubitative, positive form; 4 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); 5 – renarrative, negative form 1 (*нямало сьм*); 6 – conclusive, positive form; 7 – dubitative, negative form 1 (*нямало сьм бил*); 8 – indicative, positive form; 9 – dubitative, negative form 3 (*не*); 10 – conclusive, negative form 1 (*нямало сьм*); 11 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 12 – renarrative, negative form 3 (*не*); 13 – conclusive, negative form 3 (*не*); 14 – indicative, negative form

2.1. Индекс аналитизма

На основе отношения между числом микрословформ и числом положительных дифференциаторов в каждом члене вычисляется индекс аналитизма ($a = \mu/p$) 14 эвиденциальных микропарадигм. На рис. 3 представлена иерархия этих микропарадигм по степени аналитизма.

Рис. 3. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм в соответствии с индексом степени аналитизма

1 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 2 – индикатив, положительная форма; 3 – индикатив, отрицательная форма; 4 – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 5 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 6 – ренарратив, положительная форма; 7 – конклюдитив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 8 – конклюдитив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 9 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 10 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм бил*); 11 – конклюдитив, положительная форма; 12 – конклюдитив, отрицательная форма 3 (*не*); 13 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); 14 – дубитатив, положительная форма

Fig. 3. Hierarchy of 14 evidential microparadigms in accordance with the index of the degree of analyticity

1 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); 2 – indicative, positive form; 3 – indicative, negative form; 4 – renarrative, negative form 1 (*нямало сьм*); 5 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 6 – renarrative, positive form; 7 – conclusive, negative form 1 (*нямало сьм*); 8 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 9 – renarrative, negative form 3 (*не*); 10 – dubitative, negative form 1 (*нямало сьм бил*); 11 – conclusive, positive form; 12 – conclusive, negative form 3 (*не*); 13 – dubitative, negative form 3 (*не*); 14 – dubitative, positive form

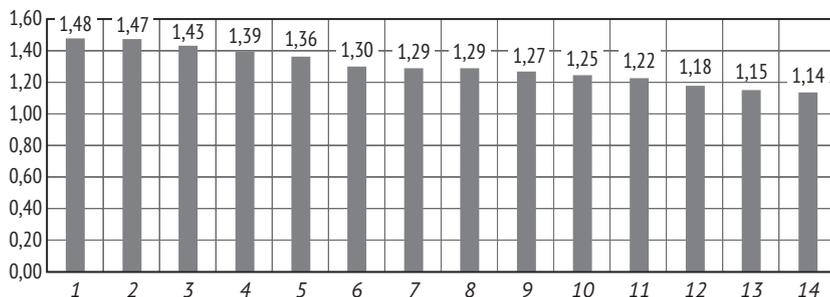
Ренарративная отрицательная парадигма с формами следования, содержащими безличное *нямало* без вспомогательного глагола *сьм* (0,68), имеет, как и индикативная положительная микропарадигма (0,68), самую низкую степень аналитизма. Поскольку имеется безличный формант не только у ренарратива (*нямало*), но и у одного из трех

вариантов отрицательной дубитативной парадигмы дубитатива (с *нямало било* для форм следования), это является причиной относительно низкой степени аналитизма (0,73) у дубитатива. Эти формы по индексу аналитизма – на пятом месте с конца. При вариантах отрицательных микропарадигм конклюдива и ренарратива, которые содержат формант с согласующимся глаголом *сѣм* (т.е. *нямало сѣм*), несколько увеличивается индекс аналитизма – для ренарратива 0,72, а для конклюдива 0,78. Но значительно всего этот индекс увеличивается у эвиденциальных микропарадигм, содержащих во временах следования отрицательную частицу *не*, например, в отрицательной конклюдивной и отрицательной дубитативной микропарадигме ($a = 0,85$ и $0,87$). Самым высоким является индекс аналитизма в положительной дубитативной микропарадигме, что обусловлено наличием большего количества членов.

2.2. Индекс синтетизма

По показателям индекса синтетизма, представляющего отношение числа микрословоформ к числу положительных семантических нагрузок ($s = p/\mu$), 14 эвиденциальных микропарадигм выстраиваются так, как показано на рис. 4.

Наиболее высокую степень синтетизма имеют ренарративные отрицательные формы с безличным формантом *нямало* (без вспомогательного глагола *сѣм*) (1,48), затем идут индикативные положительные (1,47) и отрицательные формы (1,43), за ними отрицательные ренарративные формы с формантом *нямало сѣм/си/Ѡ/сме/сте/Ѡ* (1,39) (рис. 4). Интересно, что вариант отрицательной дубитативной парадигмы с безличным формантом *нямало било* для времен следования – на пятом месте по степени синтетизма. Это обусловлено отсутствием согласования по роду и числу в рамках этого форманта, что уменьшает количество и членов, и микрословоформ. Очевидно, что наличие безличного форманта (*нямало* у ренарратива и *нямало било* у дубитатива) является случаем конденсации форм, что повышает значения индекса синтетизма. И наоборот, наличие формантов с согласованием вспомогательного глагола *сѣм* (*нямало сѣм* у конклюдива, *нямало сѣм бил* у дубитатива) ведет к понижению значений индекса синтетизма. Самые низкие значения показывает этот индекс в вариантах отрицательной дубитативной парадигмы с формами следования, образованными с частицей *не*, и в положительной дубитативной микропарадигме (1,15 и 1,14). В среднем индикативные формы имеют самые высокие значения индекса синтетизма, за которыми следуют разные микропарадигмы ренарратива, потом конклюдива, и наконец – дубитатива.

Рис. 4. Иерархия эвиденциальных микропарадигм по индексу степени синтетизма

1 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 2 – индикатив, положительная форма; 3 – индикатив, отрицательная форма; 4 – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); 5 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 6 – ренарратив, положительная форма; 7 – конклюдитив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); 8 – конклюдитив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 9 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 10 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); 11 – конклюдитив, положительная форма; 12 – конклюдитив, отрицательная форма 3 (*не*); 13 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); 14 – дубитатив, положительная форма

Fig. 4. Hierarchy of evidential microparadigms according to the index of the degree of synthesis

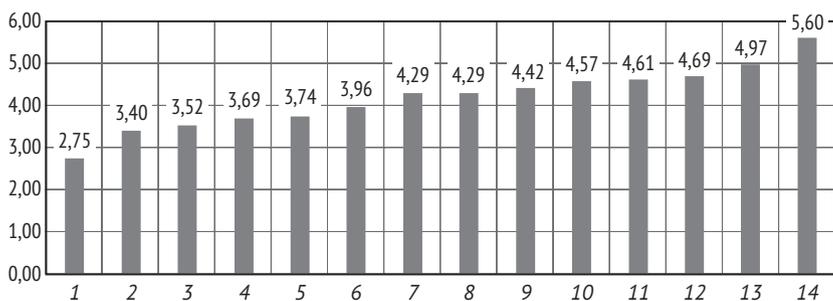
1 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); 2 – indicative, positive form; 3 – indicative, negative form; 4 – renarrative, negative form 1 (*нямало съм*); 5 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 6 – renarrative, positive form; 7 – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); 8 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 9 – renarrative, negative form 3 (*не*); 10 – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); 11 – conclusive, positive form; 12 – conclusive, negative form 3 (*не*); 13 – dubitative, negative form 3 (*не*); 14 – dubitative, positive form

2.3. Индекс композитности

По показателям индекса степени композитности, которая увеличивается у болгарского глагола в процессе его развития к аналитизму, 14 эвиденциальных микропарадигм тоже образуют иерархию (рис. 5).

Самую низкую степень композитности имеют индикативные положительные формы (2,75), за которыми следуют с существенным разрывом ренарративные положительные формы (3,40), отрицательные индикативные формы (3,52) и конклюдитивные положительные формы (3,69). Обращает на себя внимание, что ренарративные микропарадигмы, кроме той, которая содержит отрицательные формы следования, образованные частицей *не*, имеют более низкие степени композитности, чем

конклюдивные, и тоже без учета микропарадигмы с отрицательными формами следования с частицей *не*. Несомненно, это связано с наличием вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. ч. и мн. ч. при конклюдиве. Дубитативные микропарадигмы отличаются самой высокой степенью композитности среди 14 микропарадигм, хотя содержат меньше всего членов. Еще одно наблюдение состоит в том, что микропарадигмы с отрицательной частицей *не* (конклюдивная, ренарративная и дубитативная) обладают более высокой степенью композитности, чем другие два варианта тех же отрицательных конклюдивных, ренарративных и дубитативных микропарадигм. Это и одна из причин более редкого употребления этих микропарадигм с отрицательной частицей *не* у времен следования.

Рис. 5. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по индексу степени композитности

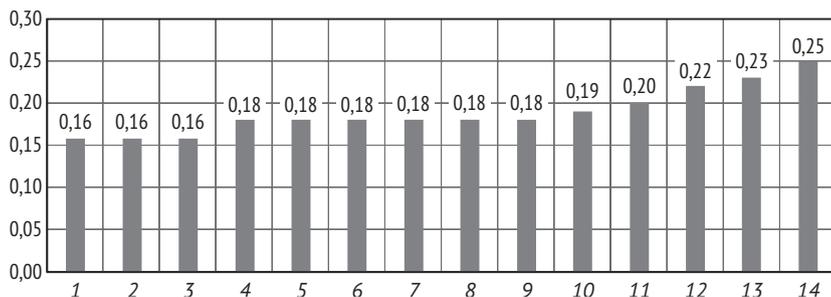
1 – индикатив, положительная форма; 2 – ренарратив, положительная форма; 3 – индикатив, отрицательная форма; 4 – конклюдив, положительная форма; 5 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 6 – конклюдив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); 7 – конклюдив, отрицательная форма 1 (*нямало съм*); 8 – конклюдив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 9 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 10 – дубитатив, положительная форма; 11 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 12 – конклюдив, отрицательная форма 3 (*не*); 13 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало съм бил*); 14 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*)

Fig. 5. Hierarchy of 14 evidential microparadigms according to the index of the degree of compositeness

1 – indicative, positive form; 2 – renarrative, positive form; 3 – indicative, negative form; 4 – conclusive, positive form; 5 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); 6 – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); 7 – conclusive, negative form 1 (*нямало съм*); 8 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 9 – renarrative, negative form 3 (*не*); 10 – dubitative, positive form; 11 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 12 – conclusive, negative form 3 (*не*); 13 – dubitative, negative form 1 (*нямало съм бил*); 14 – dubitative, negative form 3 (*не*)

2.4. Индекс маркированности

Степень маркированности – это индекс, показывающий среднее распределение положительных семантических нагрузок по членам одной парадигмы ($m = U/p$). Это отношение показывает объем парадигмы и выстраивает 14 рассматриваемых эвиденциальных микропарадигм (рис. 6).

Рис. 6. Иерархия 14 эвиденциальных микропарадигм по индексу степени маркированности члена парадигмы

1 – дубитатив, отрицательная форма 3 (*не*); 2 – дубитатив, отрицательная форма 2 (*нямало било*); 3 – дубитатив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм бил*); 4 – конклюдитив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 5 – конклюдитив, отрицательная форма 2 (*нямало е*); 6 – ренарратив, отрицательная форма 1 (*нямало сьм*); 7 – ренарратив, отрицательная форма 2 (*нямало*); 8 – конклюдитив, отрицательная форма 3 (*не*); 9 – ренарратив, отрицательная форма 3 (*не*); 10 – дубитатив, положительная форма; 11 – индикатив, отрицательная форма; 12 – конклюдитив, положительная форма; 13 – ренарратив, положительная форма; 14 – индикатив, положительная форма

Fig. 6. Hierarchy of 14 evidential microparadigms according to the index of the degree of markedness of a member of the paradigm

1 – dubitative, negative form 3 (*ne*); 2 – dubitative, negative form 2 (*нямало било*); 3 – dubitative, negative form 1 (*нямало сьм бил*); 4 – conclusive, negative form 1 (*нямало сьм*); 5 – conclusive, negative form 2 (*нямало е*); 6 – renarrative, negative form 1 (*нямало сьм*); 7 – renarrative, negative form 2 (*нямало*); 8 – conclusive, negative form 3 (*ne*); 9 – renarrative, negative form 3 (*ne*); 10 – dubitative, positive form; 11 – indicative, negative form; 12 – conclusive, positive form; 13 – renarrative, positive form; 14 – indicative, positive form

Самым высоким является индекс степени маркированности индикативной положительной микропарадигмы (0,25), которая является и самой богатой с точки зрения количества членов. После нее идут положительные парадигмы ренарратива и конклюдитива (0,23 и 0,22),

а за ними и отрицательная индикативная микропарадигма (0,20), затем – положительные дубитативные формы (0,19). Очерчивается группа из 6 конклюдивных и ренарративных микропарадигм с одинаковыми значениями индекса маркированности члена (0,18). Самые низкие значения данного индекса – у трех вариантов отрицательной дубитативной парадигмы (0,16). Это согласуется и с тем фактом, что их микропарадигмы наиболее бедны членами, на которые распределяются положительные семантические нагрузки.

2.5. Индекс дискретизации грамматической информации

Как мы уже показали, индекс дискретизации грамматической информации в плане выражения можно вычислить по формуле $d = M/p$. В рамках синтетических глагольных словоформ I и II спряжений за реальные грамматические морфемы берутся окончания и гласные временной основы – настоящего времени, аориста и имперфекта. Мы принимаем, что темпоральные гласные являются показателями обобщенного времени³: абсолютная одновременность в случае основы настоящего (актуализированная окончанием настоящего времени до одновременности по отношению к коммуникативному акту) и, соответственно, относительная одновременность при основе имперфекта (актуализированная окончанием имперфекта до одновременности к моменту в прошлом, который закончен по отношению к коммуникативному акту). В I и II спряжении темпоральный гласный настоящего времени отсутствует в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.

У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, в качестве грамматических морфем выступают видовой суффикс (расположенный в той же синтагматической позиции, в которой при предыдущей группе глаголов располагается тематический гласный) и окончание. В обоих случаях (I и II спряжение, вторичные имперфективы и формы несовершенного вида настоящего времени, образованные от первичных совершенных) число грамматических морфем – 10. Степень дискретизации грамматической информации $d = M/p$ (10 : 9) равна 1,1, т.к. число

³ В современном болгарском языке имеются три временные (темпоральные) основы глагола: настоящая, аористная и имперфектная. Каждая из этих основ оформляется специфическим темпоральным гласным. Темпоральные гласные выражают обобщенное темпоральное значение: гласный основы настоящего времени выражает одновременность по отношению к акту коммуникации, имперфектный гласный – одновременность с preceding ориентационным моментом, который на момент акта коммуникации считается совершённым, что может быть квалифицировано как относительная одновременность. Аористный гласный выражает предшествование акту коммуникации. Это обобщенное темпоральное значение можно для краткости называть *обобщенным временем*.

реальных грамматических морфем 10, а число положительных семантических нагрузок – 9.

У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных или междометий, возникает вопрос о наличии грамматических морфем, т.к. у них есть словообразующие аффиксы, омонимичные суффиксам имперфективации (например, при глаголах, образованных от имен с помощью словообразующих суффиксов *-ув-, -ств-, -ов-, -в-* + словообразующий суффикс *-а₂-* (отличный от словообразующего суффикса имперфективации *-а₁-*), например, *арестувам, публикувам, клюкарствам, бинтовам, обяждам, докладдам* и др.); у глаголов, образованных от глаголов (и междометий) с помощью словообразующих суффиксов *-к-, -ук-, -ичк-, -инк-, -ушк-* + словообразующий суффикс *-а₂*, а также суффиксов *-от'-, -ор'-, -ул'-*, напр., *звънкам, блещукам, охкам, боричкам се, спинкам, клатушкам се, драскотоя, скиторя, кривуля* [Стоянов, 1983, с. 261]. В этих группах глаголов значение, привносимое гласным *-а*, определить проблематично. Согласно точке зрения, принимаемой в данной статье, это словообразующий суффикс. Однако тогда возникает вопрос, что именно в синтагматической структуре данных синтетических глагольных словоформ выражает вид (они все несовершенного вида) и время глагола? Нам кажется необоснованным мнение, что *-а-* выражает и темпоральное значение (одновременность по отношению к коммуникативному акту), и несовершенный вид, т.е. выражает 2 грамматических значения. Аргументы, что у этого суффикса нет грамматических функций, связаны с тем фактом, что его функция – словообразующая, а случаи, когда во флективных языках совмещается словообразующая и формообразующая функции, неизвестны. Следовательно, у этих глаголов отсутствует грамматическая морфема, а вид и время (обобщенное время) выражаются окончанием. У этой группы глаголов степень дискретизации грамматической информации $d = M/p$ ($6 : 9$) равна 0,67, т.к. грамматических морфем 6, а положительная семантическая нагрузка – 9.

При рассмотрении реальных грамматических морфем в синтетических индикативных аористе и имперфекте возникает вопрос о составе окончания. Формы аориста и имперфекта в I и II спряжениях различаются только по темпоральному гласному в 1 л. ед. ч. и во всем мн. ч., а во 2 и 3 л. ед. ч. – и по компоненту *-ше* в имперфекте, противопоставленному отсутствию реальной морфемы после темпорального гласного в аористе. В качестве окончаний, как правило, представляются элементы, представленные в табл. 2.

**Возможный подход к окончаниям аориста и имперфекта
в I и II спряжении**

**[A possible approach to the endings of the aorist
and imperfect in the 1st and 2nd conjugations]**

Аорист, I и II спряжение [Aorist, I and II conjugation]	Имперфект, I и II спряжение [Imperfect, I and II conjugation]
Ед. ч. [Singular]	
1 л. [1st person] -х 2 л. [2nd person] -∅ 3 л. [3rd person] -∅	1 л. [1st person] -х 2 л. [2nd person] -ше 3 л. [3rd person] -ше
Мн. ч. [Plural]	
1 л. [1st person] -хме 2 л. [2nd person] -хте 3 л. [3rd person] -ха	1 л. [1st person] -хме 2 л. [2nd person] -хте 3 л. [3rd person] -ха

Некоторые ученые, например Иван Куцаров, выделяют *-х/-ш-* в формах аориста и имперфекта в качестве морфемы, выражающей признак **засвидетельствованности** [Бояджиев, Куцаров, Пенчев, 1998, с. 387, 395]. В. Маровска также считает, что это маркеры граммеы свидетельского таксиса [Маровска, 2005, 2013]. Р. Ницолова принимает точку зрения П. Пашова [Пашов, 1976, с. 54], что данный суффикс означает **отнесенность к моменту в прошлом** [Ницолова, 2008, с. 281]. М. Янакиев и Н. Котова определяют *-х-* и *-ш-* как алломорфы морфемы **партициптивности** [Котова, Янакиев, 2001, с. 365]. Если определить *-х/-ш-* как свидетельскую морфему, то ее отсутствие в форме настоящего времени будет характеризовать его как несвидетельское, что не соответствует действительности. Если ее воспринимать как показатель значения **отнесенности к моменту в прошлом**, то окажется, что и аорист ориентирован на момент в прошлом, что неприемлемо. Нам кажется, что *-х/-ш-* отличается частичной членимостью, даже если принять ту точку зрения, что эта морфема выражает засвидетельствованность – признак, который не грамматикализован в болгарской глагольной системе. Можно сказать, что во флексиях аориста и имперфекта существуют частично сегментируемые компоненты: *х/∅*, *-х/-ш-е* (в аористе ∅), *-х/-ш-е* (в аористе ∅), *-х-ме*, *-х-те*, *-х-а* (частичная сегментируемость здесь обозначена жирным шрифтом). Частично сегментируемые компоненты определяются Г. Герджиковым как «псевдоморфемы», или

«субморфемы»⁴ (Герджиков, рукопись). Частично сегментируемая флексия в аористе уточняет значение темпорального гласного аориста от **предшествования** до **предшествования по отношению к коммуникативному акту**, а в имперфекте уточняет значение гласного имперфекта, выражающего **относительную одновременность**, до значения **одновременность по отношению к моменту в прошлом** (частичная членимость отмечается курсивом). Согласно принимаемой здесь точке зрения, частично сегментируемые псевдоморфемы в плане выражения являются видом неавтономных морфем, которым в плане содержания конкретизируют значение предыдущей грамматической морфемы – в данном случае темпорального гласного.

Псевдоморфемы отличаются от морфоидов, определяемых также и как субморфы или формативы (см. подробнее [Плунгян, 2003]), которые сегментируются в плане выражения, но не в плане содержания. Согласно принимаемой здесь точке зрения, в индикативе активного залога у глаголов I и II спр., у которых темпоральные гласные аориста и имперфекта различаются, индекс степени дискретизации грамматической информации $d = M/p$ в аористе равен 0,67 (10 : 15), а в имперфекте – 0,8 (12 : 15).

У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных совершенных, индексы те же, т.к. в них место гласного аориста или имперфекта занимает имперфективный суффикс.

У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индексы другие, потому что отсутствует какая-либо грамматическая морфема, кроме окончания. Следовательно, индекс дискретизации грамматической информации в утвердительных формах индикативного аориста активного залога $d = M/p$ равен 0,4 (6 : 15), а в имперфекте – 0,4 (6 : 15).

Еще более сложен вопрос о реальных грамматических морфемах в композитных глагольных словоформах в современном болгарском языке.

В формах будущего времени индикатива активного залога в качестве грамматических элементов следует указать частицу *ще*, выражающую признак **следования**, в I и II спряжении – тематический гласный настоящего времени и окончание (*ще пиш-е-м*); у вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных совершенных глаголов, – суффикс имперфективации и окончание

⁴ Употребленный Г. Герджиковым термин «субморфема» в конкретном случае нужно отличать от значения, которое вкладывает Е. Курилович (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kuril/02.php), как и от термина «субморф» в русской лингвистической традиции (см. подробнее [Плунгян, 2003, с. 49]).

(*ще препис-ва-ме*). Следовательно, индекс дискретизации грамматической информации в утвердительная формах индикативного будущего времени в активном залоге $d = M/p$ (15 : 15) равен 1, а это означает, что одной грамматической морфеме в плане выражения соответствует в среднем по одной семантической нагрузке (один +) в плане содержания. У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (*вечеря-м*), значение этого индекса равно 0,6 (9 : 15).

В индикативном перфекте реальными грамматическими аффиксами следует считать вспомогательный глагол *съм*, форма настоящего времени которого несет значение **абсолютной одновременности**, лица и числа, *-л*-морфему, носитель признака **результативности (перфектности)**, аористный тематических гласный в I и II спряжении или видовой суффикс, чередующиеся в одной и той же синтагматической позиции в синтетической микрословоформе, а также окончания рода и числа (*пис-а-л-и сме, препис-ва-л-и сме*). В I и II спряжении и во вторичных имперфективах и формах несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ равняется 1,36 (45 реальных грамматических морфем : 31 положительная семантическая нагрузка). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, рассматриваемый индекс равен 1 (33 : 33).

В плюсквамперфекте имеются такие же реальные показатели, как и в перфекте, с тем отличием, что гласный имперфекта, наследник ятевого гласного, выражает признак **индиректности** (ориентации по отношению к моменту в прошлом) – *бях, беше, беше, бяхме, бяхте, бяха* (*б-я-хме препис-а-л-и, б-я-хме препис-ва-л-и*). Здесь тоже актуализируется вопрос о составе окончания, в отношении которого мы решили, что оно характеризуется частичной членимостью, благодаря чему его можно считать одной грамматической морфемой. Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ в плане выражения у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,31 (59 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс дискретизации грамматической информации снижается и равняется 1,04 (47 : 45).

В формах индикативного будущего времени в прошедшем грамматическими морфемами считаются *щ*-морфема для выражения следования, гласная имперфекта, выражающая относительную одновременность, окончание вспомогательного глагола, а также гласная настоящего времени I и II спряжения, а у вторичных имперфективов и форм

несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, – суффикс имперфективации, а также окончания личной формы настоящего времени (*б-я-хме пис-а-л-и*, *б-я-хме препис-ва-л-и*). Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,73 (78 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс равен 1,62 (73 : 45).

Интерес представляет определение грамматических морфем в будущем предварительном и будущем предварительном времени в прошедшем. Мы считаем обоснованным принять за реальные морфологические показатели в будущем предварительном времени частицу *ще*, выражающую **следование**, вспомогательный глагол *съм*, сообщающий информацию о лице и числе, у глаголов I и II спряжения – гласный аориста, а у вторичных глаголов несовершенного вида и глаголов несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного – суффикс имперфективации, суффикс *-л-*, показывающий **результативность**, и окончания рода и числа (*ще сме пис-а-л-и*, *ще сме препис-ва-л-и*). Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,27 (57 : 45). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и равен 1 (45 : 45).

В формах активного залога индикативного будущего предварительного (утвердительные формы вспомогательного глагола *щях*, *щеше*, *щеше* и т.д.) носителем **индиректности** является гласный имперфекта при наличии частичной членимости окончания, а *щ-* передает значение следования, что означает, что в *щях* присутствуют 3 грамматические морфемы (*щ-я-хме да сме/бъдем пис-а-л-и*, *щ-я-хме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). Кроме этого, необходимо учесть наличие темпорального гласного настоящего времени или суффикса имперфективации. Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,16 (80 : 69). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и становится равен 1,04 (72 : 69).

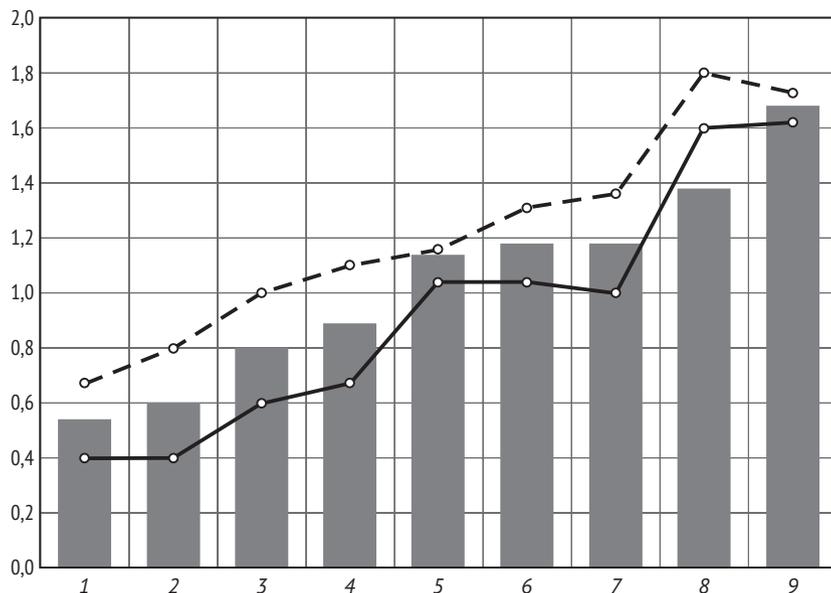
В будущем предварительном в прошедшем, например, *щях да съм/бъда пристигнал*, во вспомогательном глаголе *щях* присутствуют

гласный имперфекта, обозначающий **индиректность**, *щ*-показатель **следования** и частичная членимость окончания. Кроме того, вспомогательный глагол *съм/бѣда* выражает и лицо, и число, а в причастии аориста в I и II спряжении присутствует темпоральный гласный аориста, а в несовершенном виде – имперфективный суффикс, а также следует отметить и результативный аффикс *-л* и окончания лица и числа. Индекс дискретизации грамматической информации $d = M/p$ у глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, равняется 1,80 (103 : 57). У глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий, индекс снижается и равняется 1,60 (91 : 57).

На графике (рис. 7) представлены значения индекса дискретизации грамматической информации в индикативных формах активного залога. Они расположены согласно среднему значению индекса в двух группах: первая группа – глаголы I и II спряжения и вторичные имперфективы и формы несовершенного вида, образованные от первичных глаголов совершенного вида; вторая группа – глаголы, образованные от глаголов, существительных, прилагательных и междометий.

Самая низкая усредненная степень индекса дискретизации грамматической информации проявляется в аористе, а самая высокая – в будущем предварительном в прошедшем (см. рис. 7). Можно сказать, что на графике видны три группы: первая группа, в которой времена с низкой степенью дискретизации грамматической информации – аорист, имперфект, будущее и настоящее; вторая группа – времена со средней степенью дискретизации грамматической информации – будущее предварительное, плюсквамперфект и перфект; третья группа – времена с высокой степенью дискретизации грамматической информации на формальном уровне – будущее предварительное в прошедшем и будущее в прошедшем.

В конклюдивных формах настоящего времени и имперфекта, которые совпадают в активном залоге, мы считаем грамматическими морфемами у глаголов I и II спряжения гласный имперфекта, суффикс *-л-*, окончание рода и числа в форме причастия и вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число (*пиш-ел-и сме, препис-ва-л-и сме*). В этой группе индекс дискретизации грамматической информации равен 1,36 (45 : 33). То же значение мы видим в группе вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида. В отличие от них, у глаголов, образованных от других глаголов, существительных, прилагательных и междометий (здесь – вторичные глаголы), индекс равен 1 (33 : 33) (рис. 8).

Рис. 7. Индекс дискретизации грамматической информации в индикативе активного залога, положительные формы

- 1 – аорист; 2 – имперфект; 3 – будущее время;
 4 – настоящее время; 5 – будущее предварительное;
 6 – плюсквамперфект; 7 – перфект;
 8 – будущее предварительное в прошедшем;
 9 – будущее в прошедшем

— — глаголы, образованных от глаголов, существительных, междометий;
 - - - глаголы I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида;

■ — средние значения индекса в каждом времени для двух групп

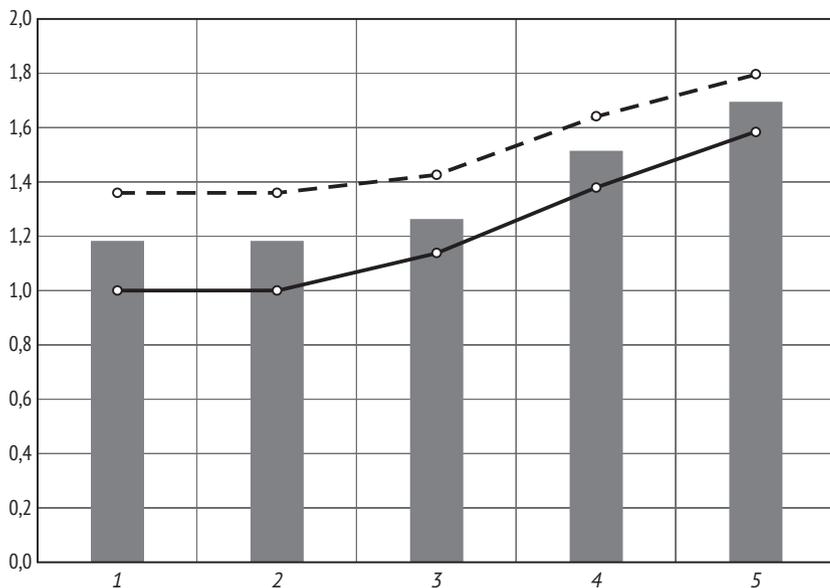
Fig. 7. Discretization index of grammatical information in the active voice indicative, positive forms

- 1 – aorist; 2 – imperfect; 3 – future tense; 4 – present;
 5 – future perfect; 6 – plus-perfect; 7 – perfect;
 8 – future perfect in the past; 9 – the future is in the past

Values of the discretization index of grammatical information:

— — verbs formed from verbs, nouns, interjections;
 - - - verbs of I and II conjugations and secondary imperfectives and imperfective forms formed from primary perfective verbs;

■ are the average values of the index at each time for the two groups

Рис. 8. Индекс дискретизации грамматической информации в конклюдивных положительных формах активного залога

1 – настоящее + имперфект; 2 – аорист; 3 – перфект + плюсквамперфект; 4 – будущее и будущее в прошедшем; 5 – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

— — — — — вторичные глаголы; - - - - - глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ■ — — — — среднее значение

Fig. 8. Discretization index of grammatical information in conclusive positive forms of the active voice

1 – present + imperfect; 2 – aorist; 3 – perfect + pluperfect; 4 – the future and the future in the past; 5 – future perfect and future perfect in the past

— — — — — secondary verbs; - - - - - verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ■ — — — — mean value

В конклюдивном аористе для вычисления индекса грамматической дискретизации в активном залоге в I и II спряжении берется гласный аориста, суффикс *-л-*, окончания рода и числа, глагол *сѣм* для лица и числа (*пис-а-л-и сме, препис-ва-л-и сме*). Данный индекс имеет то же значение и в группе вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, –

1,36 (45 : 33). У глаголов, которые мы называем вторичными глаголами, индекс равен 1 (33 : 33).

В конклюдивном перфекте, совпадающем с конклюдивным плюсквамперфектом, в качестве грамматических морфем взяты *л*-морфема лексемы *бил*, несущая признак **косвенной эвиденциальности** (поставленный в новую синтагматическую позицию, данный суффикс выражает не результативность, а косвенную эвиденциальность), окончания рода и числа, вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число, тематический гласный аориста и суффикс *-л-*, передающий результативность, а также окончание рода и числа (*би-л-и сме пис-а-л-и*, *би-л-и сме препис-ва-л-и*). Для форм глаголов I и II спряжения и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс дискретизации грамматической информации равен 1,43 (60 : 42). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,14 (48 : 42).

В совпадающих формах активного залога конклюдивного будущего времени и будущего в прошедшем за грамматические морфемы принимаются: во вспомогательном глаголе *цял – ц-*, выражающее следование; имперфективная морфема, несущая **относительную одновременность**, *-л*, маркирующее **косвенную эвиденциальность**, окончания рода и числа; вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число; темпоральный гласный настоящего времени и окончания лица и числа (*ц-е-л-и сме да пиш-е-м*, *ц-е-л-и сме да препис-ва-ме*). У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс одинаковый. Он вычисляется следующим образом: 74 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = 1,64. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,38 (62 : 45).

В совпадающих утвердительных формах активного залога конклюдивных будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем берутся следующие грамматические морфемы: во вспомогательном глаголе *цял – ц-*, выражающее следование, имперфективная морфема, несущая **относительную одновременность**, *-л*, маркирующее **косвенную эвиденциальность**, окончания рода и числа; вспомогательный глагол *съм*, выражающий лицо и число; темпоральный гласный аориста и *-л-* морфема результативности + окончания лица и числа. У вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида, индекс одинаковый (*ц-е-л-и сме да сме/бъдем пис-а-л-и*, *ц-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). Он вычисляется следующим образом: 102 (число реальных грамматических морфем) : 57 (число положительных

семантических нагрузок) = 1,79. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,58 (62 : 45).

Мы не будем подробно останавливаться на утвердительных временных формах ренарратива в активном залоге, т.к. они совпадают с конклюдивными, учитывая, однако, выпадение вспомогательного глагола *съм* в 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в ренарративе. Следовательно, для утвердительных форм ренарративного настоящего и имперфекта активного залога у глаголов I и II спряжения + у вторичных имперфективов + у форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида (*пиш-е-л-и сме, препис-ва-л-и сме*), индекс дискретизации грамматической информации составит 1,24 (41 : 33). Такое же значение у группы вторичных глаголов несовершенного вида и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного. В отличие от них, у глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (называемых здесь вторичными глаголами), индекс равен 0,58 (19 : 33).

Те же значения наблюдаются и в ренарративном аористе для двух описанных групп глаголов (*пис-а-л-и сме, препис-ва-л-и сме*).

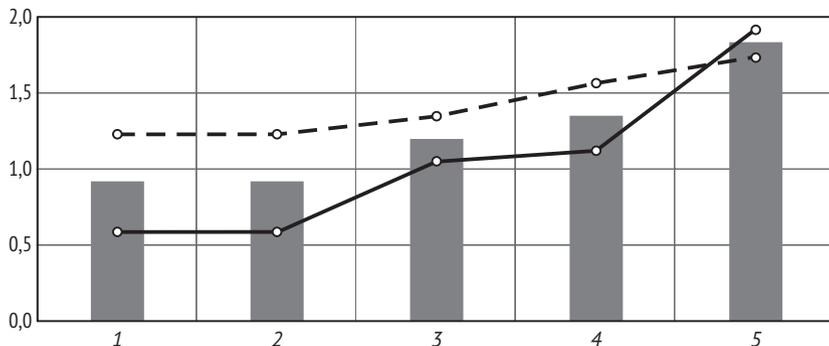
В совпадающих ренарративных утвердительных формах активного залога перфекта и плюсквамперфекта для глагольных форм I и II спряжения, а также для вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида (*би-л-и сме пис-а-л-и, би-л-и сме препис-ва-л-и*), индекс дискретизации грамматической информации равен 1,33 (56 : 42). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,05 (44 : 42).

В ренарративных утвердительных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 70 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = 1,56. У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,11 (50 : 45) (*щ-е-л-и сме да пиш-е-м, щ-е-л-и сме да препис-ва-ме*).

В ренарративных утвердительных формах активного залога будущего предварительного времени и будущего предварительного в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 98 (число реальных грамматических морфем) : 57 (число положительных семантических нагрузок) = 1,72 (*щ-е-л-и сме да сме/бъдем пис-а-л-и, щ-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*). У так называемых вторичных глаголов индекс равен 1,91 (86 : 45).

Сопоставление данных рисунков 8 и 9 дает возможность сделать вывод, что самая низкая усредненная степень дискретизации грамматической информации – в конклюдиве и в ренарративе, в изъявительных

утвердительных формах – у совпадающих настоящего времени и имперфекта, а также у аориста. Среднюю степень дискретизации грамматической информации имеют перфект + плюсквамперфект, а также будущее время и будущее время в прошедшем, а самую высокую усредненную степень дискретизации грамматической информации имеют будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем.

Рис. 9. Индекс дискретизации грамматической информации

в конклюдивных положительных формах активного залога

1 – настоящее + имперфект; 2 – аорист; 3 – перфект + плюсквамперфект; 4 – будущее и будущее в прошедшем; 5 – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

— – вторичные глаголы; - - - глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ■ – среднее значение

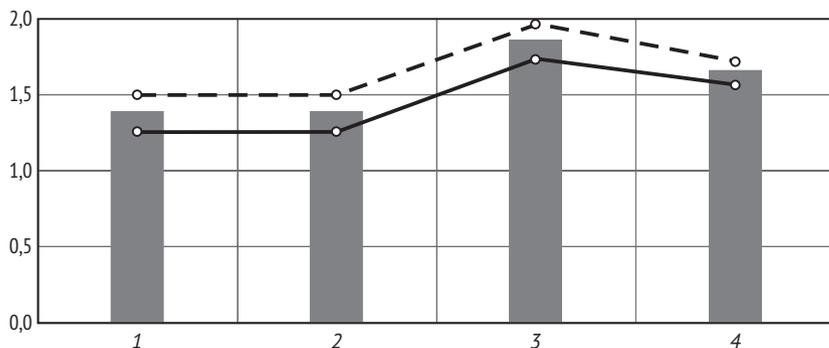
Fig. 9. Discretization index of grammatical information in conclusive positive forms of the active voice

1 – present + imperfect; 2 – aorist; 3 – perfect + pluperfect; 4 – the future and the future in the past; 5 – future perfect and future perfect in the past

— – secondary verbs; - - - verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ■ – mean value

Произвести вычисление значений индекса дискретизации грамматической информации в утвердительных формах дубитатива активного залога не составляет труда, т.к. они будут иметь то же значение, что и конклюдивные, потому что на месте вспомогательного глагола *сѣм* в настоящем времени стоит пресказывательная форма *бил* в соответствующем роде и числе, т.е. к грамматическим морфемам необходимо прибавить только морфемы рода и числа формы *бил*. Кроме того, необходимо вычислить и степень маркированности (положительную семантическую нагрузку).

Для утвердительных форм активного залога дубитативного настоящего и имперфекта для глаголов I и II спр. + для вторичных имперфективов + для форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного, индекс дискретизации грамматической информации равен 1,53 (69 : 45) (*би-л-и сме пиш-е-л-и, би-л-и сме препис-ва-л-и*). То же значение имеет индекс дискретизации грамматической информации у группы вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида. В отличие от них у глаголов, образованных от глаголов, существительных, прилагательных и междометий (называемых здесь вторичными глаголами), индекс равен 1,27 (57 : 45) (рис. 10).

Рис. 10. Индекс дискретизации грамматической информации в положительных дубитативных формах активного залога
1 – настоящее + имперфект; 2 – аорист; 3 – будущее и будущее в прошедшем; 4 – будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем

— — вторичные глаголы; — — глаголы I и II спряжения, вторичные несовершенного вида или несовершенного вида, образованные из первичных совершенного вида; ■ — среднее значение

Fig. 10. Discretization index of grammatical information in positive dubitative forms of the active voice

1 – present + imperfect; 2 – aorist; 3 – the future and the future in the past; 4 – future perfect and future perfect in the past

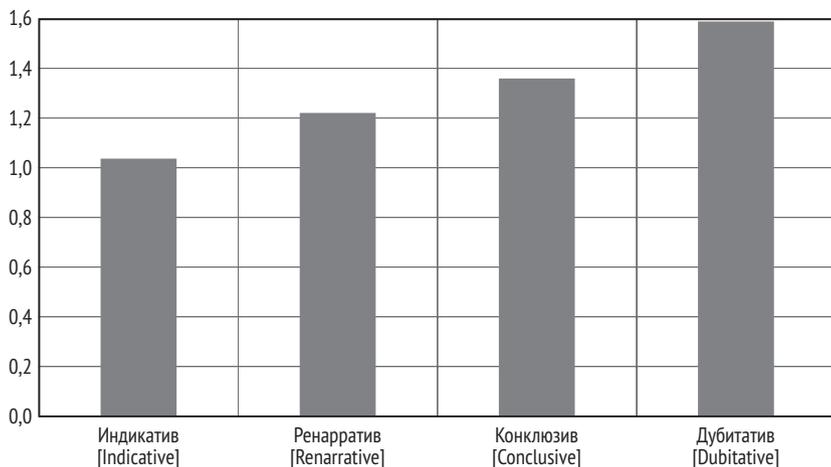
— — secondary verbs; — — verbs of the I and II conjugations, secondary imperfective or imperfective, formed from primary perfective; ■ – mean value

Те же два значения фиксируются и в дубитативном аористе для двух описываемых групп глаголов (*бил-и сме пис-а-л-и, би-л-и сме препис-ва-л-и*).

Не существует дубитативных форм перфекта и плюсквамперфекта.

В утвердительных дубитативных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 89 (число реальных грамматических морфем) : 45 (число положительных семантических нагрузок) = $1,98$. У так называемых вторичных глаголов индекс равен $1,75$ ($79 : 45$) (*щ-е-л-и сме би-л-и да пиш-ем, щ-е-л-и сме би-л-и да препис-ва-ме*).

В утвердительных дубитативных формах активного залога будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем индекс дискретизации грамматической информации вычисляется следующим образом: 120 (число реальных грамматических морфем) : 69 (число положительных семантических нагрузок) = $1,74$. У так называемых вторичных глаголов индекс равен $1,58$ ($109 : 69$) (*щ-е-л-и сме били да сме/бъдем пис-а-л-и, щ-е-л-и сме да сме/бъдем препис-ва-л-и*).

Рис. 11. Индекс дискретизации грамматической информации в четырех эвиденциалах, положительная форма, активный залог

Fig. 11. Discretization index of grammatical information in four evidentials, positive form, active voice

Самый высокий индекс дискретизации грамматической информации наблюдается в утвердительных формах активного залога будущего времени и будущего времени в прошедшем, затем идет индекс будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем, а самый низкий – у настоящего времени и имперфекта, совпадающий с индексом аориста (см. рис. 10).

Для каждого из четырех эвиденциалов (утвердительные формы, активный залог) можно вычислить среднюю степень дискретизации грамматической информации, чтобы установить иерархию четырех частных парадигм согласно этому индексу (рис. 11).

Самое высокое значение имеет индекс дискретизации грамматической информации дубитатива, затем следует конклюдив, ренарратив и самое низкое значение этого индекса – у индикатива.

3. Заключение

В представленной работе предложены аргументы, свидетельствующие о том, что процесс грамматикализации категории эвиденциальности в болгарском языке не завершен. Доказательством этому является тот факт, что отрицательные формы времен следования конклюдива, ренарратива и дубитатива во всех трех залогах отличаются формальной вариантивностью членов парадигмы. Современное состояние 14 эвиденциальных микропарадигм – положительных и отрицательных – характеризуется пятью типологическими индексами, предложенными Г. Герджиковым [Герджиков, 1990, 1997, 2013].

У индикативной положительной парадигмы больше всего членов, это делает ее микропарадигмой с наивысшим значением индекса маркированности члена парадигмы. Она отличается и самой высокой степенью синтетизма среди 14 рассматриваемых эвиденциальных микропарадигм и, соответственно, наиболее низкой степенью аналитизма.

Четыре дубитативных микропарадигмы являются самыми бедными по количеству членов, что объясняет и тот факт, что все три отрицательных дубитативных варианта обладают самыми низкими значениями индекса маркированности члена парадигмы.

По индексу степени синтетизма за индикативными как самые синтетичные следуют разные микропарадигмы ренарратива, после них на третьем месте – парадигмы конклюдива, на четвертом – дубитатива.

При сопоставлении значений индексов аналитизма, синтетизма и композитности видно, что наличие безличного форманта (*нямало* у ренарратива и *нямало било* у дубитатива) в вариантах отрицательных парадигм ведет к более низкой степени аналитизма в сравнении с другими конкурентными отрицательными микропарадигмами. Это случаи конденсации парадигмы (уменьшение степени композитности), что является одной из причин более частого употребления этих отрицательных форм в сопоставлении с двумя остальными отрицательными вариантами у ренарратива и дубитатива.

Становится очевидно, что, когда в процессе грамматикализации в болгарском языке присутствуют конкурирующие варианты членов

частных парадигм с высокой степенью композитности (каковы, например, ренарративные с формантом *нямало съм* и с отрицательной частицей *не* и дубитативные отрицательные формы времен следования, образованные с частицей *не* или с формантом *нямало съм бил*), наблюдаются варианты микропарадигм, показывающие более низкую степень композитности и аналитизма (с формантом *нямало* у ренарратива и *нямало било* у дубитатива), что является стремлением к относительному увеличению синтетичности. Это наблюдается и при отрицательных ренарративных, и при отрицательных дубитативных формах. У конклюдива эта тенденция имеет несколько другой характер: при конкуренции трех вариантов отрицательной парадигмы времен следования один из этих вариантов показывает унификацию форм навязыванием безличного форманта *нямало е* во всех лицах ед. ч. и мн. ч., сохраняя наиболее характерный отличительный признак конклюдива – удержание формы 3 л. вспомогательного глагола *съм*.

В настоящей работе мы представили значение индекса дискретизации грамматической информации только в утвердительных формах активного залога в четырех эвиденциалах. Мы остановились на данном индексе, т.к. он связан с важнейшей тенденцией в развитии индоевропейских языков от синтетизма к аналитизму – стремлением к распределению грамматической информации на большее количество элементов в плане выражения.

Мы считаем, что индекс дискретизации грамматической информации связан и со степенью композитности. Формы с самой высокой степенью композитности – а это дубитативные формы с индексом композитности 4,75 – обладают и самой высокой степенью дискретизации грамматической информации, т.е. грамматическая информация распределена между большим количеством морфем в плане выражения. Индикативные формы, отличающиеся самой низкой степенью композитности – 2,75, имеют и самую низкую степень дискретизации грамматической информации, т.е. грамматическая информация (семантические нагрузки, т.е. плюсы из табл. 1) распределяются между наименьшим количеством грамматических морфем в плане выражения, а это означает, что степень объединения грамматических значений высока. Индекс композитности ренарратива 3,40, а дискретизация грамматической информации – 1,22. В конклюдиве, где в третьем лице присутствует еще один вспомогательный глагол, грамматическая информация распределяется и на него, что приводит к более высокой, нежели у ренарратива, степени дискретизации грамматической информации – 1,36, при индексе композитности 3,36.

Очевидно, что чем выше значение индекса композитности, тем выше индекс дискретизации грамматической информации. Это полностью подкрепляет теорию Г. Герджикова, что высокий показатель d (дискретизация грамматической информации) достигается повышением степени композитности и степени полиморфности в парадигме болгарского глагола.

Библиографический список / References

Алексова, 2015 – Алексова Кр. Значение и формы на дубитатива в съвременния български език // Да (пре)откриваш думите. Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Д. Иванова, Кр. Чакърова (съст.). Пловдив, 2015. С. 35–48. [Aleksova Kr. Meaning and forms of the dubitative in modern Bulgarian. *To (re)discover words. Jubilee collection dedicated to Prof. Vera Marovska*. D. Ivanova, Kr. Chakarova (eds.). Plovdiv, 2015. Pp. 35–48. (In Bulgarian)]

Алексова, 2021а – Алексова Кр. Вариантността в парадигма на следходните времена в конклузив и ренаратив и синтагматичните параметри на граматикализацията // ШЪСТВОУЮЖ НЫНЪ ПО СЛЪДОУ ОУЧИТЕЛЮ. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова. Т. Славова, Г. Ганева, М. Тотоманова-Панева, Д. Атанасова (съст.). София, 2021. С. 563–581. [Aleksova Kr. The variation in the paradigm of the future conclusive and renarrative tenses and the syntagmatic parameters of the grammaticalization. *Contributions in honor of Prof. Ds. Anna-Maria Totomanova*. T. Slavova, G. Ganeva, M. Totomanova-Panewa, F. Atanasova (eds.). Sofia, 2021. Pp. 536–581. (In Bulgarian)]

Алексова, 2021б – Алексова Кр. Вариантността в негативната парадигма на дубитатива в съвременния български език // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език “Проф. Л. Андрейчин” (София, 2021 година). Св. Коева, М. Стаменов (съст.). I т. София, 2021. С. 39–47. [Aleksova Kr. The variability in the negative paradigm of the dubitative in modern Bulgarian. *Proceedings of the International Annual Conference of the Institute for Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin” (Sofia, 2021)*. Vol. I. Sofia, 2021. Pp. 39–47. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1983 – Герджиков Г. Тенденцията към аналитизъм – определение, метод за измерване, причини, следствия // Съпоставително езикознание. 1983. № 5. С. 46–55. [Gerdzhikov G. The tendency of analyticity – definition, method of measurement, causes, results. *Contrastive Linguistics*. 1983. No. 5. Pp. 46–55. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1990 – Герджиков Г. Развоят на индоевропейските езици към аналитизъм и някои всеобщии типологически зависимости // Съпоставително езикознание. 1990. № 4–5. С. 151–157. [Gerdzhikov G. The development of Indo-European languages into analyticity and some general typological dependencies. *Contrastive Linguistics*. No. 4–5. Pp. 151–157. (In Bulgarian)]

Герджиков, 1997 – Герджиков Г. Die Gesetze der gramatischen Paradigmata und die morphologische Typologie der Sprachen // Съпоставително езикознание. № 2. С. 30–41. [Gerdzhikov G. Die Gesetze der gramatischen Paradigmata und die morphologische Typologie der Sprachen. *Contrastive Linguistics*. 1997. No. 2. Pp. 30–41.]

Герджиков, 2013 – Герджиков Г. Законите на граматическите парадигми и морфологическата типология на езиците // Георги Герджиков. Избрани студии и статии по езикознание. Кр. Алексова (съст.). София, 2013. С. 286–302. [Gerdzhikov G. The laws of grammatical paradigms and the morphological typology of languages. *Georgi Gerdzhikov. Izbrani studii i statii po ezikoznanie*. Kr. Aleksova (ed.). Sofia, 2013. Pp. 286–302. (In Bulgarian)]

Котова, Янакиев, 2001 – Котова Н., Янакиев М. Грамматика българско-го языка для владеющих русским языком. М., 2001. [Kotova N., Yamakiev M. *Grammatika bolgarskogo yazyka dlya vladeyushchikh russkim yazykom* [The grammar of Bulgarian for Russian speakers]. Moscow, 2001.]

Куцаров, 2007 – Куцаров Ив. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007. [Kutsarov Iv. *Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya* [Theoretical grammar of Bulgarian. Morphology]. Plovdiv, 2007.]

Макарцев, 2014 – Макарцев М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М., 2014. [Makartsev M. *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of Balkan text]. Moscow, 2014.]

Маровска, 2005 – Маровска В. Новобългарският перфект. София, 2005. [Marovska V. *Novobolgarskiyat perfekt* [The new Bulgarian perfect]. Sofia, 2005.]

Маровска, 2013 – Маровска В. Референция и реферирание в света на езика. Пловдив, 2013. [Marovska V. *Referentsiya i referirane v sveta na ezika* [Reference and referencing in the world of language]. Plovdiv, 2013.]

Ницолова, 2007 – Ницолова Р. Моделизираната евиденциална система на българския език // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Отв. ред. В. Храковский. СПб., 2007. С. 107–197. [Nitsolova R. *Mofalized evidential system in Bulgarian. Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii*. V. Hrakovskij (ed.). St. Petersburg, 2007. Pp. 107–197. (In Rus.)]

Ницолова, 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. [Nitsolova R. *Balgarska gramatika. Morfologiya* [Bulgarian Grammar. Morphology]. Sofia, 2008.]

Пашов, 1976 – Пашов П. Българските глаголни времена. (За основните им значения и онагледяването им със схеми и формули) // Помагало по българска морфология. Глагол. П. Пашов, Р. Ницолова (съст.). София, 1976. С. 186–210. [Pashov P. *Bulgarian verb tenses. (For their main meanings and their illustration with schemes and formulas). Pomagalo po balgarska morfologiya. Glagol*. P. Pashov, R. Nitsolova (eds.). Sofia, 1976. Pp. 186–210. (In Bulgarian)]

Плунгян, 2003 – Плунгян Вл. Общия морфология: Введение в проблематика. Изд. 2-е. М., 2003. [Plungjan V. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problem]. 2nd ed. Moscow, 2003.]

Стоянов, 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. Ст. Стоянов (гл. ред.). София, 1983. [Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik [Grammar of Modern Bulgarian]. Vol. 2. Morphology. Sofia, 1983.]

Търпоманова, 2014 – Търпоманова Е. Эвиденциалност в балканските езици: български и албански. София, 2014. [Tarpomanova E. *Evidentsialnost v balkanskite ezitsi: balgarski i albanski* [Evidentiality in Balkan languages: Bulgarian and Albanian]. Sofia, 2014.]

Bornkessel-Schlesewsky, Malchukov, Richards, 2015 – Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. I. Bornkessel-Schlesewsky, A.L. Malchukov, M. Richards (eds.). Berlin, 2015.

Cowgill, 1966 – Cowgill W. A search for universals in Indo-European diachronic morphology. *Universals of language*. J. Greenberg (ed.). Second ed. Massachusetts; London, 1996. Pp. 114–141.

Cysouw, 2007 – Cysouw M. New approaches to cluster analysis of typological indices. *Exact Methods in the Studies of Language and Text*. P. Grzybek, R. Köhler (eds). De Gruyter, 2007. Pp. 61–75.

Greenberg, 1960 – Greenberg J. A Quantitative approach to the morphological typology of language. *International Journal of American Linguistics*. 1960. Vol. 26. No. 3. Pp. 178–194.

Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005 – Köhler R., Altmann G., Piotrowski R.G. *Quantitative Linguistics. Handbooks of Linguistics and Communication Science*. Berlin; New York, 2005.

Lindstedt, 1981 – Lindstedt J. Един цялостен подход към анализизма на българския език // Българистични изследвания: Първи българо-скандинавски симпозиум, 24–30 септември 1979 г. П. Пашов, С. Брезински, М. Цанева (съст. и ред.). София, 1981. С. 12–19. [Lindstedt J. A comprehensive approach to the analysis of the Bulgarian language. *Bulgarian Studies: First Bulgarian-Scandinavian Symposium, September 24–30, 1979*. Sofia, 1979. Pp. 12–19. (In Bulgarian)]

Smirnova, 2013 – Smirnova A. Evidentiality in Bulgarian: Temporality, Epistemic Modality, and Information Source. *Journal of Semantics*. 2013. No. 30 (4). Pp. 479–532.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022

The article was received on 27.07.2022

Об авторе / About the author

Алексова Красимира – D.Sc. (лингвистика); професор кафедры болгарского языка факультета славянской филологии, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Республика Болгария

Kr. Aleksova – D.Sc. in Linguistics; Professor at the Department of Bulgarian of the Faculty of Slavic Studies, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Republic of Bulgaria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3205-9958>

E-mail: krasimiraaleksova@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

Е.Ю. Иванова¹, Г.И. Кустова^{2, 3}, С.И. Лесева⁴

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
119034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
119019 г. Москва, Российская Федерация

³ Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

⁴ Институт болгарского языка имени проф. Любомира Андрейчина
Болгарской академии наук,
1113 г. София, Республика Болгария

Датив при глаголах проявления признака в болгарском языке

Наименее изученной функцией болгарского местоименного датива является маркирование субъекта мнения и оценки. Эта функция реализуется прежде всего в разговорной речи, в частности, в ее письменной форме – языке интернет-коммуникации. Основное внимание в статье уделено группе отадективных глаголов со значением «проявлять перцептивно воспринимаемый признак, обозначенный мотивирующим прилагательным» (*белея, жълтея, киселея, сладня*), которые присоединяют датив в функции не только экспериенцера, но и субъекта мнения, прежде всего – эпистемической оценки: *Млякото леко ми сладни*. 'Молоко мне кажется слегка сладковатым'. Наблюдается присоединение такого датива к другим глаголам этой словообразовательной структуры (*Глупее ми този виц*. 'Этот анекдот мне кажется глупым'), а также входение его в модели с интерпретационными предикативами.

Ключевые слова: датив, экспериенцер, субъект оценки, эпистемический субъект, предикаты восприятия, цветковые предикаты, разговорный болгарский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С.И. Датив при глаголах проявления признака в болгарском языке // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 64–87. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

© Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С.И., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

E. Ivanova¹, G. Kustova^{2, 3}, S. Leseva⁴

¹ Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, 119034, Russian Federation

² V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 119090, Russian Federation

³ Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

⁴ Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, 1113, Republic of Bulgaria

The use of the dative pronoun with attribute-denoting verbs in Bulgarian

The least studied function of the Bulgarian dative pronoun is that of the subject of opinion and appraisal. This function is realised primarily in the colloquial language and its written form – internet communication. The paper is focused on deadjectival verbs meaning “have a perceptively observable attribute denoted by the motivating adjective” (*beleya* ‘be/show white’, *zhalteya* ‘be/show yellow’, *kiseleya* ‘taste sour’, *sladnya* ‘taste sweet’), which may be used with a dative pronoun marking the subject of opinion (the subject of epistemic assessment, in particular) rather than the experiencer: *Mlyakoto leko mi sladni*. ‘The milk tastes somewhat sweet to me’. We also study the use of the dative pronoun with other verbs with the same word-formation structure (*Glupee mi tozi vic*. ‘This joke sounds (a bit) stupid to me’), as well as with predicates denoting interpretation.

Key words: dative, experiencer, subject of opinion, epistemic subject, predicates of perception, colour predicates, colloquial Bulgarian

FOR CITATION: Ivanova E., Kustova G., Leseva S. The use of the dative pronoun with attribute-denoting verbs in Bulgarian. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 64–87. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-64-87

1. Введение

1.1. Функции датива в болгарском языке

Местоимения (прежде всего личные) в болгарском языке являются единственной частью речи, сохранившей падежные формы. У личных местоимений имеются 3 падежа – именительный, дательный, винительный. Оба косвенных падежа представлены полными и краткими формами. Для употребления полных форм личных местоимений требуются особые коммуникативные и/или синтаксические условия, которых здесь мы сейчас не касаемся. Краткие формы являются клитиками.

Клитические формы дательного падежа (*ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*) в болгарском языке многофункциональны (см. прежде всего [Петрова, 2006], также [Чешко, 1959, с. 16–36; Граматика, 1983, с. 191–197; Джоннова, 2003; Ницолова, 2008, с. 146, 156–157, 165–169, и др.]).

Наиболее важными функциями датива в современном болгарском языке являются роли адресата (1), реципиента (2), бенефактива/малефактива (3), экспериенцера (4). Клитика дательного падежа используется и как «этический датив» [Петрова, Иванова, 2016, с. 283–286], как в (5).

- (1) *Разкажи **ни** за себе си.*
'Расскажи нам о себе.'
- (2) *Той така и не **ми** върна парите, които ми дължи.*
'Он так и не вернул мне деньги, которые мне должен.'
- (3) *Той **ми** пречи да чета.*
'Он мешает мне читать.'
- (4) *Студено ли **ти** е?*
'Тебе холодно?'
- (5) а. *Каква **ти** радост!*
'Да какая тут [тебе] радость!'
 б. *И това **ми** било справедливост!*
'И это [мне] называется справедливость!'

Краткие личные местоимения в дательном падеже в ходе развития болгарского языка получили способность выступать и как клитики именной группы, выполняя, таким образом, функции краткого притяжательного местоимения в позиции несогласованного определения (6а). Как выразился Л. Андрейчин, посессивность в истории болгарского дательного выделилась из других видов «заинтересованности», и ряд кратких дательных форм личных местоимений расщепился на два омонимичных ряда [Андрейчин, 1958, с. 200] (см. также [Минчева, 1964]), ср. притяжательное (6а) и личное (6б) местоимения:

- (6) а. *Купих картината **ти**.*
 ‘Я купил твою картину.’
- б. *Купих **ти** подарък.*
 ‘Я купил тебе подарок.’

Еще более широкий набор функций имеет возвратная клитика дательного падежа *си*, которая может выступать не только как аргументное и притяжательное местоимение, но и указывать на реципрокальные отношения, а также функционировать как словообразовательная, интенсифицирующая и модальная частица. О синтаксическом алгоритме снятия этой омонимии см. [Иванова, Петрова, 2017, с. 87–100].

Помимо перечисленных (и хорошо изученных) функций датива, с недавних пор стали появляться предложения о выделении у болгарской дативной клитики особых функций, связанных с фигурой оценивающего субъекта: «доксического» субъекта (субъекта «недостовверного знания») [Градинарова, 2003, с. 5–6; Градинарова, 2017, с. 58–64; Иванова, 2016], или «эпистемического» субъекта [Циммерлинг, 2018; Циммерлинг, 2021, с. 302–303], а также субъекта утилитарной оценки [Там же, с. 302].

Так, в предложениях (7)–(9) включением датива не просто маркируется экспериенцер, но и вводится фигура субъекта мнения или оценки. Русские переводы хорошо отражают это добавочное значение через необходимость употребления глагола *казаться* или других средств выражения своей личной точки зрения или предпочтений.

- (7) а. *Мирише на газ.*
 ‘Пахнет газом.’
- б. *Мирише **ми** на газ.*
 ‘Мне кажется, что пахнет газом.’
- (8) а. *Дисплеят синее повече от тези на другите лаптопи.*
 ‘Этот дисплей светится синим (букв.: синееет) больше, чем [дисплеи] других ноутбуков.’
- б. *Екранът на телевизора леко **ми** синее, но не е от настройките.*
 ‘Экран телевизора мне кажется синеватым/голубоватым (букв.: слегка мне синееет), но это не от настроек.’
- (9) а. *Виното киселее.*
 ‘Вино кислит.’
- б. *Не си падам по бялото вино, киселее **ми**.*
 ‘Я не любитель белого вина, для меня оно кислотовато.’

Датив в подобных специфических функциях получил распространение в современной разговорной речи, особенно в ее письменной форме, реализуемой в интернет-коммуникации, и охватывает, как мы покажем далее, разнообразные типы структур, хотя часть их еще воспринимаются как нестандартные с точки зрения языковой нормы. Группа отыменных глаголов со значением проявления признака наиболее показательна для иллюстрации этого процесса.

1.2. Отыменные глаголы проявления признака в болгарском языке

В фокусе нашего внимания находится прежде всего одна из самых лексически богатых групп со значением проявления признака – отадъективы с финалью *-ея*, напр. *киселея, белея, жълтея, влажнея* (как увидим, они же легче всего присоединяют датив в интересующих нас функциях). Привлечены к рассмотрению также отыменные перцептивные предикаты на *-а/я* (*горча, лютя, паря, сладня*) – группа немногочисленная, но активно используемая, в основном, с экспериенциальным дативом.

Значительная часть глаголов этих групп могут иметь разные значения, связанные со способом реализации проявляемого признака, поэтому требуется кратко охарактеризовать их семантическую парадигму в целом.

Отыменные глаголы на *-ея* (в 3 л. ед. ч. с финалью *-ея*) в болгарском языке имеют два основных значения: 1) ‘проявлять признак, заданный мотивирующим именем’ и 2) ‘приобретать и накапливать такой признак’ [Радева, 1993, с. 38–69].

Оба значения фиксируются, например, при глаголах *сивея* (1 – ‘проявляться серым цветом, сереть’, 2 – ‘становиться серым’), *мътнея* (1 – ‘восприниматься как потемневший, неотчетливый’, 2 – ‘мутнеть’), также: *жълтея, тъмнея, светлея, сребрея, леденя* и др.¹

Лишь стативное значение отмечено в словарях при таких глаголах, как *синея* ‘проявляться синим цветом’, *мокрея* ‘быть мокрым’, *киселея* ‘быть кислым/кисловатым’.

Те глаголы, которые образованы от прилагательных, указывающих на внешне наблюдаемые признаки лиц и объектов, чаще всего основным имеют значение накопления признака: *дебелея* ‘толстеть’, *тънея* ‘становиться тоньше’, *старея* ‘стареть’, *простея* ‘становиться более простым, неухоженным’. Однако некоторые из них, которые допускают

¹ Значительная часть глаголов, способных употребляться со значением нединамического проявления перцептивно воспринимаемого признака, могут иметь и рефлексивную форму: *сивея се, синея се, сребрея се, тъмнея се* и др. (см. раздел 2).

осмысление как глаголы субъективно оцениваемого признака, могут выражать статическое значение, причем в особом семантическом варианте – ‘выглядеть каким-л.’ [Радева, 1993, с. 125–126], напр. *младея* ‘выглядеть молодым’, *пустея* ‘выглядеть пустым’, *простея* ‘выглядеть простоватым’: *В интерес на истината той по младее за своите 55 години* ‘По правде говоря, он выглядит моложе своих 55 лет’; *В тази рамка картината простее* ‘С этой рамой картина выглядит простоватой’ [Там же]. Далее мы покажем, что при включении датива (в норме для них нехарактерного) круг таких предикатов со статическим значением проявления признака увеличивается.

Общая закономерность при употреблении датива для указанных групп глаголов, как показывает наш материал, заключается в том, что датив не присоединяется к предикатам со значением накопления, нарастания, изменения признака. Если глагол, который в словарном толковании имеет такое значение, использован с дативом, то он, как мы увидим далее, теряет динамическую семантику и функционирует как глагол статического положения дел (‘иметь признак’, ‘проявлять признак’, ‘выглядеть каким-л.’).

Что касается отыменных глаголов на *-а/я* (в 3 л. ед. ч. с финалью *-и*), то в их семантической парадигме нет значения накопления признака. Однако лишь небольшая их часть способна выражать статическое проявление временного признака (*блестя*, *киселя*, *сладня*, *горча*, *лютя*, *паря*), и они включены в наш анализ, в то время как остальные имеют значение ‘снабжать признаком, названным мотивирующим именем’ и, следовательно, противопоставлены глаголам на *-ея* как каузативные, ср. *черня* ‘делать черным’ – *чернея* ‘чернеть’, *мокря* ‘делать мокрым’ – *мокрея* ‘быть мокрым’.

Отыменные глаголы с каузативным значением, как показывает наш материал, не присоединяют датив экспериенцера и тем более оценки. Если включение датива осуществляется, значит, глагол использован в некаузативном значении. Частично это отражено и в словаре. Ср. *мокря* ‘делать мокрым, влажным’, но (безл.) *мокри ми* – ‘чувствовать влагу, мокроту, обычно при прикосновении’ [РБЕ, 1977–2015], что сближает это употребление с глаголом проявления признака на *-ея*, ср. *мокрее ми* с тем же значением.

Таким образом, нас будут интересовать только глаголы, которые имеют значение (статического) проявления признака, мотивированного именем. Это значение закреплено для них в словаре или появляется при сочетании с дативом в тексте.

Статья строится следующим образом. Сначала мы рассмотрим конструкции с присоединением экспериенциального датива (раздел 2),

а затем перейдем к особенно важным для нашей темы случаям, когда датив маркирует фигуру оценивающего субъекта, – субъекта эпистемической оценки (раздел 3) и субъекта ментальной оценки (раздел 4), там же будет показано, какими иными типами предикатов расширяется область функционирования оценочного датива в болгарской разговорной речи.

Примеры собраны с помощью поисковых систем (с орфографической и пунктуационной коррекцией, в единичных случаях – адаптированные), в незначительной степени использован материал Болгарского национального корпуса (в связи с малой представленностью в нем современной разговорной речи [Коева и др., 2012]).

2. Датив экспериенцера

Важной особенностью предикатов перцептивно воспринимаемого признака в литературном болгарском языке является их способность присоединять лексически не обусловленный дативный компонент, при этом они осмысляются как предикаты перцептивного воздействия, открывая позицию для экспериенцера-воспринимающего [Петрова, 2006, с. 119–122].

Особенно склонны к присоединению экспериенциального датива предикаты воспринимаемого органами чувств **вкусового признака** (такие как *сладнее/сладни, киселее, горчи, солнее* или дериваты с семантикой слабой степени выраженности признака *нагарча, накиселява*). Данная функция датива при части глаголов находит отражение и в лексикографической практике:

горча *нсв. нпрх.* Иметь горький вкус. *Бирата горчи.* ‘Пиво горькое, имеет горький вкус’. **горчи ми** *нпрх.* Чувствовать горький вкус.

киселея *нсв. нпрх.* Иметь кислый вкус: *Виното киселее.* ‘Вино кислое, имеет кислый вкус’. **киселее ми** *нпрх.* Чувствовать кислый вкус. *Киселее ми в устата.* ‘Мне кисло во рту’.

сладня *нсв. нпрх.* Иметь сладковатый вкус. *Хлябът сладни.* ‘Хлеб сладковатый’. **сладни ми** *нпрх.* Чувствовать сладковатый вкус. [Български тълковен речник, 2006].

Введение в предикацию фигуры субъекта восприятия может сопровождаться появлением диминутивного значения признака, например: *сладнее ми* ‘я чувствую сладкий вкус / сладковатый вкус’.

Подобным же образом оформляется экспериенциальный участник при глаголах других типов ощущений: тактильных (*влажнее ми* ‘чувствую влагу / легкую влагу’; *студенее ми на врата* ‘чувствую холод в области шеи’, *топли ми на ръцете* ‘мне тепло рукам’), обонятельных (*мирише ми на люляк / вони ми на тиня / ухае ми на рози* ‘[чувствую,

что] пахнет сиренью / воняет тиной / благоухает розами’). Предикаты данных типов восприятия, в целом немногочисленные, большей частью не являются отыменными, за исключением предикатов ощущений влажности и температуры, поэтому далее не рассматриваются, см. о некоторых из них [Градинарова, 2017].

Датив экспериенцера может встречаться и при предикатах проявления **цветового признака**, напр. *зеленее, жълтее, червене, тъмнее, белее, сребрее, блестя* и др. При глаголах этого типа экспериенциальный датив реализуется как датив наблюдателя. В обычном случае в болгарском языке глаголы проявления цветового признака функционируют как одноместные, без датива, описывая выделенность объекта в пространстве восприятия наблюдателя своими цветовыми или световыми свойствами (аналогично подобным предикатам в русском языке), см. (10)–(11). Большинство таких глаголов может употребляться и в рефлексивной форме (12), с небольшими семантическими различиями. Так, В. Радева толкует нерелексивную форму *белее* как «имеет, проявляет белый цвет», релексивную *белее се* – как «показывается белым» [Радева, 1993, с. 111–113].

(10) *В храстите червенеят дъхави малини.*

‘В кустах краснеет пахучая малина.’

(11) *А далече на юг синее Балканът, обвит в мараня като мираж.*

‘А далеко на юге синее Балкан, окутанный знойной пеленой, как мираж.’

(12) *По склоновете на планината се белееше пресен сняг.*

‘На склонах горы белел свежевывавший снег.’

Употребление дативной клитики в экспериенциальном значении при глаголах цветовых проявлений, возможно, например, когда объект неидентифицирован, воспринимающий находится на первом этапе восприятия и реагирует только на наличие цветового признака как на способ проявления объекта. В таком случае место объекта перцепции обычно занято местоименной именной группой в позиции подлежащего, вводящей неидентифицированный предмет, а датив маркирует субъекта зрительного восприятия. Тем самым задается пространство наблюдателя, в котором объект выделяется цветовым пятном. В таких случаях употребляются как нерелексивные (13)–(14), так и релексивные (15) глаголы, и последние даже более характерны:

(13) *Нещо ми жълтее в тревата.*

‘[Вижу,] в траве что-то желтеет.’

- (14) *Какво е това, дето ми жълтее в тревата?*
 ‘Что это там такое, что [мне] желтеет в траве?’
- (15) *На влизане в село Дръмша нещо ми се червенеет. Присвивам очи – плюшен костюм на Дядо Коледа е захвърлен на една поляна.*
 ‘Подхожу к селу Дрымша, [смотрю,] что-то краснеет.
 Прищуриваюсь: плюшевый костюм Деда Мороза валяется на поляне.’

Итак, при каких условиях эти виды экспериенциального датива способны к переосмыслению как маркеры субъекта оценки?

3. Датив субъекта эпистемической оценки

Датив субъекта, оценивающего свое восприятие с точки зрения достоверности/недостоверности получаемой перцептивной информации, возможен при разных типах восприятия. Здесь мы остановимся прежде всего на двух типах предикатов – цветового проявления и вкусового ощущения, – представляющих дистантный и контактный тип восприятия. Наиболее регулярно эпистемический датив реализуется при предикатах цветового проявления, что связано, как мы покажем далее, с ситуациями, которые порождаются дистантным характером перцепции и искаженностью восприятия.

3.1. Эпистемический датив при предикатах цветового проявления

В конструкциях с эпистемическим дативом используются только невозвратные глаголы проявления цветового признака. Место подлежащего в такой структуре занято именем определенного, идентифицированного объекта:

- (16) *Среброто не е ли бяло, нещо ми жълтее гарда.*
 ‘Серебро разве не белое, что-то гарда мне **кажется** желтоватой.’
- (17) *Картината на телевизора леко ми зеленеет, кореспондира със зловата, която се лее, и все едно съм попаднал в ада.*
 ‘Картинка в телевизоре мне **кажется** зеленоватой и соответствует льющейся злобе, и я будто в аду.’

А.А. Градинарова, анализируя подобные конструкции, усматривает в дативе двоякую роль – экспериенцера и доксихического субъекта (т.е. субъекта недостоверного знания, мнения) [Градинарова, 2017, с. 58–60]. Действительно, ситуация, представленная в (16)–(17), включает в себя оценку достоверности, так что есть основания считать, что субъект, выражаемый дативом, сочетает роли экспериенциального

и эпистемического субъекта. Далее для краткости будем называть его эпистемическим, чтобы подчеркнуть важность ментальной операции. А.В. Циммерлинг, также давая эпистемическую интерпретацию конструкциям подобного типа, анализирует их как предложения с оператором КАЖЕТСЯ [Циммерлинг, 2021, с. 302–303]. Как видим, авторы сходятся в том, что в качестве элемента толкования (метаязыка) при описании таких конструкций целесообразно использовать оператор (семантический предикат) ‘кажется’.

В то же время предикат ‘кажется’ может соответствовать разным операциям говорящего. Во-первых, сам эпистемический (или ментальный) модус не является единым и однородным и имеет сложную структуру. Так, Н.Д. Арутюнова в рамках ментального (эпистемического) модуса выделяет модусы полагания (*думаю, считаю, полагаю, кажется*), сомнения и допущения (*возможно, сомнительно, маловероятно*), истинностной оценки (*верно, ложно, исключено*), знания (*знать, понимать, догадываться*), незнания (*неизвестно, тайна, загадка*), общей оценки (*хорошо, плохо*) [Арутюнова, 1988, с. 120–129]. Со времени выхода этой работы Н.Д. Арутюновой в рамках модуса полагания, или мнения, к которому относится и глагол *казаться*, были введены дополнительные противопоставления, а именно, выделены мнение-предположение (*Я думаю, что фильм интересный – ‘не видел, но предполагаю’*) и мнение-оценка (*Я считаю, что фильм интересный – ‘видел и оценил’*), см. [Дмитровская, 1985]. Это противопоставление, вообще говоря, распространяется и на *казаться*.

Кроме того, в группе предикатов мнения *казаться* занимает особое положение, т.к. обслуживает и перцептивные, и ментальные операции. Ю.Д. Апресян включает глагол *казаться 1* в два синонимических ряда – перцептивный *выглядеть, казаться 1* [Апресян, 2000а] и ментальный *казаться 1, сдаваться, представляться 2, думаться 1* [Апресян, 2000б]. Эта связь основана на том, что восприятие и сознание человека тесно связаны (ср. *воображение, образ, впечатление*). Показательно, что в толковании перцептивного *казаться* используются такие элементы, как ‘считать’, ‘уверен’, ‘истинность’: *выглядеть, казаться 1* = ‘внешний вид или поведение X-а дает наблюдателю основание воспринимать X как P или считать X P-м, причем наблюдатель может быть не вполне уверен в истинности того, что X – P’ [Апресян, 2000а].

Важное для нашей темы свойство ментального *казаться* состоит в том, что этот предикат «описывает разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта... в ее достоверности до полной уверенности в ее ложности» [Апресян, 2000б], ср. *Кажется, кто-то разговаривает vs. Это только кажется*.

Исходя из этих особенностей предиката *казаться*, применительно к материалу цветовых признаков целесообразно различать два типа ситуаций восприятия. Ключевым семантическим предикатом, объединяющим оба типа ситуаций, является ‘ВПЕЧАТЛЕНИЕ’. В обоих случаях речь идет о впечатлении от объекта, но условия, в которых возникает впечатление, различаются.

В первом случае (обозначим его как **неуверенность**) субъект не имеет достоверной информации. Субъект (говорящий) сообщает о своем восприятии цветового признака в ситуации измененной перцепции (она затруднена или нарушена по каким-то причинам). Датив маркирует, что субъект не претендует на истинность сказанного. В то время как эпистемический глагол *кажется* (как и болг. *струва ми се*) выражает смысл предположительности, неуверенности лексически, глаголы перцептивно воспринимаемого признака типа *жълтея* могут использовать другой способ маркирования значения недостоверности – эпистемический датив, ср. *Х ми се струва жълт* ‘Х мне кажется желтым’ и *Х ми жълтее* ‘То же’.

Использование такого датива характерно для интернет-обсуждений цветовых особенностей разнообразных объектов. Чаще всего речь идет о наличии нехарактерного оттенка у изображений предметов.

- (18) *Единствено камъкът по фасадата ми жълтее нещо – вероятно от залязващото слънце.*

‘Только вот камень в облицовке фасада **кажется** желтоват (букв. мне желтеет) – наверное, из-за заходящего солнца.’

- (19) *Сираков, композицията много ме кефи, <...>ама нещо ми зеленее кадъра. Не знам дали е авторско виждане, дали е моя монитор (ама май не, понеже с други снимки го няма този проблем) или какво, но наистина ми бие на зеленикаво.*

‘Сираков, композиция просто супер, но что-то кадр мне **кажется** зеленоватым. Не знаю, может это авторское решение, или это мой монитор (но вроде нет, ведь с другими фото нет этой проблемы), или что-то другое, но действительно уходит, как кажется, в зеленый.’

Ср. с примером без датива, где в отсутствие эксплицитного субъекта мнения информация представляется как достоверная:

- (20) *Притеснително много синее зеленото на знамето ни.*
букв. ‘Подозрительно сильно синее зеленое на нашем флаге.’

Помимо предикатов основного цветового спектра, имеются образования для смешанных цветов, пестрых расцветок, световых эффектов (розовее, сребрее, лъскавее, тъмнее и др.).

(21) *Да дадеш отзив като я пробвах, че цветът на снимката никак не ми изглежда “ultra ash”, ами направо **ми златее**.*

‘Напиши отзыв, когда попробуешь ее [краску для волос], а то цвет на снимке, по-моему, не выглядит как “ultra ash” (ультра пепельный), а прямо-таки золотистый (букв. прямо-таки [мне] золотится)’.

Показателями неуверенного знания служат, как в примерах (18), (19), (21), эпистемические глаголы в контексте (*изглежда* ‘выглядит’), частица *май* ‘как будто бы’, ‘вроде бы’, лексические показатели нечеткости видения и неясности причин цветового нарушения: *нещо* ‘почему-то’, *някак* ‘как-то’. В примерах имеются перифразы, которые выражают то же значение кажущности цветового восприятия: *не ми изглежда “ultraash”* ‘по-моему, не выглядит как “ultra ash” (ультра пепельный)’, *бие ми на зеленикаво* ‘уходит (как мне кажется) в зеленый’ и пр.

Во втором случае (обозначим его как **искажение**) цветовой признак для субъекта определен, заранее известен (например, когда обсуждается принадлежащий ему предмет), но субъект сообщает о его искажении – на мониторе (22)–(23) или при самовосприятии, как в примере (24), где сравнивается цвет косметического средства в упаковке и на своей коже. То есть субъект квалифицирует воспринимаемый в данных условиях цветовой признак как искаженный («недостовверный»), отличный от настоящего цвета объекта:

(22) *На екрана [лакът] нещо **ми синее**, а всъщност е наситено лилав.*
‘На экране [лак] почему-то **выглядит** синим, а вообще-то он насыщенный лиловый.’

(23) *Пък и черното нещо **ми сивее** на моя монитор, ама от предишните страници изглежда по друг начин?*
‘Да и черное что-то **выглядит** серым на моем мониторе, а на предшествующих страницах выглядит другим образом?’

(24) *Цвета [на пудрата] е златист към прасковен... Нанесен на лицето ми обаче на мен ми изглежда светло-златист, дори **ми белее**.*
‘Цвет пудры золотистый, ближе к персиковому... Но при нанесении на лицо он лично мне кажется светло-золотистым, даже беловатым (букв. белеет мне даже).’

В русском языке в подобных случаях используются глаголы *выглядеть* или *казаться*, причем больше соответствует данному типу оценки глагол *выглядеть*, который передает, как отмечается в [Апресян, 2000а], более объективное впечатление, ср.: *При таком освещении черное выглядит серым; Персиковая пудра на моем лице выглядит белой.*

3.2. Эпистемический датив при предикатах вкусового ощущения

3.2.1. Как и в случае с предикатами цветового проявления, оценивающий субъект в виде датива появляется в конструкциях, где объект восприятия обозначен определенной именной группой, занимающей позицию подлежащего. В таком случае через датив может быть введен не только субъект вкусового ощущения, но и субъект оценки.

В то же время контактный тип восприятия затрудняет разделение этих значений². Для того чтобы субъект при предикате вкусового восприятия однозначно был квалифицирован как эпистемический, нужны условия, которые указывают на искаженное восприятие. Так, в примерах (25)–(26) датив маркирует эпистемического субъекта: не вкус продукта виноват, а измененные условия перцепции. В ситуации нарушенного восприятия (после родов (25); еда в одиночестве (26)) изменились или меняются вкусовые ощущения, вкус продуктов кажется иным:

(25) *След като родих, неизвестно защо, изведнъж алкохола ми
опротивя. Не ми е вкусен, горчи ми, киселее ми...*

‘После родов, непонятно почему, алкоголь мне стал противен.

Кажется невкусным, горьким, кислым.’

(26) *Без приятели не мога, всеки залък ми присяда, виното ми
киселее, хляба сякаш камък става.*

‘Без друзей не могу, каждый кусок встает комом, вино **кажется** кислым, хлеб – как камень.’

В примерах (27)–(28) вкус продуктов тоже искажен, хотя говорящий (субъект восприятия и эпистемической оценки) осознает, что нет внешних причин для такого вкусового ощущения, искажение происходит внутри субъекта восприятия:

² Меньшая затруднительность выделения эпистемического субъекта при глаголах зрительной перцепции (см. раздел 2) определяется спецификой этого типа восприятия: оно не просто является дистантным, но и «тесно связано с ментальной сферой: во-первых, зрительное восприятие является базой и одним из важных источников получения ментальной информации, во-вторых, само восприятие связано с ментальной обработкой (классификацией, идентификацией, осмыслением) воспринимаемых объектов и ситуаций» [Кустова, 2022].

(27) *Направих тиквеник и ми солене, не мога да разбера от какво. Нищо солено не съм слагала.*

‘Сделала пирог из тыквы, и мне он **кажется** соленым, не могу понять почему. Ничего соленого не положила.’

(28) *Моля някой да даде нормално обяснение, защо непрекъснато всичко солено ми сладни. Кръвна захар нормална.*

‘Кто-н. может дать нормальное объяснение, почему все соленое постоянно мне **кажется** сладковатым (букв. мне сладнит). Сахар в крови – в норме.’

Но не всегда возможно однозначно вычленить эпистемическую составляющую, что связано со спецификой вкусового восприятия: стимул (источник ощущения) находится в том же пространстве, что и воспринимающий. Так, в примерах (29)–(30) представлены случаи, когда конструкция допускает двойное толкование. Экспериенциальное и эпистемическое значение датива здесь плохо дифференцируются:

(29) *И аз я [тортата] правих с «Бела» и не ми соленееше.*

‘Я тоже делала его [торт] с «Беллой», и я **не чувствовала** соленый привкус / **мне не показался** соленым.’

(30) *Ако кафето, което правиш с кафеварка, ти горчи, намали грамажа смлени зърна и започни процеса с гореща вода.*

‘Если кофе, который ты делаешь в кофеварке, **тебе кажется горьким** / **тебе горчит**, уменьши грамаж молотых зерен и начинай процесс с горячей воды.’

Отметим, что есть лексемы вкусовых ощущений на -а/я, которые не подвергаются переосмыслению с дативом эпистемической оценки. Таковы глаголы *люти*, *пари*, при которых датив прочитывается только экспериенциально: *люти ми от лука* ‘мне едко от лука’; *пари ми в гърлото* ‘мне жжет в горле’ (это замечено и в [Градинарова, 2017]). Полагаем, что отличие этих глаголов от рассмотренных выше предикатов вкусового ощущения состоит в том, что предикат в конструкциях *пари ми*, *люти ми* и подобных образован переносом от агентивных глаголов воздействия, т.е. в их семантической структуре присутствует каузатор, который и осуществляет воздействие за счет своих свойств, см. об этом семантическом переходе в [Кустова, 2004, с. 274]. Присоединение датива не меняет эту ситуацию, которая представлена как каузирующее действие внешней силы.

Конструкции с субъектом эпистемической оценки при предикатах проявления вкусового и цветового признака широко распространены в болгарской интернет-коммуникации: в социальных сетях, форумах,

блоггах, где этот компактный – только через датив – способ подчеркивания собственных ощущений хорошо вписывается в ситуации спонтанных обменов мнением и оценочных реакций.

3.2.2. Эпистемическая оценка не является единственным типом оценочного значения при предикатах цветового и вкусового признака. Часть примеров можно выделять как особый тип оценки. Мы назовем ее **оценкой (не)соответствия эталону**: субъект восприятия оценивает имеющийся признак по его отношению к норме – общепринятой или своей собственной. Подробнее о данной функции датива в болгарском языке на фоне русского см. [Иванова, Кустова, Лесева, 2022]. Например:

- (31) *Аз взимам заквасена – по-лека за готвене ми е и по-вкусна. Има едни течни сметани в кутии, **сладнят ми** и са ми тежки. ‘У меня есть заквашенная [сметана] – более легкая для готовки и более вкусная. Есть жидкая сметана в баночках, она **для меня** сладковата и тяжеловата.’*
- (32) *Мене тоналността малко ме смущава, **зелене ми** малко излишно. ‘Лично меня несколько смущает тональность, [для меня] многовато зеленого.’*

В таких случаях тоже возможно двойное толкование: либо восприятие субъекта искажено, либо сообщается о несоответствии его ожиданиям и предпочтениям:

- (33) *Солена им се вижда бразилската вода, **мутнее им** океанът, **киселят им** кокосите. ‘Бразильскую воду они считают соленой, мутным им **кажется** океан, кисловатыми – кокосы / мутный **для них** океан, кисловаты **для них** кокосы’ (букв. мутнеет им океан, кислят им кокосы) [о недовольных туристах, привыкших к мрачной городской жизни]*

Датив при предикатах восприятия может встречаться и в функции внешнего посессора, но контекст обычно легко снимает эту омонимию. Например, в следующем предложении говорящий жалуется, что **у него** фотографии получаются желто-зеленые (использован окказионально образованный глагол *зелено-жълтея*):

- (34) *Зелено-жълтеят ми снимките и тва е!.. Споменаха ми да пробвам Портретен режим... ще го пробвам. ‘Желто-зеленые (букв. зелено-желтеют) у **меня** фотографии и все тут... Мне тут посоветовали портретный режим, попробую.’*

4. Расширение моделей с дативом оценки в разговорном болгарском языке. Ментальная и интерпретационная оценка

Конструкции, которые будут рассмотрены в данном разделе, являются разговорными, а некоторые и нестандартными с точки зрения литературной нормы, и еще не отражены в лингвистических исследованиях.

Напомним (см. раздел 1.2), что небольшая часть отадективных глаголов с финалью *-ея* в болгарском языке может употребляться со значением «выглядеть каким-л.»: *младея* ‘выглядеть молодым’, *пустея* ‘выглядеть пустым’ [Радева, 1993, с. 125–126]. В норме они используются без датива. В современном разговорном языке эта группа не только присоединяет датив субъекта мнения, но и лексически расширяется, включая даже глаголы с единственным значением накопления признака (напр. *старея* ‘стареть’, *едрея* ‘становиться крупнее’). Присоединение датива блокирует динамический компонент в семантике таких глаголов, в результате они функционируют как статические предикаты проявления признака, а сама предикация получает оценочное приращение.

Выражаемая оценка может быть разных типов. Возможна реализация оценочного датива как субъекта эпистемической оценки, как и при предикатах цветового проявления, рассмотренных в разделе 3.1. Предикации в примерах (35)–(37) сходны с предикациями цветового проявления тем, что представляют собой зрительный тип восприятия. Таким образом, функция датива эпистемической оценки, особенно характерная для глаголов цветового проявления, распространяется и на другие глаголы, способные отражать ситуации зрительного восприятия.

(35) *Алисия определено ми старее с тази тъмна коса.*
‘Алисия мне **кажется** явно старой (букв. мне стареет)
с этими темными волосами.’

(36) *Но и на мен³ ми едреят Наоми и Тайра. Обаче Тайра ми едрее
бая повече!*
‘Но Наоми и Тайра и мне **кажутся** довольно крупными /
выглядят крупными [на мой взгляд]. Хотя Тайра мне **кажется**
значительно более крупной’ (букв. мне крупнеют, мне крупнеет)

³ В примерах (36) и (37) мы наблюдаем дублирование местоименной клитики *ми* полной формой дательного падежа на *мен*. Одна из важных функций этого повтора в болгарском языке заключается в оформлении коммуникативного акцента на местоименной именной синтагме (местоименная клитика сама по себе безударна и не может нести коммуникативную нагрузку). В рассматриваемых здесь моделях это позволяет подчеркнуть, что говорящий (субъект оценки) обладает собственным мнением, которое может отличаться от других; тем самым значимость личного мнения повышается. Такое дублирование встречается и в окружающем модель контексте, см. (24), где дополнительно акцентировано личное восприятие говорящим цветового признака – на *мен ми изглежда светло-златист*. Использование дублированной формы, а не просто краткой, не всегда допустимо (по различным причинам), ср., напр., (23), где личная перспектива уже задана притяжательным местоимением *моя*: *Пък и черното нещо ми сивее на моя монитор*.

- (37) *Да съм честен, на мен малко **ми грознее** отпред, поне по това, което виждам от снимката.*
 ‘Буду честным, [по-моему] выглядит [машина] немного уродливо спереди, по крайней мере как я это вижу по фото.’

Еще один тип оценки, который способны выразить глаголы на *-ея*, – это оценка интеллектуальная (ментальная). Присоединяясь к глаголам, образованным от прилагательных с оценочной семантикой (*глупав, тъп, прост* ‘глупый, тупой’) или допускающих такое переосмысление (*евтин* ‘дешевый’, *слаб* ‘слабый’), датив вводит фигуру оценивающего субъекта, подчеркивает личную точку зрения говорящего при оценке объекта (обычно человека или продуктов интеллектуальной деятельности):

- (38) *Текста в частта на Графа доста **ми тънее** с тия детски рими, ама иначе парчето не е никак лошо.*
 ‘Текст в куске Графа мне **кажется** дурацким из-за этих детских рифм, но вообще сингл неплохой’ (букв. Текст мне тупеет)

- (39) *Много **ми евтинее** и **простее** това момиче.*
 ‘Эта девушка [по моему мнению] дешевая и простоватая.’

- (40) *Нищо не разбрах от тая виц, **глупее ми** леко.*
 ‘Я ничего не понял в этом анекдоте. **По-моему**, какой-то глупый.’

- (41) *По принцип избягвам да слушам бг хип хоп, че малко **ми тънее**, но тая песничка е много добра.*
 ‘В принципе, я избегаю слушать болгарский хип-хоп, он мне **кажется** примитивным, но эта песня очень хорошая.’

- (42) *Слабее **ми** тази логика.*
 ‘Мне эта логика **кажется** слабой’ (букв. Мне слабеет эта логика).

В орбиту этой новой модели вовлекаются и новосозданные отадъ-активные окказионализмы, как глагол *скучнея* в (43), отсутствующий в словарях болгарского языка:

- (43) *Не мога да догледам епизод до края. **Скучнее ми** и **ми простее** и грам не ми е смешен.*
 ‘Не могу досмотреть серию до конца. **Кажется** скучной и туповатой и ни на грамм не смешной.’

Все эти высказывания обладают высокой экспрессивностью благодаря своей необычной сочетаемости: в отличие от предикатов перцептивно воспринимаемого признака, которые, как мы видели, даже в литературном языке способны к присоединению датива хотя бы

в чисто экспериенциальном значении, предикаты типа (35)–(43) в норме не могут присоединять датив ни в какой из его функций. Их нестандартность очерчивает и основную сферу их функционирования – неформальная разговорная речь.

В целом конструкции (35)–(43) схожи с еще одной разговорной моделью, где датив действует таким же образом. Это предложения с прилагательными в предикативной позиции. Так, в примере (31) выше использованы конструкции *по-лека за готвене ми е / тежка ми е* ‘эта сметана [мне] более легкая для готовки / тяжеловата’, см. и оценочные прилагательные в (44)–(46). Лексические возможности у конструкций с адъективными предикатами шире, чем у замкнутой группы отадъективных глаголов на *-ея* (ср. *абсурден* в (46), для которого нет аналогичного образования на *-ея*).

(44) *Глушава ми е Мая, но тя е обградена от мафиоти и приема нещата донякъде за нормални.*

‘Майя глупая [с моей точки зрения], но ее окружает мафия, и для нее все это кажется почти нормальным.’

(45) *Глушава ми е рекламата на «Виногин» с д-ра и тази на «Цитровит» с жената със запушения нос.*

‘Мне **кажется** глупой реклама «Виногина» с доктором и реклама «Цитровита», где женщина с заложенным носом.’

(46) *Абсурдна ми е тая теория.*

‘Мне эта теория **кажется** абсурдной.’

Обратим внимание, что модель с глаголами на *-ея* не выражает такую разновидность интеллектуальной оценки, как **интерпретация**. Интерпретация направлена на определенный тип контролируемых ситуаций – действия и поступки, имеющие социальную значимость, этический аспект и др. [Кустова, 2021]. Субъект интерпретации Y оценивает поведение, поступок или действие P субъекта X, см. примеры с предикативами (47)–(50) далее.

Затрудненность выражения этой семантики у рассмотренных выше отадъективных глаголов объясняется синтаксическими и словообразовательными ограничениями в этой группе на *-ея*: значение проявления признака препятствует присоединению придаточного, сообщающего о поведении или действии X-а, которое могло бы быть оценено Y-ом с помощью интерпретационного предиката, да и сам мотивирующий признак в дериватах этой группы не имеет интерпретационного значения.

Далее представим модель, в которой через датив реализуется субъект интерпретационной оценки.

Датив интерпретационной оценки фиксируется прежде всего при предикативах на -о. В ряде работ [Градинарова, 2010; Петрова, 2020] отмечалось, что процесс расширения модели внутреннего состояния (типа *Неприятно ми е*; *Добре ми е*) в болгарском языке вовлекает в нее самые разные группы предикативов, включая интеллектуальные реакции (*нелогично ми е*, *абсурдно ми е*, *че Р*). Последние мы будем называть предикативами интерпретации, вслед за подходом, предложенным в [Кустова, 2021].

Используя интерпретационные предикативы, как в (47)–(50), субъект интерпретации Y оценивает ситуацию P с точки зрения этической или социальной (*инфантилно ми е*, *претенциозно ми е*, *нелепо ми е*) или дает оценку рациональности или естественности поведения других людей (*нелогично ми е*, *абсурдно ми е*, *фалшиво ми е*), эксплицируя посредством дативной клитики свое личное мнение. В частном случае субъект может выполнять две роли (X-а и Y-а) и смотреть «со стороны» на свои собственные, обычно потенциально возможные, поступки (50).

- (47) **Ненормално ми е** да ми кажат «Обадете се след шест седмици».
‘Мне **кажется** ненормальным (букв. Мне просто ненормально), если говорят «Позвоните через шесть недель»’
- (48) *Не приемам тезата, че един умен човек може да остане беден.*
Неприлично ми е, направо.
‘Я не приемлю тезис, что умный человек может остаться бедным.
По-моему, это просто неприлично.’
- (49) **Нелепо ми е** да ми с лъскави рокли да подскачат по чорапи и под кристален полилей.
‘Мне **кажется** нелепым, когда дамы в блестящих платьях скачут, сняв обувь, под хрустальной люстрой.’
- (50) **Нелогично ми е** да давам пари за нещо некачествено.
‘Мне **кажется** нелогичным отдавать деньги за что-то некачественное.’

Дативные конструкции с интерпретационными предикативами, как и рассмотренные выше оценочные предикаты на -ея, хорошо вписываются в неформальные диалоги сетевого общения, где важно кратко и экспрессивно донести личное мнение говорящего. В социальных сетях, форумах, блогах подобные конструкции провоцируются «желанием подчеркнуть собственную точку зрения и позицию, часто вразрез с общепринятой, с утвержденным стандартом или критерием» [Петрова, 2020, с. 104]. Датив субъекта оценки позволяет это сделать наиболее компактным и нестандартным способом.

Заключение

В современном болгарском языке, особенно в языке интернет-коммуникации (который воспроизводит многие черты разговорной речи), наблюдается включение датива, маркирующего субъекта высказываемого мнения, в конструкции с разными типами предикатов, в результате чего в этих конструкциях обнаруживается семантический сдвиг – значение разного рода оценки (наряду с перцептивным или как самостоятельное). Введение фигуры субъекта, высказывающего свою точку зрения, сомнение или оценку, можно выразить и другими средствами: *струва ми се* ‘кажется’, *смятам* ‘считаю’, *според мен* ‘по-моему’, за мен ‘для меня’ и т.п. Использование датива вместо этих средств порождает нестандартное высказывание, т.к. датив присоединен к предикатам, для которых либо вообще не характерна такая сочетаемость (как у отаггетивных глаголов типа *глупея*, *простея*, *хубавея*, *старея* или у интерпретативов типа *ненормално е*, *абсурдно е*, *неприлично е*), либо дативная клитика в норме допустима, но только для обозначения экспериенциального участника (*киселее ми*, *сладни ми*). Нестандартная сочетаемость стилистически ограничивает функционирование таких конструкций. Хотя большинство из них являются маркером неформального разговорного стиля, не исключено, что и они будут постепенно освоены болгарским литературным языком в той же степени, что и конструкции со структурным дативом экспериенциального типа (как *киселее ми* ‘мне кисло, кислит’). Но уже сейчас можно констатировать, что функциональная палитра болгарского местоименного датива обогащена новыми значениями.

Библиографический список / References

Андрейчин, 1958 – Андрейчин Л. Енклитични притежателни местоимения в българския език // Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. В. Бешевлиев, В. Георгиев (ред.). София, 1958. С. 199–200. [Andreichin L. Enclitic possessive pronouns in Bulgarian. *Izsledvaniya v chest na akad. Dimitar Dechev po sluchai 80-godishninata mu*. V. Beshevliev, V. Georgiev (eds.). Sofia, 1958. Pp. 199–200. (In Bulgarian)]

Апресян, 2000a – Апресян Ю.Д. Словарная статья ВЫГЛЯДЕТЬ, КАЗАТЬСЯ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., Вена, 2000. С. 198–202. [Apresyan Yu.D. Dictionary entry VYGLYADET, KAZATSYA 1. *Novyi obyasnitelnyi slovar sinonimov russkogo yazyka*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow, 2000. Pp. 198–202. (In Rus.)]

Апресян, 2000b – Апресян Ю.Д. Словарная статья КАЗАТЬСЯ 1, СДАВАТЬСЯ 2, ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ 2, ДУМАТЬСЯ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 456–463. [Apresyan Yu.D. Dictionary entry KAZATSYA 1, SDAVATSYA 2, PREDSTAVLYATSYA 2,

DUMATSYA. *Novyi obyasnitelnyi slovar sinonimov russkogo yazyka*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow, 2000. Pp. 456–463. (In Rus.)]

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. [Arutyunova N. Tipu yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of language meaning. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988.]

БТР, 2006 – Български тълковен речник. София, 2006. [Bolgarski tolkoven rechnik [Explanatory dictionary of Bulgarian]. Sofia, 2006.]

Градинарова, 2003 – Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. 2003. № 3–4. С. 5–9. [Gradinarova A. On the specifics of the experienter in Bulgarian in comparison with Russian (based on Bulgarian and Russian sentences with the meaning of perception). *Bolgarskaya rusistika*. 2003. No. 3–4. Pp. 5–9. (In Rus.)]

Градинарова, 2010 – Градинарова А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 34–55. [Gradinarova A. Impersonal constructions with a dative subject and a predicative ending in -o in Russian and Bulgarian. *Bolgarskaya rusistika*. 2010. No. 3–4. Pp. 34–55. (In Rus.)]

Градинарова, 2017 – Градинарова А. Некоторые особенности представления субъекта восприятия в болгарских конструкциях в сравнении с русскими // Язык. Текст. Дискурс. 2017. № 15. С. 58–65. [Gradinarova A. Some features of the representation of the subject of perception in Bulgarian constructions in comparison with Russian. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 2017. No. 15. Pp. 58–65. (In Rus.)]

Грамматика, 1983 – Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983. [Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik [Grammar of modern standard Bulgarian]. Vol. 3. Sintaksis. Sofiya, 1983.]

Джонова, 2003 – Джонова М. Изречения със семантичната роля експериенцер в съвременния български език: Автореф. на дис. ... «доктор». София, 2003. [Dzhonova M. Izrecheniya sas semantichnata rolya eksperientser v savremenniya balgarski ezik [Sentences with an experienter in the modern Bulgarian language]. DhD thesis. Sofiya, 2003.]

Дмитровская, 1985 – Дмитровская М.А. Глаголы знания и мнения: Значение и употребление: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. [Dmitrovskaya M.A. Glagoly znaniya i mneniya: Znachenie i upotreblenie [Verbs of knowledge and opinion: Meaning and usage]. PhD thesis. Moscow, 1985.]

Иванова, 2016 – Иванова Е.Ю. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенцера в болгарском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А.В. Циммерлинга, Е.А. Лютиковой. М., 2016. С. 332–368. [Ivanova E.Yu. Impersonal sentences with an obligatory pronominal experienter in Bulgarian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*.). A. Zimmerling, E. Lyutikova (eds.). Moscow, 2016. Pp. 332–368. (In Rus.)]

Иванова, Кустова, Лесева, 2022 – Иванова Е.Ю., Кустова Г.И., Лесева С. Датив субъекта мнения и субъекта оценки в болгарском разговорном языке (на фоне русского) // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 404–426.

[Ivanova E.Yu., Kustova G.I., Leseva S. Subject of opinion and subject of evaluation dative in colloquial Bulgarian (as compared with Russian). *Ontologija na situaciiite za sastojanie – lingvisticchno modelirane. Sapostavitelno izsledvane za balgarski i ruski*. S. Koeva, E.Ivanova, J. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 404–426.]

Иванова, Петрова, 2017 – Иванова Е.Ю., Петрова Г.М. Болгарские возвратные клитики *se* и *si*: омонимия, полисемия, синтаксис // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 74–104. [Ivanova E.Yu., Petrova G.M. Bulgarian reflexive clitics *se* and *si*: Homonymy, polysemy, syntax. *Voprosyazykoznanija*. 2017. No. 1. Pp. 74–104. (In Rus.)]

Кустова, 2004 – Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. [Kustova G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmyazykovogorasshireniya [Types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moscow, 2004.]

Кустова, 2021 – Кустова Г.И. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог». Вып. 20. М., 2021. С. 456–464. [Kustova G.I. Types of infinitive constructions with predicatives (according to the Russian National Corpus). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021)*. Issue 20. Moscow, 2021. Pp. 456–464. (In Rus.)]

Кустова, 2022 – Кустова Г.И. Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 247–280. [Kustova G.I. Semantic types of infinitive constructions of Russian predicatives. *Ontologijanasiuaciiite za satojanie – lingvisticchno modelirane. Sapostavitelnoizsledvane za balgarskiiruski*. S. Koeva, E.Ju. Ivanova, J. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 247–280.]

Минчева, 1964 – Минчева А. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964. [Mincheva A. Razvoi na datelniya pritezhatelen padezh v balgarskiya ezik [Development of the dative possessive case in the Bulgarian language]. Sofia, 1964.]

Ницолова, 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. [Nitsolova R. Balgarska gramatika. Morfologiya [Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia, 2008.]

Петрова, 2006 – Петрова Г. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас, 2006. [Petrova G. Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya [Semantic roles of the dative pronominal clitics]. Burgas, 2006.]

Петрова, 2020 – Петрова Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език “Проф. Любомир Андрейчин”. София, 2020. Т. 1. С. 100–106. [Petrova G. Impersonal predicative-dative constructions in Bulgarian. *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreichin”*. Sofia, 2020. Vol. 1. Pp. 100–106. (In Bulgarian)]

Радева, 1993 – Радева В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. София, 1993. [Radeva V. Slovoobrazovatelna i semantichna struktura na denominalnite

glagoli v savremenniya balgarski knizhoven ezik [Word-formation and semantic structure of denominal verbs in modern standard Bulgarian]. Sofia, 1993.]

РБЕ, 1977–2015 – Речник на българския език. София, 1977–2015. [Rechnik na balgarskiya ezik [Dictionary of the Bulgarian language]. Sofia, 1977–2015.]

Циммерлинг, 2018 – Циммерлинг А.В. Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Под ред. Н. Арутюновой, М. Ковшовой. М., 2018. С. 45–70. [Zimmerling A.V. Epistemic predicates and mental states. *Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kulturakh*. N. Arutyunova, M. Kovshova (eds.). Moscow, 2018. Pp. 45–70. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2021 – Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.; СПб., 2021. [Zimmerling A.V. Ot integralnogo k aspektivnomu [From integral to aspectual.]. Moscow; St. Petersburg, 2021.]

Чешко, 1959 – Чешко Е.В. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 5–99. [Cheshko E.V. Cases and prepositions in modern standard Bulgarian. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Moscow, 1959. Pp. 5–99. (In Rus.)]

Koeva et al., 2012 –The Bulgarian National Corpus: Theory and practice in corpus design. *Journal of Language Modelling*. 2012. Vol. 0. No. 1. Pp. 65–110.

Статья поступила в редакцию 03.07.2022

The article was received on 03.07.2022

Об авторах / About the authors

Иванова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Yu. Ivanova – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1604-0088>

E-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; профессор кафедры русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Galina I. Kustova – Dr. Phil. Hab.; Leading Researcher at the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS; Professor at the Russian Language Department of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

E-mail: galinak03@gmail

Лесева Светлозара Илиева – PhD (лингвистика); главный ассистент Секции компьютерной лингвистики, Институт болгарского языка Болгарской академии наук, г. София, Республика Болгария

Svetlozara I. Leseva – PhD in Linguistics; Assistant Professor at the Department of Computational Linguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Republic of Bulgaria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8198-4555>

E-mail: zarka@dcl.bas.bg

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-88-113

З.М. Халилова

Институт языкознания Российской Академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Сериальные глагольные конструкции в бежтинском языке

Бежтинский язык (нахско-дагестанская семья) относится к языкам с ограниченной сериализацией. В статье рассматриваются бежтинские сериальные конструкции в сравнении с другими сложными глагольными конструкциями, такими как сложные заимствованные глаголы и конвербные конструкции. Сериальная конструкция состоит из комбинации двух глаголов, которые образуют единый предикат, описывают единую ситуацию, следуют принципу неразрывности и часто выражают определенные грамматализованные значения. Бежтинские сериальные глаголы асимметричны, т.е. сериализатор представлен из ограниченного семантического списка глаголов.

Ключевые слова: бежтинский язык, цезские языки, сериализация, компле-тив, каузатив, инхоатив, сложные глаголы, перфективный конверб

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00528.

Автор выражает свою благодарность анонимным рецензентам журнала за подробные замечания и ценные советы. Все ошибки и недостатки принадлежат автору.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Халилова З.М. Сериальные глагольные конструкции в бежтинском языке // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 88–113.
DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-88-113

Z.M. Khalilova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Serial verb constructions in Bezhta

Bezhta (a language from the Tsezic branch of the Nakh-Daghestian family) is a language with limited serialization. We analyze Bezhta serial verbs together with other constructions like borrowed compound verbs and converbal constructions. Bezhta serial verbs are presented as a sequence of two verbs, one of which is used as a bare stem whereas the second one bears all the derivational marking; serial verbs describe a single event, and the components cannot be separately put under question or negated. Bezhta serial verbs are asymmetrical: both, the lexical verb and the serializing verb come from the closed class of verbs.

Key words: Bezhta, Tsezic languages, serialization, completive, causative, inchoative, complex verbs, perfective converb.

Acknowledgments. The work is supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00528.

The author thanks the journal's anonymous reviewers for detailed comments and valuable advices. All errors and shortcomings are the author's.

FOR CITATION: Khalilova Z.M. Serial verb constructions in Bezhta. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 88–113. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-88-113

1. Введение

В типологии имеются разные подходы к классификации сериальных конструкций. В настоящее время не существует общепринятого определения сериальной конструкции. Наиболее популярными являются отличные друг от друга определения [Durie, 1997; Aikhenvald, 2006; Haspelmath, 2016]. Согласно более узкому определению, сериальная конструкция – это моноклаузальная конструкция, состоящая из двух или более глаголов, которые могут функционировать как независимые предикаты [Haspelmath, 2016]. Она не имеет связующего синтаксического элемента, а значения составляющих частей определяют значение всей сериальной конструкции. Между составляющими частями конструкции отсутствуют предикатно-аргументные отношения (т.е. ни один из глаголов не является аргументом другого). В соответствии с критериями выделения сериальной конструкции, представленными М. Хаспельматом [Там же], исключаются такие конструкции, как синонимичные и идиоматические конструкции, входящие в класс сериальных в соответствии с [Durie, 1997; Aikhenvald, 2006], а также каузативные сериальные конструкции [Durie, 1997] и сериальные конструкции с синтаксическими актантами [Aikhenvald, 2006].

До настоящего времени в кавказской лингвистике понятие «сериализация» не получило должного освещения, и подобные конструкции рассматривались как разновидность сложных предикатов. Впервые сериализация в нахско-дагестанских языках была описана на материале багвалинского языка [Кибрик и др., 2001, с. 120]. Рассматриваются две схожие конструкции: лексикализованные деепричастные обороты и сериализованные предикаты. Обе конструкции состоят из двух глаголов, которые описывают единую ситуацию. Единственное различие – лексикализованные деепричастные обороты состоят из претериального деепричастия и главного (финитного) глагола, тогда как сериализованная конструкция содержит два предиката, первый из которых выражен формой, морфологически идентичной претериту.

Сериальные конструкции в бежтинском языке можно продемонстрировать на следующем примере. В предложении (1) предикативный комплекс представлен в виде чистой основы лексического глагола и глагольной вершины в соответствующей видо-временной форме. В придаточной клаузе, которую возглавляет данный предикативный комплекс, имеется единственный субъект и описывается единое событие, которое в бежтинском языке передается двумя глаголами, тогда как в русском языке это один глагол. Подобные конструкции в статье рассматриваются как сериальные конструкции.

- (1) q'ac'c'o saala q'ac'o<ba>k-<b>иво-І, hollo
 все вокруг собираться<PL>-<HPL>умирать-ANTR¹ они.ERG
 j-ox-ca hino q'ilmaliḏaa
 IV-брать-PRS дорога(IV) юг.INTER.DIR
 'Когда все наконец собрались, они пошли в сторону юга.'

В отношении формального устройства глагольной словоформы бежтинские глаголы можно разделить на простые и сложные. Простые глаголы состоят из одного смыслового предиката (например, *niḥ* – 'давать', *gow* – 'прийти'). Сложные глаголы состоят из двух компонентов: первый компонент может быть выражен существительным, прилагательным или заимствованным глаголом (чаще всего в форме масдара при заимствовании из аварского языка или в форме инфинитива при заимствовании из русского языка), а второй – вспомогательными глаголами, такими как переходный *-oo-* 'делать' и непереходный *-aq-* 'становиться', например, *komak -oo-* 'помогать' (досл. 'помощь делать'), *č'arin -aq-* 'скупать' и *č'arin -oo-* 'докучать'. Сложные глаголы со вспомогательными глаголами 'делать' и 'становиться' широко распространены в дагестанских языках, например в языках лезгинской группы [Haspelmeth, 1995], в языках цезской группы [Исаков, Халилов, 2012] и др.

Предметом исследования данной работы являются сериальные глаголы в бежтинском языке, которые по своей структуре выступают как один из видов сложных глаголов, однако отличаются от сложных заимствованных глаголов наличием грамматических значений.

Прежде всего, данная работа позволит проиллюстрировать понятие «сериализация» на примере малого языка и показать релевантность понятия «сериализация» для нахско-дагестанских языков, для которых в целом сериальные конструкции несвойственны. Для каждой сериальной конструкции рассматриваются следующие параметры: степень грамматикализации, ограничение на сочетаемость, семантика, а также морфосинтаксические свойства.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. Во втором разделе выделяются типы сериальных конструкций, представленные в бежтинском языке. Морфосинтаксические свойства сериальных

¹ Список сокращений: I, II, III, IV – показатели именных классов; ABS – абсолютив; ADD – additive clitic; ANTR – антипассив; ANTR – anteriорный конверб; APUD – апуд-эссив; CAUS – каузатив; COND – условный конверб; PF.CVB – перфективный конверб; IN – ин-эссив; LAT – латив; NEG – отрицательная форма; OBL – косвенная основа; ERG – эргатив; HPL – разумное множественное; PRS – настоящее время; POSS – посс-эссив; POST – постериорный конверб; PST – прошедшее время; PTCP – причастие; QUES – вопросительная частица; QUOT – квотатив; SIM.CVB – конверб одновременности; SUP – супер-эссив.

конструкций обсуждаются в третьем разделе. Частичная грамматикализация обсуждается в четвертом разделе. В следующем разделе дается анализ типологических свойств бежтинских сериальных конструкций. В последнем разделе формулируются выводы.

2. Бежтинские сериальные глагольные конструкции

Среди наиболее продуктивных сериальных конструкций в бежтинском языке отмечены сериальная конструкция с непереходным сериализатором *-иво-* ‘умирать’ и с переходным сериализатором *gul-* ‘класть’. Менее продуктивными являются сериальные конструкции с непереходным сериализатором *-eⁿʎ'e-* ‘идти’ и переходным сериализатором *-eⁿj-* ‘посылать, позволять’. Перечисленные конструкции являются грамматикализованными, т.е. сериализатор используется как грамматический маркер, который вносит вклад в вычисление грамматического значения предиката. В бежтинском языке также имеются лексикализованные сериальные конструкции.

2.1. Сериальная конструкция с *-иво-* ‘умирать’

Лексическая часть в сериальной конструкции с *-иво-* ‘умирать’ может быть представлена основой непереходного, переходного и аффективного глаголов, а также антипассивной формой непереходного, неэргативного² и переходного глаголов. Следует отметить, что в данной сериальной конструкции лексический глагол не может быть выражен неэргативным глаголом.

В конструкции с *-иво-* ‘умирать’ оформление аргументов зависит от модели управления зависимого непереходного и аффективного глаголов. При непереходном глаголе сериальная конструкция с *-иво-* ‘умирать’ является непереходной.

(2) *-iq'läše<->иво-* ‘закончить говорить’ [ABS] ← *-iq'läš-* ‘говорить’ [ABS]

a. kid	telefonli?	teli	j-iq'läše-jo
девочка(II)	телефон.SUP	много	II-говорить-PST

‘Девочка много говорила по телефону.’

² Неэргативные глаголы в бежтинском языке представляют собой небольшую группу одноместных глаголов с падежной рамкой [ERG]. Такими глаголами являются звукоподражательные и звукоименные глаголы, например, *hahʎo-* ‘зевать’, *lalaʎo-* ‘кричать’, *väʎʎo-* ‘каркать’, *baʎʎo-* ‘целовать’, *morʎo-* ‘ругать’, *baʎʎo-* ‘блеять’, *χurʎo-* ‘высмаркиваться’, *woʎo-* ‘плакать навзрыд’, *hikʎo-* ‘икать’ и другие.

(2) b. kid telefonli? j-iq'läſhe<j>иwo-jo
 девочка(II) телефон.SUP II-говорить<II>умирать-PST
 'Девочка поговорила по телефону.'

(3) -ohda<->иwo- 'закончить работать' [ABS] ← -ohdaa- 'работать' [ABS]

a. kid biſo-va j-ohda-jo
 девочка(II) дом-APUD II-работать-PST
 'Девочка работала дома.'

b. kid biſo-va j-ohda<j>иwo-jo
 девочка(II) дом-APUD II-работать<II>умирать-PST
 'Девочка поработала дома.'

При аффективном глаголе сериальная конструкция с *-иwo-* 'умирать' не меняет аргументную структуру исходного глагола и в целом остается аффективной.

(4) a. kibbal xabar tuq-ijo
 девочка.LAT новость слышать-PST
 'Девочка услышала новость.'

b. kibbal xabar tuq<b>иwo-jo
 девочка.LAT новость(III) слышать<III>умирать-PST
 'Девочка уже услышала новость.' (которую не должна была услышать)

При переходном лексическом глаголе в сериальной конструкции с *-иwo-* 'умирать' агенс маркируется локативным падежом, посс-эссивом, а пациенс остается в абсолютиве. Таким образом, сериальная конструкция с глаголом *-иwo-* 'умирать' от переходных глаголов образует конструкцию с неканоническим субъектом в посс-эссиве. В данном случае конструкция выражает предельность действия, а также периферийное модальное значение потенциалиса 'мочь, уметь'³.

(5) j-üⁿq<->иwo- 'закончить кушать' [POSS, ABS] ←
 ← -üⁿq- 'кушать' [ERG, ABS]

a. kibba bäbä m-üq-ijo
 девочка.OBL.ERG хлеб(III) III-кушать-PST
 'Девочка поела хлеб.'

³ В бежтинском языке имеются немаркированная и маркированная (с показателем в глаголе) потенциальные конструкции с агенсом в форме посс-эссива. Немаркированная конструкция маргинальна и возможна только с несколькими глаголами, включая *-иwo-* 'умирать'. Помимо немаркированной конструкции потенциалиса, как в примере (4b), сериальная конструкция с *-иwo-* 'умирать' допускает также использование показателя потенциалиса. Связь немаркированных и маркированных потенциальных конструкций с сериальными конструкциями требует дополнительного изучения.

- (5) b. kibba-qa   bābā   m-ūq<b>уво-jo
 девочка.OBL-POSS   хлеб(III)   III-кушать<III>умирать-PST
 ‘Девочка съела хлеб.’ / ‘Девочка смогла съесть хлеб.’

В сериальной конструкции с *-уво-* ‘умирать’ лексическая часть может быть также выражена антипассивной формой глагола. В данном случае кодирование и количество аргументов в конструкции не меняется.

- (6) *hahda*<->*уво-* ‘закончить зевать’ [ABS] ← *hahda-* ‘зевать’ [ABS]

- a. öždi   hahλo-jo
 мальчик.ERG   зевать-PST
 ‘Мальчик зевнул.’
- b. öžö   hah-da-jo
 мальчик   зевать-ANTI-PST
 ‘Мальчик раззевался.’
- c. öžö   hah-da<∅>уво-jo
 мальчик(I)   зевать-ANTI<I>умирать-PST
 ‘Мальчик закончил зевать.’
- d. *öždi   hahλo<∅>уво-jo
 мальчик.ERG   зевать<I>умирать-PST
 ‘Мальчик закончил зевать.’

- (7) *vāʔdā*<->*уво-* ‘перестать каркать’ [ABS] ← *vāʔdā-* ‘каркать’ [ABS]

- a. vāde   vāʔ-dā-š
 ворона(III)   каркать-ANTI-PRS
 ‘Ворона каркает.’
- b. vāde   vāʔ-dā<b>уво-jo
 ворона(III)   каркать-ANTI<III>умирать-PRS
 ‘Ворона закончила каркать.’

Что касается согласования, то в сериальной конструкции лексический глагол и сериализатор *-уво-* ‘умирать’ согласуются с аргументом в абсолютиве: в непереходной конструкции согласуются с субъектом, в переходной конструкции и в конструкции с неканоническим субъектом – с прямым дополнением.

Сериальная конструкция с *-уво-* ‘умирать’ образуется от Р-лабиально-го глагола *hele-* ‘варить’, который может быть использован в непереходном значении [ABS] и в переходном значении [POSS, ABS]:

- (8) *hele*<->*уво-* ‘сварить’

- a. xo   hele-jo
 мясо(IV)   варить-PST
 ‘Мясо сварилось.’

(8) b. хо hele<j>иво-jo
 мясо(IV) варить<IV>умирать-PST
 'Мясо сварилось.'

c. kibba-qa хо hele<j>иво-jo
 девочка.OBL-POSS мясо(IV) варить<IV>умирать-PST
 'Девочка закончила варить мясо.'

Важно подчеркнуть, что в других употреблении глагол *-иво-* 'умирать' может быть использован как лексический предикат. В предложении (8) *nukona bivеś'e* 'проголодавшись, (не) умереть' – пример конverbной конструкции, в которой каждый из глаголов имеет собственное лексическое значение.

(9) žu **nuko-na** **b-ив-еś'e**
 REFL быть.ГОЛОДНЫМ-PF.CVB III-умирать-NEG.CVB
 hiⁿχat-ka, kalbac'-li hoⁿs qerqi
 оставаться-SIM.CVB лев(III)-ERG один хитрость(III)
 urkizi<b>oh-na gej
 придумывать<III>-PF.CVB COP
 'Чтобы не умереть с голоду, лев придумал одну хитрость.'
 (досл. 'чтобы не умереть проголодавшись')
 [Халилов, 2020, с. 341]

Далее рассмотрим семантику конструкций с *-иво-* 'умирать' и акциональные классы. Акциональность и акциональные классы бежтинского языка не исследованы; тем не менее, в нем можно выделить основные акциональные классы, которые присутствуют почти в каждом языке: предельные, процессуальные, моментальные, мультипликативные и инцептивно-стативные глаголы. Сам по себе сериализатор *-иво-* имеет два близких значения 'умирать' и 'ломаться', однако значение прекращения бытия является центральным, и, безусловно, этот глагол относится к классу сильных предельных глаголов. Сериальная конструкция с непереходным глаголом *-иво-* 'умирать' сочетается со многими глаголами из разных акциональных классов, а именно с предельными, процессуальными, ингрессивно-процессуальными и моментальными глаголами.

Сериализатор *-иво-* 'умирать' выражает комплетив, т.е. 'законченность действия', 'достижение предела развития'. Значения комплетива можно подтвердить какой-либо диагностикой предельности, например, тестом на сочетаемость с обстоятельствами длительности и частоты, такими как 'долго', 'в течение часа', 'часами', и с обстоятельствами срока, такими как 'за два часа', 'за один день'. Как видно из примеров ниже, многие глаголы могут иметь предельную и непредельную

интерпретации, ср. (9a), (9b). Однако сериальная конструкция с *-иво-* ‘умирать’ совместима только с предельными обстоятельствами: (9c), (10b), (11b), (12b); примеры с наречиями длительности являются недопустимыми: (9d), (10c), (11c), (12c).

(10) *hele-* ‘варить’

a.	хо	қоп	saʔat-ba-ʔ	hele-jo
	мясо(IV)	два.OBL	час-PL-IN	варить-PST
	‘Мясо варилось два часа.’			
b.	хо	қоп	saʔat-ba-ʔ-il	hele-jo
	мясо(IV)	два.OBL	час-PL-IN-LAT	варить-PST
	‘Мясо сварилось за два часа.’			
c.	хо	қоп	saʔat-ba-ʔ-il	hele<j>иво-jo
	мясо(IV)	два.OBL	час-PL-IN-LAT	варить<IV>умирать-PST
	‘Мясо сварилось за два часа.’			
d.	*ʔхо	қоп	saʔat-ba-ʔ	hele<j>иво-jo
	мясо(IV)	два.OBL	час-PL-IN	варить<IV>умирать-PST
	‘*Мясо сварилось два часа.’			

(11) *niʔ-* ‘давать’

a.	öždi	kibbal	okko	ʔan
	мальчик.ERG	девочка.LAT	деньги(IV)	три.OBL
	woddiʔ	niʔ-i-jo		
	каждый.день	давать-PST		
	‘Мальчик отдал девочке деньги в течение трех дней.’			
b.	öždi-qa	kibbal	okko	ʔan
	девочка.OBL-POSS	мальчик.LAT	деньги(IV)	три.OBL
	wodiʔil	niʔ<j>иво-jo		
	давать<IV>умирать-PST	день.IN.LAT		
	‘Мальчик отдал деньги девочке за три дня.’			
c.	*ʔöždi-qa	kibbal	okko	woddiʔ
	девочка.OBL-POSS	мальчик.LAT	деньги(IV)	каждый.день
	niʔ<j>иво-jo			
	давать<IV>умирать-PST			
	‘*Мальчик дал деньги девочке каждый день.’			

(12) *k'isa-* ‘играть’

a.	kid	woddiʔ	iʔalawa	k'isa-jo
	девочка	каждый.день	долго	играть-PST
	‘Каждый день девочка долго играла.’			

- (12) b. kid qon saʔat-ba-ʔ-il k'isa<j>uvo-jo
 девочка(п) два.OBL час-PL-IN-LAT играть<IV>умирать-PST
 'Девочка поиграла за два часа.'
- c. */^ʔkid woddiʔ iʃalaʋa k'isa<j>uvo-jo
 девочка(п) каждый.день долго играть<IV>умирать-PST
 '*Девочка поиграла каждый день долго.'
- (13) -eⁿʃ'e- 'идти'
- a. kid bicowaad iškolaʔ j-eⁿʃ'e-ʔeš
 девочка(п) месяцами школа.IN ii-идти-NEG.PST
 'Девочка не ходила в школу месяцами.'
- b. kid ĩn minut-ba-ʔ-il iškolaʔ
 девочка(п) пять.OBL минута-PL-IN-LAT школа.IN
 j-eⁿʃ'e<j>uvo-jo
 п-идти<п>умирать-PST
 'Девочка ушла в школу за пять минут.' (т.е. собралась за пять минут и ушла)
- c. */^ʔkid bicowaad iškolaʔ j-eⁿʃ'e<j>uvo-ʔeš
 девочка(п) месяцами школа.IN п-идти<п>умирать-NEG.PST
 '*Девочка не ушла в школу месяцами.'

2.2. Серийная конструкция с *gol*- 'класть' и *tok*'- 'заставлять'

Серийная конструкция с сериализаторами *gol*- (с классно-числовыми вариантами *gil*-, *gul*-, *gu*<*wa*>*l*-) 'класть' и *tok*'- (с классно-числовыми вариантами *tik*'-, *tuk*'-, *tu*<*wa*>*k*'-) 'заставлять' имеет каузативное значение, т.е. функция данных серийных конструкций заключается в повышении актантной структуры глагола. Первый глагол в такой серийной конструкции является лексическим, а второй глагол выражает каузативное значение. Как и остальные вспомогательные глаголы в серийных конструкциях и других сложных предикатах, вспомогательные глаголы *gol*- и *tok*'- могут быть использованы как самостоятельные предикаты.

Серийная конструкция с *gol*- и *tok*'- также демонстрирует ограничение на сочетаемость и является менее продуктивной, чем морфологической каузатив. Лексическая часть в серийной конструкции с *gol*- 'класть' может быть выражена ограниченной группой глаголов, таких как *-ija-gol*- 'заставить плакать', *nuko-gol*- 'заставить голодать', *k'isa-gol*- 'заставить играть', *ʃijaxo-gol*- 'заставить бежать', *hič'e-gol*- 'пугать, заставить бояться', *ʃowa-gol*- 'рассмешить, заставить смеяться', а также

может быть выражена антипассивными формами от всех непереходных, переходных и неэргативных глаголов. Из этого следует, что сериализатор *gol-* ‘класть’ может присоединяться к антипассивным дериватам, которые являются непереходными производными глаголами (примеры приведены в табл. 1)⁴.

Таблица 1

Сериальная конструкция с *gol-* с антипассивными дериватами
[Serial constructions with ‘*gol*’ from antipassive derivatives]

	Антипассив [Antipassive]	Каузатив [Causative]
<i>-ogic-</i> ‘прыгать (непер.)’ [‘to jump (intransitive)’]	<i>-ogi<ja>c-</i>	<i>-ogi<ja>c-gol-</i>
<i>öhļ-</i> ‘кашлять (неэрг.)’ [‘to cough (unergative)’]	<i>-öh-dä-</i>	<i>-öhdä-gol-</i>
<i>-üñq-</i> ‘кушать (перех.)’ [‘to eat (transitive)’]	<i>-üñq-dä-</i>	<i>-üñq-dä-gol-</i>
<i>niļ-</i> ‘давать (дитран.)’ [‘to gve (ditransitive)’]	<i>niļ-da</i>	<i>niļ-da-gol-</i>

(14) a. *kid*   *j-ija-s*
 девочка(II)   II-плакать-PRS
 ‘Девочка плачет.’

b. *öždi*   *kid*   *j-ija-gil-ca*
 мальчик.ERG   девочка(II)   II-плакать-класть(II)-PRS
 ‘Мальчик обижает девочку (досл. ‘заставляет плакать’).’

(15) *añʔuñ-coj*   *ʋotalliʔ=na*   *Ø-eñh-na*
 осел-CMPR   село.IN=ADD   I-посылать-PF.CVB
Ø-ohda-gol-ca

I-работать-класть(I)-PRS

zuq'o-jo   *ļan*   *öñq'õn*   *bicoʔ*
 быть-PST   три.OVL   четыре.OVL   месяц.IN

‘Отправив в кутан, как осла, (меня) заставили работать в течение трех-четырёх месяцев.’

⁴ Важно отметить, что антипассив в бежтинском относится к деривации, понижающей переходность. Антипассив возможен с непереходными, переходными и неэргативными (звукотдражательными) глаголами, т.е. в целом образует непереходную конструкцию. Антипассивная деривация имеет ограничения с аффективными глаголами: антипассив возможен с двумя каузативными дериватами от аффективных глаголов ‘любить’ и ‘получать’ [Comrie et al., 2021, p. 526].

Сериальная конструкция с *tok'*- 'заставлять' является непродуктивной. Лексическая часть в этой конструкции может быть выражена только несколькими глаголами, которые представлены ниже. Отметим, что данные глаголы также образуют сериальную конструкцию с *gol'*- 'класть':

hic'- 'бояться' – *hič'e-tok'/hič'e-gol-* 'пугать'
low- 'смеяться' – *lowa-tok'/lowa-gol-* 'рассмешить'

- (16) *abo*   *öžö*   *hisλ'a*   *beqqa*
 отец.ERG   сын(1)   утром   с.тех.пор
 Ø-*ohda-tok'-ijo*
 1-работать-заставить(1)-pst
 'Отец заставил сына работать с утра до вечера.'

Сериальная конструкция с *tok'*- образуется также от некоторых форм антипассива: *isił-da-tok'* 'заставить сеять', *-aⁿcol-da-tok'*- 'заставить чистить', *-oh-da-tok'*- 'заставить работать'.

2.3. Сериальная конструкция с *-eⁿλ'e-* 'идти' и *-eⁿj-* 'посылать, позволять'

Эквиполентные инхоативно-каузативные глагольные пары образуют от общей глагольной основы инхоативные и каузативные сериальные глаголы. Инхоативные сериальные глаголы образуются с помощью непереходного глагола *-eⁿλ'e-* 'идти' и, соответственно, являются непереходной конструкцией. Каузативные сериальные глаголы образуются с помощью переходного глагола *-eⁿj-* 'посылать' и образуют переходную конструкцию⁵. Такие сериальные конструкции представлены несколькими глаголами: *-iⁿte<->eⁿλ'-* 'распространяться' [ABS] и *-iⁿte<->eⁿj-* 'распространять' [ERG, ABS]; *t'uco<->eⁿλ'-* 'выжиматься' [ABS] и *t'uco<->eⁿj-* 'выжимать' [ERG, ABS]; *-uⁿco<->eⁿλ'-* 'раствориться' [ABS] и *-uⁿco<->eⁿj-* 'растворить' [ERG, ABS].

- (17) a. *kibba*   *łic'o*   *t'uco-s*
 девочка.ERG   одежда   выжимать-PRS
 'Девочка выжимает одежду.'

⁵ В бежтинском языке также есть определенная группа звукоподражательных глаголов, которые формально схожи с сериальными конструкциями с вершиной на *-eⁿλ'e-* 'идти' и *-eⁿj-* 'посылать, позволять'. Но смысловая часть в таких звукоподражательных глаголах не используется как независимый глагол и является звукоподражательным элементом. Это такие глаголы, как *qeqe<->eⁿλ'-* 'раздвигаться' [ABS] и *qeqe<->eⁿj-* 'раздвигать' [ERG, ABS], *šeše<->eⁿλ'-* 'загустеть' [ABS] и *šeše <->eⁿj-* 'сделать густым' [ERG, ABS], *dac<->eⁿλ'-* 'падать' [ABS] и *dac<->eⁿj-* 'уложить' [ERG, ABS] и т.п.

- (17) b. $\text{ħic}'\text{o}$ $\text{t}'\text{uco}<\text{j}>\text{e}^{\text{n}}\lambda'\text{e}-\text{jo}$
 одежда(IV)   выжимать<IV>идти-PST
 ‘Одежда выжалась.’
- c. kibba $\text{ħic}'\text{o}$ $\text{t}'\text{uco}<\text{j}>\text{e}^{\text{n}}\text{e}-\text{jo}$
 девочка.ERG   одежда(IV)   выжимать<IV>посылать-PST
 ‘Девочка выжала одежду.’
- (18) a. $\text{biqo}-\text{qa}$ $\text{o}^{\text{n}}\text{z}$ $\text{j}-\text{u}^{\text{n}}\text{co}-\text{jo}$
 солнце-POSS   снег(IV)   IV-таять-PST
 ‘Снег растаял от солнца.’
- b. $\text{peč}-\text{li}-\lambda'\text{a}$ $\text{gul}-\text{lo}$ $\text{je}^{\text{n}}\text{ł}$
 печь-OBL-SUP   положить-ANTR   масло(IV)
 $\text{j}-\text{u}^{\text{n}}\text{co}<\text{j}>\text{e}^{\text{n}}\lambda'\text{e}-\text{jo}$
 IV-таять<IV>идти-PST
 ‘После того как (его) положили на огонь, масло растаяло.’
- c. kibba $\text{je}^{\text{n}}\text{ł}$ $\text{j}-\text{u}^{\text{n}}\text{co}<\text{j}>\text{e}^{\text{n}}\text{e}-\text{jo}$
 девочка.ERG   масло(IV)   IV-таять<IV>идти-PST
 ‘Девочка растопила масло.’

2.4. Серийная конструкция с *-iq'e-* ‘знать’

Лексический компонент в серийной конструкции с ментальным глаголом *-iq'e-* ‘знать’ может быть представлен только двумя непереходными экспериенциальными глаголами *ħič'e-* ‘бояться’ и *nuko-* ‘быть голодным’ (в отличие от аффективных глаголов чувственного восприятия с моделью управления <LAT (экспериенцер) ABS (стимул)>, типа *видеть*, *слышать*, данные глаголы являются непереходными моновалентными глаголами с моделью управления <ABS (экспериенцер)>). Серийная конструкция с *-iq'e-* ‘знать’ выражает (внезапную) осознанность состояния. Стоит отметить, что в серийной конструкции с *-iq'e-* ‘знать’ частично сохраняется собственно лексическое значение сериализатора. С глаголами ‘быть голодным’ и ‘бояться’ данная серийная конструкция передает осознание физиологического чувства голода и чувства страха (например, дрожь от страха, урчание в животе).

В конструкции с *-iq'e-* ‘знать’ оформление аргументов зависит от управления лексического глагола, которым всегда является непереходный глагол. В целом данная конструкция включает и прилагательные, например *-uq'o* ‘большой’, *it'ino* ‘маленький’, *miskin* ‘бедный’, а также имеется единичный случай сочетания чистой основы прилагательного, которое используется при образовании инхоативно-каузативной пары глаголов *äč'-ł-* ‘мерзнуть’ и *äč'-k-* ‘заморозить’ от *-äč'č'ö*

‘холодный’), *äč’-iq’e-* ‘почувствовать холод, продрогнуть’ (конструкции с неглагольными лексическими компонентами также являются переходными моновалентными глаголами с моделью управления <ABS (экспериенцер)>). В бежтинском языке значение сериальной конструкции с ‘знать’ лексикализовано, тогда как, например, в тюркских языках сериальные конструкции с ‘знать’ выражают модальное значение [Гращенков, 2014].

(19) *hič’e<b>i<j>q’e-na*   *hollool*   *b-ö<wä>čö-š*
 бояться<HPL>знать<PL>-PF.CVB   они   HPL-уходить<HPL>-PRS
 ‘Почувствовав страх, они уходят.’

(20) *siddaalaλ’aa*   *hič’e-na*   *Ø-iq’e-š*   *šajt’al-laa-š*
 с.одной.стороны   бояться-PF.CVB   I-знать-PRS   шайтан-PL-GEN1
zov-ala?   *hudi*   *ʎoʎh-λona*
 находить-SIM.CVB   этот   след-QUOT
 ‘С одной стороны, чувствую страх, что эти следы могут быть (следы) шайтана.’

(21) *kid*   *nuko<j>iq’e-jo*
 девочка(II)   быть.голодным<II>знать-PST
 ‘Девочка почувствовала голод.’

Следует отличать сериальную конструкцию с *-iq’e-* ‘знать’ от актантной конструкции с матричным предикатом *-iq’e-* ‘знать’. Сентенциальные актанты, вводимые матричным предикатом ‘знать’, могут быть оформлены разными стратегиями: инфинитивом, масдаром или причастием. Модель управления всей конструкции определяется матричным аффективным предикатом *-iq’e-* ‘знать’.

(22) *zizi.q’iq’iλo-na*   *do=na*   *gej*   *sijo*
 дрожать-PF.CVB   1SG.ABS=ADD   COP   что
j-ow-al=na   ***j-iq’e-č’e***
 IV-делать-INF=ADD   IV-знать-NEG
 ‘Я дрожал и не знал, что делать.’

2.5. Лексикализованные сериальные конструкции

Лексикализованные (или неграмматикализованные) сериальные конструкции могут сочетать глаголы и разные, и близкие по значению. В таких конструкциях вклад сериализации состоит не в модификации грамматического значения, а в образовании предикатов с новым лексическим значением. Такие глагольные конструкции состоят из двух глаголов, в которой каждый из глаголов может быть использован как

независимый предикат. Глаголы в такой конструкции часто сочетаются с глаголами с той же валентной рамкой, т.е. непереходные глаголы сочетаются с непереходными глаголами (примеры (22), (23)), а переходные – с переходными (24). В зависимости от составляющих конструкцию глаголов такая сериальная конструкция может быть переходной или непереходной. Однако встречаются и конструкции, в которых сочетаются глаголы с разной валентностью. В таких случаях конечная валентность сериальной конструкции, а иногда и ее семантика, непредсказуема (25). Примеры типа (25) можно отнести к идиоматическим сериальным конструкциям, которые более типичны для языков Африки [Шлуинский, 2012, 2014, 2018]. Например, значение ‘варить (перех.)’ в сериальном глаголе *xülö-λ'ol'*- невозможно определить по значениям составляющих *xülö-* ‘морщиться (непер.)’ и *λ'ol'*- ‘взрываться (непер.)’. Среди дагестанских языков неграмматикализованные сериальные глаголы также описаны для гунзибского [Исаков, Халилов, 2012, с. 255].

- (23) *wahlaa holo m-eλ'e-guw-al ruhun<b>aq-ca*
 так этот III-идти-приходить(III)-INF учится<III>-стать-PRS
zuq'o-na gej
 быть-PF.CVB COP
 ‘Так этот (медведь) учится ходить.’ [Халилов, 2020, с. 708]

- (24) Сериальный глагол и составляющие глаголы непереходные
-e'λ'e-gow- ‘гулять, ходить’ (*-e'λ'e-* ‘идти’ и *gow-* ‘приходить’)
-ut'-<>aviʔ- ‘отдыхать’ (*-ut'* – ‘лежать’ и *-aviʔ-* ‘вставать’)

- (25) Сериальный глагол и составляющие глаголы переходные
-owo-tux- ‘кормить’ (*-owo-* ‘кормить’ и *tux-* ‘пить’)
-i'ʂo-xüžö- ‘торговать’ (*-i'ʂo-* ‘продавать’ и *xüžö-* ‘менять’)
q'uq'o-<>i'λ'e- ‘топтать’ (*q'uq'o-* ‘давить’ и *-i'λ'e-* ‘бросать’)
keše-jö'šö- ‘разматывать’ (*keše-* ‘разбирать’ и *-ö'šö-* ‘распутывать’)

- (26) Сериальный глагол и составляющие глаголы с разной валентностью
xülö-λ'ol' – ‘варить (пер.)’ (*xülö-* ‘морщиться (непер.)’ и *λ'ol'* – ‘лопаться (непер.)’)
-iše-j-uk'ilda- – ‘обижаться (непер.)’ (*-iše-* ‘ломаться (непер.)’ и *-uk'ilda-* – ‘отрываться (неэрг.)’)
xiλo-iše- ‘веселиться (непер.)’ (*xiλo-* ‘пить (пер.)’ и *iše-* ‘звать (пер.)’)
-eš-xiλo- ‘кушать, пировать (непер.)’ (*-eš-* ‘кушать (непер.)’ и *xiλo-* ‘пить (пер.)’)

2.6. Другие конструкции, состоящие из нескольких глагольных компонентов

Помимо сериальных конструкций, в бектинском представлены сложные составные предикаты – это заимствованные глаголы в сочетании с вспомогательными. Сложные заимствованные глаголы состоят из лексической и вспомогательной частей. Лексический компонент в сложном глаголе является заимствованным из аварского или русского языков. Вспомогательный глагол представлен непереходным глаголом *-aq-* ‘случаться’ или переходным глаголом *-oo-* ‘делать’. При вспомогательном глаголе *-aq-* ‘случаться’ конструкция может быть непереходной или аффективной, а при вспомогательном глаголе *-oo-* ‘делать’ конструкция переходная. Лексическая часть составного глагола всегда неизменна и представлена инфинитивом из аварского (скорее всего, из анцухского диалекта аварского языка) или русского языков⁶. Вспомогательный глагол сложного глагола имеет позицию для классно-числовых префиксальных показателей, а также присоединяет деривационные и видо-временные аффиксы.

- (27) *bavarzi -oo-* ‘двигать’ / *bavarzi -aq-* ‘двигаться’
bak'arzi -oo- ‘собирать’ / *bak'arzi -aq-* ‘собираться’
borč'izi -oo- ‘заставить прыгать’ / *borč'izi -aq-* ‘прыгать’
č'untizi -oo- ‘разрушать’ / *č'untizi -aq-* ‘разрушаться’
ezi -oo- ‘воспитать’ / *ezi -aq-* ‘стать взрослым’
gurhizi -oo- ‘жалеть’ / *gurhizi -aq-* ‘сожалеть’
pastupat -oo- ‘определить’ / *pastupat -aq-* ‘определиться’
mučit -oo- ‘мучить’ / *mučit -aq-* ‘мучиться’

- (28)

<i>ile</i>	<i>hollo</i>	<i>bik'zi<b>oo-s</i>	<i>diisdaas</i>
мы.ERG	они	уважать<HPL>-делать-PRS	много
<i>ilo-s</i>	<i>soh</i>	<i>gäŋo</i>	
мы.OBL-GEN1	единство	быть.ANTR	

‘Здесь нас признают, потому что у нас есть сплоченность.’

Другая конструкция, требующая упоминания, – это деепричастная или конвербная конструкция, которая состоит из двух или более компонентов. Такая конструкция состоит из перфективного лексического конверба и непереходной вершины *-ečē-* ‘оставаться, стоять’. Данная конструкция выражает длительность действия в прошлом или

⁶ Лексический компонент в сложных глаголах может быть выражен не только заимствованным глаголом, но и существительным и прилагательным, например, *-uq'o -oo-* ‘увеличить’ (дословно ‘большим сделать’) и *-uq'o -aq-* ‘вырасти’ (дословно ‘большим стать’).

настоящем⁷. Компоненты конструкции описывают одну ситуацию, но при этом порядок следования компонентов нестрогий.

- (30) hollool   geј   guwa-ba-c'o-na   b-eće-na
они   COP   смотреть-PL-PF.CVB   HPL-оставаться-PF.CVB
piјole   do   q'imat   niļ-al-ļo=na
какой   я   оценка   давать-INF-QUOT=ADD
'Они смотрели на меня (и ждали), как я оценю вкус (сыра).'

- (31) agaаļ'aa   Teniqa   m-oq'o-c'al   q'ac'c'o
оттуда   на.хуторе.Теника   HPL-приходить-POST   вместе
xalq   wanaļ   zuq'o-jo   pařuk'ijal-lil-co
люди   лес.INTER   быть-PST   большевики-FROM
m-u<wa>co-na   b-ö<wä>čö-nā
HPL-прятаться<PL>-PF.CVB   HPL-уходить<PL>-PF.CVB
b-eće-na
HPL-оставаться-PF.CVB
'Начиная от хутора Теника, все люди находились в лесу, спрятавшись от большевиков.'

- (32) sora-ļo   niso-da   habo-ļ'a   hinis.hinil
лиса(III)-QUOT   сказать-COND   мельница-SUP   REFL.LAT
b-ut'-na   b-eće-na   zuq'o-na
III-лежать-PF.CVB   III-оставаться-PF.CVB   быть-PF.CVB
'Что касается лисы, то, оказывается, она лежала на мельнице сама по себе'.

3. Морфосинтаксические свойства сериальных конструкций и других сложных глагольных конструкций

В этом разделе более подробно будут представлены морфосинтаксические свойства сериализации с *-иво*- 'умирать', которая является самой продуктивной из всех представленных конструкций.

Бежтинские сериальные конструкции и сложные заимствованные глаголы имеют некоторые общие морфосинтаксические свойства, отличающие их от аналитических видо-временных форм и полипредикативных конструкций. Во-первых, оформление лексического и сериального глагола классно-числовыми согласовательными показателями совпадает, при этом классно-числовое согласование ориентировано на абсолютный аргумент (см. примеры выше). Во-вторых, показатель отрицания

⁷ Важно отметить, что подобные конструкции с сериализатором со значением 'стоять' распространены в тюркских языках [Гращенко, 2014, с. 62]. Бежтинская конструкция с *-eće*- 'оставаться, стоять' требует дальнейшего исследования.

в бегтинских сериальных конструкциях и сложных заимствованных глаголах может располагаться только на вспомогательном глаголе, ср. (31a–b), (32a–b). Заметим, что такое ограничение на сочетаемость показателей отрицания в бегтинском языке имеет место только в монопредикативных конструкциях с однословными глагольными формами. Таким образом, тест на отрицание в сериальных глаголах в бегтинском определяет монопредикативный статус данной конструкции⁸.

- (33) a. aboqa   daru   xuɫo<b>uɯ-eʔeʃ
отец.POSS   лекарство(III)   пить<III>умирать-NEG.PST
'Отец не выпил лекарство.'
- b. *aboqa   daru   xuɫ-eʔeʃ<b>uɯo-jo
отец.POSS   лекарство(III)   пить-NEG<III>умирать-PST
'Отец не выпил лекарство.'
- (34) a. holco   biɫova   Ø-ohda-gol-eʃ'e,   huli
ОН.ERG   дом.AD   I-работать-класть(I)-NEG.CVB   ОН.ABS
micaɫ   Ø-ohda-al   Ø-e^{ne}e-ʃ   zuq'o-na
место.INTER   I-работать-INF   I-посылать-IMPF.CVB   быть-PST
'Ему не разрешали работать дома и посылали работать в поле.'
[Халилов, 2020, с. 268]
- b. *holco   biɫova   Ø-ohda-eʔeʃ-gol-na,   huli
ОН.ERG   дом.AD   I-работать-NEG-класть(I)-PF.CVB   ОН.ABS
micaɫ   Ø-ohda-al   Ø-e^{ne}e-ʃ   zuq'o-na
место.INTER   I-работать-INF   I-посылать-IMPF.CVB   быть-PST
'Ему не разрешали работать дома и посылали работать в поле.'
[Там же]

Сравнивая отрицание в аналитических видо-временных конструкциях, мы видим, что они разрешают маркирование отрицания на лексическом (33a), вспомогательном (33b) или на двух компонентах одновременно (33c). В последнем случае двойное отрицание имеет значение эмфатического утверждения. В таких перифрастических формах в качестве смыслового глагола может выступать и сериальная конструкция, как в примере (34). Таким образом, тест на синтетическое и аналитическое отрицание подтверждает монопредикативный статус данной сериальной конструкции.

⁸ Тест на отрицание является специфичным для каждого языка, и в некоторых языках данный тест не может служить критерием при выделении моноклаузуальной конструкции. Например, в ряде языков с сериальными конструкциями отрицание может располагаться не только на сериализаторе (например, в русском языке [Weiss, 2012] и в тюрских языках [Гращенков, 2014]).

- (35) a. kibba   кавај   џах-на   gāḷā
 девочка.ERG   письмо   писать-PF.CVB   NEG.COP
 ‘Девочка не написала письмо.’
- b. kibba   кавај   џах-еџ’е   zuq’o-jo
 девочка.ERG   письмо   писать-NEG.CVB   быть-PST
 ‘Девочка не написала письмо.’
- c. kibba   кавај   џах-еџ’е   zuq’-eḷeḷ
 девочка.ERG   письмо   писать-NEG.CVB   быть-NEG.PST
 ‘Девочка действительно написала письмо.’
- (36) it’ina   ist’il   Ø-iq’e<Ø>уво-на   gāḷā
 маленький.OBL   брат.LAT   I-знать<I>умирать-PF.CVB   NEG.COP
 hinis   Ø-uq’o-so   is
 SELF.GEN1   I-большой-ATTR   брат
 ‘Младший брат не узнал своего старшего брата.’
 [Халилов, 2020, с. 175]

Наиболее убедительным аргументом в пользу моноклаузальности является принцип неразрывности в сериальных конструкциях. Компоненты конструкции с *-uvo-* ‘умирать’ неразрывны, но допускают вставку только одной клитики *-на*, которая в данном случае, возможно, является показателем перфективного деепричастия. Таким образом, можно предположить, что с точки зрения диахронии есть связь данной современной конструкции и аналитической конструкции, которая состояла из перфективного деепричастия и вспомогательного глагола.

- (37) a. kibbal   хабар   tuq<b>uvo-jo
 девочка.LAT   рассказ(III)   слышать<III>умирать-PST
 ‘Девочка услышала новость.’
- b. kibbal   хабар   tuq-na<b>uvo-jo
 девочка.LAT   рассказ(III)   слышать-PF.CVB<III>умирать-PST
 ‘Девочка услышала новость.’

Данный факт дает возможность анализировать конструкцию с *-uvo-* ‘умирать’ как морфологически связанную комплементацию [Майсак, 2016], т.е. можно говорить о возможной инкорпорации зависимого предиката в матричный⁹. В сериальной конструкции с *-uvo-* ‘умирать’ допустим только показатель *-на*, который в данном случае является

⁹ В бектинском языке инкорпорация встречается в некоторых формах. Например, значение ‘бежать’ передается либо составным глаголом *č’an javal* (лексическая часть, выраженная существительным *č’an* ‘бег’, плюс вспомогательный переходный глагол *javal* ‘брат’ (дословно ‘бег брат’)), либо формой *č’anaval*, в которой произошла инкорпорация прямого дополнения и глагола (с утратой классно-числового префикса).

показателем перфективного конверба. Следует полагать, что сериальная конструкция представляет собой инкорпорированную конструкцию, которая образовалась из аналитической конструкции «конверб + главный предикат». Вставка другого материала между компонентами сериальной конструкции, кроме *-na*, невозможна, как в примерах (36b) и (36d). В случае использования компонентов конструкции в качестве независимых предикатов каждый из глаголов служит вершиной в своей клаузе и порядок следования глаголов свободный, как в примере (36e). Сложные заимствованные глаголы и конвербные конструкции разрешают вставку любых элементов между компонентами, а также не требуют строгого следования, как в примерах (37)–(39).

- (38) a. kid q'ajł'a j-eš<j>иво-jo
 девочка(II) рано II-кушать<II>умирать-PST
 'Девочка рано поела.'
- b. *kid j-eš q'ajł'a j-иво-jo
 девочка(II) II-кушать рано II-умирать-PST
 'Девочка рано закончила есть.'
- c. j-eš-na j-иво-na, kid j-öčö-š
 II-кушать-PF.CVB II-умирать-PF.CVB девочка(II) II-уходить-PRS
 'Поев, девочка ушла.'
- d. *j-eš-na q'ajł'a j-иво-na, kid
 II-кушать-PF.CVB рано II-умирать-PF.CVB девочка(II)
 j-öčö-š
 II-уходить-PRS
 'Поев рано, девочка ушла.'
- e. q'ajł'a=na b-eš-na, dije gedo
 рано=ADD III-кушать-PF.CVB 1SG.GEN1 кошка(III)
 b-иво-jo
 III-умирать-PST
 'Рано поев, моя кошка умерла.'
- (39) a. holloom urǵizi=na<b>aq-na hökmö
 они думать=ADD<HPL>стать-PF.CVB решение(III)
 b-oo-s
 III-делать-PRS
 'Подумав, они принимают решение.'
- b. holloom urǵizi=na teli b-aq-na hökmö
 они думать=ADD много HPL-стать-PF.CVB решение(III)
 b-oo-s
 III-делать-PRS
 'Подумав хорошенько, они принимают решение.'

(40) baddon=na q'owa gej-ʎo **b-eṣe-na**
 другие=ADD дети COP-QUOT HPL-оставаться-PF.CVB
 hok'-a=na j-o<wa>ʎ-in-na
 голос-PL=ADD NHPL-исчезать<PL>-CAUS-PF.CVB
 'И другие дети тоже, мол, притихли.'

(41) hogʎo boxa-qa holo siiⁿ b-ek-na-zu
 тот.OBL трава.OBL-POSS этот медведь(III) III-падать-PF.CVB-FOC
 b-eṣe-na hiⁿxʎo-s
 III-оставаться-PF.CVB оставаться-PRS
 'Наевшись травы, этот медведь упал (и оставался лежать в том месте)'

Следующий тест с вопросительной частицей также свидетельствует о неразрывности конструкции с *-иво-* 'умирать'. Позиция вопросительной частицы зависит от фокуса вопроса. Чаще всего вопросительная частица, присоединенная к матричному глаголу, выражает широкий предикатный фокус. В сериальной конструкции она присоединяется к сериализатору и не может следовать за основой лексического глагола (40b). Тест на позицию вопросительной частицы подтверждает, что компоненты глагольной конструкции неразрывны и не допускают использования дополнительного материала между компонентами, т.е. образуют единый предикат.

(42) a. mi j-eṣ<j>иво-jo-di
 ты II-кушать<II>умирать-PST-QUES
 'Ты поела?'

b. */²mi j-eṣ-di<j>иво-jo
 ты II-кушать-QUES-<II>умирать-PST
 'Ты поела?'

4. Частичная грамматикализация

Несмотря на морфологическую слитность конструкции, сериализация с *-иво-* 'умирать' представляет собой пример частичной грамматикализации сериальной конструкции. Частичная грамматикализация вершины подтверждается отсутствием сингармонизма в сложных предикатах и частичным сохранением модели управления лексического глагола. Явление сингармонизма в бежтинском языке является морфонологическим явлением, при котором гласные переднего ряда *ɔ*, *ɥ* и переднеязычные согласные *u*, *u'*, *h*, *l* не контактируют с гласными заднего ряда *a*, *o*, *i* и заднеязычными согласными *s*, *s'*, *z*, *s*. Однако сингармонизм не распространяется на некоторые аффиксы и частицы, как,

например, в случае аффикса отрицательного деепричастия *-eč'e* или фокусной частица *-zu*. Сингармонизм не работает после *i* и *j*. Важно отметить, что в сложных глаголах, включая сериальные конструкции, сингармонизм также не действует от полнозначного глагола к вспомогательному, как в примере (41b). Данный факт свидетельствует о том, что бежтинские сериальные конструкции не образуют фонологическое единство.

- (43) a. *m-üq-čä* / *m-üq-äl* / *m-üq-ijo*
 III-кушать-PRS III-кушать-INF III-кушать-PRST
 b. *m-üq<b>иво-jo*
 III-кушать<III>умирать-PRST

Частичная грамматикализация сериальной конструкции подтверждается и моделью управления. Так, в конструкции с *-иво-* 'умирать' с непереходным и аффективным лексическим глаголом сохраняется модель управления исходного лексического непереходного и аффективного глаголов. В сериализации с переходным глаголом конструкция не сохраняет модель управления ни лексического, ни вспомогательного глаголов: в этом случае «канонический» агенс не маркируется эргативом или абсолютивом, а маркируется одним из показателей локативных форм, т.е. образуется конструкция с «неканоническим агенсом» (см. раздел 2.1).

При неполной грамматикализации глаголы теряют часть лексических и синтаксических свойств. Непереходный глагол 'умирать' в сериальной конструкции утрачивает свои синтаксические свойства: валентная структура всей конструкции определяется лексическим глаголом, а не сериализатором 'умирать'. Несмотря на частичный характер грамматикализации, можно считать, что модель управления, определяемая вложенным предикатом, отрицание только вспомогательного глагола, неразрывность составляющих и общее классно-числовое согласование доказывают моноклаузальность конструкций с глаголом *-иво-* 'умирать'.

5. Бежтинские сериальные конструкции в типологической перспективе

Целью раздела является сопоставить свойства бежтинских конструкций с типологически релевантными свойствами сериальных конструкций. Термин «сериальная конструкция», или «сериальные глаголы», для бежтинского языка вводится впервые, ранее подобные глаголы рассматривались как разновидность сложных составных глаголов [Комри и др., 2015]. Рассмотренные сериальные конструкции отвечают параметрам, выделенным в типологии сериальных конструкций в [Aikhenvald, 2006].

Сериальная конструкция может состоять из одного (one-word) или нескольких (multi-word) грамматических слов и быть прерывной (non-contiguous) или непрерывной (contiguous). В некоторых языках с продуктивной сериализацией представлены несколько видов сериализаций глагола, тогда как в языках с ограниченной сериализацией возможен только один из видов. В языках с ограниченной сериализацией представлены только асимметричные сериальные глаголы, которые выражают в основном аспектуальную, модальную сериализацию и сериализацию, повышающую актантность глагола [Aikhenvald, 2006, p. 49]. В бежтинском языке, который относится к группе языков с ограниченной сериализацией, можно выделить два основных типа сериализации: аспектуальную и актантную. Компоненты бежтинской сериальной конструкции формируют единую словоформу, в которой сериализатор несет всю грамматическую нагрузку, а зависимый глагол, представленный в виде чистой основы, выражает лексическое значение.

В бежтинском языке все сериальные глагольные конструкции асимметричны: лексический глагол принадлежит к открытому семантическому классу, а сериализатор представлен из закрытого семантического класса. Сериализатор в данных сериальных конструкциях представлен глаголом из ограниченного класса. Такие глаголы немногочисленны: это глаголы движения и передвижения в пространстве ('идти', 'посылать'), завершения действия ('умирать') с результирующим значением, глаголы изменения пространственного положения пациенса ('класть') с каузативным значением, ментальный глагол ('знать') со значением осознанности.

В языках с асимметричной сериализацией сериализатор часто подвергается грамматикализации, т.е. становится грамматическим показателем, например грамматическим показателем повышающей актантной деривации. В бежтинском языке в роли сериализатора, повышающего актантность конструкции, выступают переходные глаголы *gol*- 'класть' и *tok*'- 'заставлять'¹⁰. В языках с асимметричной сериализацией некоторые сериальные глаголы подвергаются также лексикализации, например, сериальная конструкция с ментальным глаголом 'знать' имеет еще

¹⁰ При сравнении двух сериализаторов *gol*- 'класть' и *tok*'- 'заставлять' нужно отметить, что *gol*- 'класть' сочетается с большим количеством лексических глаголов, чем *tok*'- 'заставлять'. Частотность использования в текстах сериализатора *gol*- 'класть' низкая, тогда как *tok*'- 'заставлять' вообще не встречается. Важно упомянуть, что сериализатор *gol*- 'класть' может заменять *tok*'- 'заставлять' в сериальной каузативной конструкции, но не наоборот. Параллельная сериальная каузативная конструкция с сериализатором *tok*'- 'заставлять' представлена в близкородственном гинухском языке. Однако, в отличие от бежтинского языка, *tok*'- в гинухском полностью граммататизировался и не используется как независимый предикат, выполняя только грамматическую функцию каузатива [Forker, 2013]. Таким образом, в бежтинском языке сериализатор *tok*'- находится в промежуточной стадии грамматикализации.

более ограниченную сочетаемость компонентов с ментальным глаголом (сочетаются несколько экспериенциальных глаголов) и выражает особое лексическое значение осознанности.

Что касается типа связи, то бежтинские сериальные конструкции являются бессоюзными, т.е. образованы простым соположением глагольных основ. Бессоюзная связь в сериальных конструкциях рассматривается как один из основных признаков сериализации [Foley et al., 1985]. Бежтинские сериальные конструкции характеризуются принципом неразрывности. Сериальная конструкция имеет единую аргументную структуру. Порядок составляющих в асимметричных сериальных конструкциях фиксированный: вершина неотрывно следует за смысловым глаголом (что характерно для языков с зависимым маркированием, в которых зависимые располагаются слева от вершины).

6. Заключение

В статье были представлены ранее неописанные грамматикализованные и неграмматикализованные сериальные глагольные конструкции бежтинского языка. Грамматикализованные сериальные конструкции являются продуктивным средством выражения различного рода грамматических значений, каузатива и комплетивного аспекта.

Грамматикализованные, неграмматикализованные сериальные и сложные заимствованные конструкции имеют ряд общих свойств: представляют собой последовательность двух глаголов, образуют единый предикат и описывают единую ситуацию. Такие глагольные конструкции односубъектны, классно-числовое согласование, как и в канонических конструкциях, контролируется абсолютивной именной группой. В таких конструкциях первый глагол – лексический – представлен в форме чистой основы, а второй – вспомогательный – выражает грамматические характеристики. Сериальные и сложные заимствованные глаголы состоят из двух компонентов, в которых смысловая часть всегда предшествует вспомогательному глаголу.

Несмотря на структурные сходства, данные конструкции имеют и определенные структурные отличия. Составляющие компоненты в сериальной конструкции могут быть представлены как отдельные независимые глаголы, тогда как в сложных заимствованных глаголах лексическая часть никогда не используется как независимый предикат. Прежде всего это связано с тем, что лексическая часть глагола является заимствованной формой и не используется вне данной конструкции. Однако главное отличие сериальных конструкций от остальных сложных глаголов заключается в способности выражать конкретные грамматические значения, а именно, значения комплетива и каузатива.

Библиографический список / References

Гращенко, 2014 – Гращенко П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2014. [Grashenkov P.V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow, 2014.]

Исаков, Халилов, 2012 – Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гунзибский язык. Махачкала, 2012. [Isakov I.A., Khalilov M.Sh. Gunzibskii yazyk [Hunzib]. Makhachkala, 2012.]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei [Bagvalal. Grammar. Texts. Dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Комри и др., 2015 – Комри Б., Халилов М.Ш., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование. Лейпциг; Махачкала, 2015. [Komri B., Khalilov M.Sh., Khalilova Z.M. Grammatika bezhtinskogo yazyka [A grammar of Bezhta]. Leipzig; Makhachkala, 2015.]

Майсак, 2002 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. [Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Grammaticalization typology of constructions with motion and position verbs]. PhD Dis. Moscow, 2002.]

Майсак, 2005 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. [Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Grammaticalization typology of constructions with motion and position verbs]. Moscow, 2005.]

Шлуинский, 2012 – Шлуинский А.Б. Сериальные конструкции в текстах логба // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / Под ред. Е.М. Девяткина и др. М., 2012. С. 363–374. [Shluinskii A.B. Serial constructions in texts of Logba. *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam pervoi konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh”*. Е.М. Devyatkina et al. (eds.). Moscow, 2012.]

Шлуинский, 2014 – Шлуинский А.Б. К типологии морфосинтаксиса «соединения событий» в поливербальных конструкциях // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. № 4. С. 86–109. [Shluinskii A.B. Typology of morphosyntax of 'event union' in polyverbal constructions. *Rhema*. 2014. No. 4. Pp. 86–109. (In Rus.)]

Шлуинский, 2018 – Шлуинский А.Б. Сериальные глагольные конструкции в языке акебу // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 151–171. [Shluinskii A.B. Serial verb constructions in Akebu. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 151–171. (In Rus.)]

Халилов, 2020 – Халилов М.Ш. На устах у бежтинцев: легенды, предания, сказки и рассказы. М., 2020. [Khalilov M.Sh. Na ustakh u bezhtintsev: legendy, predaniya, skazki i rassказы [Bezhta texts]. Moscow, 2020.]

Aikhenvald et al., 2006 – Serial verb constructions: A cross-linguistic typology. A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). Oxford, 2006.

Aikhenvald, 2006 – Aikhenvald A.Y. Serial verb constructions in typological perspective. *Serial verbs constructions: A cross-linguistic typology*. A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). New York, 2006. Pp. 1–22.

Bybee, 2007 – Bybee J. Frequency of use and the organization of language. Oxford, 2007.

Comrie et al., 2015 – Comrie B., Khalilov M., Khalilova Z. Valency and valency classes in Bezhta. *Valency classes*. A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Berlin, 2015. Pp. 541–570.

Comrie et al., 2021 – Comrie B., Forker D., Khalilova Z., van den Berg H. Antipassives in Nakh-Daghestanian Languages: Exploring the margins of a construction. *Antipassive: Typology, Diachrony, and Related Constructions*. J. Katarzyna, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Amsterdam, 2021. Pp. 515–548.

Durie, 1997 – Durie M. Grammatical structures in verb serialization. *Complex predicates*. A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells (eds.). Stanford, 1997. Pp. 289–354.

Foley et al., 1985 – Foley W.A., Olson M. Clausehood and verb serialization. *Grammar Inside and Outside the Clause*. Cambridge, 1985.

Forker, 2013 – Forker D. A Grammar of Hinuq. Berlin, 2013.

Haspelmath, 2016 – Haspelmath M. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. No. 17 (3). Pp. 291–319.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A Grammar of Khwarshi. Utrecht, 2009.

Polinsky – Polinsky M. A Tsez grammar. Manuscript.

Weiss, 2012 – Weiss D. Verb serialization in northeast Europe: The case of Russian and its Finno-Ugric neighbours. *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen (eds.). Berlin; Boston, 2012. Pp. 611–646.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022

The article was received on 01.06.2022

Сведения об авторе / About the author

Халилова Заира Маджидовна – PhD (лингвистика); научный сотрудник лаборатории исследования и сохранения малых языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Zaira M. Khalilova – PhD in Linguistics; Research Fellow at the Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1604-4510>

E-mail: zaira.khalilova@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-114-127

А.В. КовалеваРоссийский университет дружбы народов,
117198 г. Москва, Российская Федерация

Развитие фразеологической компетенции учащихся восьмых классов киргизской школы

В статье анализируется проблема формирования русскоязычной фразеологической компетенции школьников, обучающихся в восьмых классах киргизской школы. Цель статьи – описание исследования уровня сформированности русскоязычной фразеологической компетенции киргизских школьников. Проведено экспериментальное исследование, целью которого явилось определение знаний, умений и навыков в области русской фразеологии восьмиклассников киргизской школы. Результаты эксперимента показали низкий уровень сформированности русскоязычной фразеологической компетенции у исследуемых. Выявленные трудности в освоении учащимися русской фразеологии связаны с семантизацией фразеологической единицы, изолированной от контекста. Для повышения уровня русскоязычной фразеологической компетенции киргизских учащихся сформированы упражнения с учетом грамматических тем в курсе русского языка для восьмых классов киргизской школы. Разработанная система упражнений ориентирована на формирование и совершенствование навыков киргизских восьмиклассников в использовании фразеологизма как единицы речи в коммуникативных высказываниях различных типов на русском языке.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская фразеология, фразеологическая компетенция, киргизская школа, система упражнений, русская культура

© Ковалева А.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалева А.В. Развитие фразеологической компетенции учащихся восьмых классов киргизской школы // Рема. Rhema. 2022. № 3. С. 114–127. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-114-127

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-114-127

A.V. Kovaleva

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, 117198, Russian Federation

Development of phraseological competence of eighth grade students of Kyrgyz school

The article analyzes how and to what degree the Russian-language phraseological competence of schoolchildren studying in the eighth grades of the Kyrgyz school is formed. We conducted an experimental study, which aimed to determine the knowledge, skills and abilities in the field of Russian phraseology of eighth graders of the Kyrgyz school. The results of the experiment showed a low level of Russian-speaking phraseological competence among the subjects. The identified difficulties are associated with the semantization of a phraseological unit isolated from the context. To improve the level of Russian-speaking phraseological competence of Kyrgyz students, phraseological exercises were prepared taking into account grammatical topics in the Russian language course for the eighth grades of the Kyrgyz school. The suggested system of exercises is focused on the formation and improvement of the skills of Kyrgyz eighth-graders in the use of phraseological units as a unit of speech in various types of communicative statements in Russian.

Key words: Russian as a foreign language, Russian phraseology, phraseological competence, Kyrgyz school, system of exercises, Russian culture

FOR CITATION: Kovaleva A.V. Development of phraseological competence of eighth grade students Kyrgyz school. *Rhema*. 2022. No. 3. Pp. 114–127. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-3-114-127

Введение

Развитие российско-киргизских социально-экономических отношений влечет за собой необходимость формирования у современных киргизских школьников высокого уровня знания русского языка. Для киргизских школ приоритетным является развитие языковой компетенции школьников, а именно формирования необходимых знаний, умений и навыков в области русского языка с целью дальнейшей интеграции выпускников в русский язык и его культуру. В связи с этим возникает проблемный вопрос: какие средства могут способствовать безболезненному вхождению киргизских учеников в сферу русской культуры и языка? Мы предполагаем, что одним из способов является формирование и развитие фразеологической компетенции, т.к. именно фразеология русского языка наиболее ярко, чувственно и образно передает особенности русского самосознания, характера, темперамента, что и определяет собой культуру народа.

Цель исследования – конструирование системы упражнений, направленной на повышение уровня русскоязычной фразеологической компетенции у учащихся восьмых классов киргизской школы. Первоначальными задачами являлся анализ научной литературы по данной теме, учебных программ и методической литературы по преподаванию русского языка в киргизской школе, а также определение уровня русскоязычной фразеологической компетенции у учащихся восьмых классов киргизской школы.

Методологию исследования составили анализ научной литературы и нормативных документов, эксперимент, измерение, описание, классифицирование. Материалы исследования: научная и методическая литература по вопросу исследования, государственные стандарты и учебные программы Киргизской Республики, учебники по русскому языку восьмых классов для киргизской школы, паремиологический фонд русского языка, результаты констатирующего эксперимента.

Обзор литературы

Основным научно-теоретическим понятием данного исследования является понятие «фразеологическая компетенция». Важно отметить, что в методике преподавания русского языка как иностранного выделяют

три основополагающие компетенции, а именно: коммуникативную, речевую и языковую (Т.М. Балыхина, Л.А. Вербицкая, В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, С.А. Хавронина, А.Н. Щукин). Задача каждой компетенции – сформировать у обучающихся знания, умения и навыки, которые позволят им использовать русский язык как средство общения и в целях общения на русском языке [Хавронина, Балыхина, 2008, с. 37].

Исследуя научно-методическую литературу, мы пришли к выводу, что содержание понятия «языковая компетенция» включает в себе комплекс значений. Так, под языковой компетенцией понимают «способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения» [Оглуздина, 2011, с. 91], «знание фонетических, лексических, грамматических и текстуальных моделей языковой системы, а также умение оперировать ими в своем высказывании» [Муаран, 1990, с. 23], «знание словарных единиц и владение определенными формальными правилами, посредством которых словарные единицы преобразуются в осмысленное высказывание» [Общеввропейские компетенции..., 2005, с. 135], «приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания, т.е. в поверхностные структуры» [Вятютнев, 2014, с. 58], «способность любого человека усваивать любую языковую систему на основе единого логического мыслительного аппарата, свойственного человеку и его мышлению как отражению закономерностей единого материального мира» [Колшанский, 1985, с. 11].

Компонентами языковой компетенции являются лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая, орфоэпическая компетенции [Оглуздина, 2011, с. 116].

Под лексической компетенцией понимают «способность обучающихся к организованным и взаимообусловленным действиям с лексическими единицами, направленным на усвоение лексики; это овладение значением лексической единицы, ее графическим оформлением и произношением, знанием грамматических форм слова и правил сочетания с другими лексическими единицами» [Стародубцева, 2013, с. 128]. В рамках лексической компетенции выделяется понятие «фразеологическая компетенция».

Необходимо отметить, что понятие «фразеологическая компетенция» было введено в научный оборот Е.А. Добрыдневой (2000), и в современных методических исследованиях [Мурашова, Штыкова, 2019; Полонникова, 2020; Чэнь Нянцзу, 2021] ученые активно используют этот термин. Ввиду того, что в настоящее время академическая грамматика

не выделяет особого, фразеологического уровня языка, фразеологизмы считаются единицами лексического уровня и рассматриваются в качестве компонентов лексической компетенции. Однако, несмотря на это, проанализировав научные исследования современных ученых в области методики обучения русской фразеологии, можно заключить, что под «фразеологической компетенцией» понимают знание обучающимися фразеологического состава русского языка и умение им пользоваться в процессе общения, а также понимать значения фразеологизмов в литературных произведениях и уметь использовать их в собственных текстах. Именно поэтому в процессе обучения русской фразеологии важно уделять внимание «осознанному овладению учащимися навыками использования русских фразеологизмов в коммуникации, т.е. осмыслению существующих типов фразеологических единиц и определению, каким образом нужно действовать при их употреблении, понимании и запоминании» [Адонина и др., 2017а, с. 32]. Здесь требует конкретизации термин «фразеологизм (фразеологическая единица)».

Фразеологизм (фразеологическая единица) – это «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Ярцева, 1990].

Необходимость развития фразеологической компетенции при изучении русского языка как иностранного обусловлена тем, что именно во фразеологизмах в большей степени закрепились и сохранились особенности и черты русской культуры. В семантике многих фразеологизмов присутствует так называемый коннотативный культурный компонент, который транслирует информацию о культуре народа: его быте и обычаях, отдыхе и труде, взаимоотношениях с окружающей действительностью и другими людьми, внутреннем, духовном мире и т.д. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологизмы формируются посредством «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [Телия, 1993, с. 302].

Таким образом, изучение фразеологии позволяет киргизским учащимся не только осваивать русский язык, но и «погружаться» в иную национальную культуру. Как известно, качественное овладение языком невозможно осуществить без знаний культуры народа – носителя изучаемого языка. Как справедливо отмечает Т.П. Чепкова, «чтобы овладеть

иностранным языком, необходимо осознать, что носитель изучаемого языка является носителем чужой культуры, и, чтобы общаться с ним, надо познать его культуру, ведь освоение чужого языка есть, в первую очередь, освоение новой культуры» [Чепкова, 2010, с. 211]. Таким образом, развитие фразеологической компетенции киргизских школьников, а вместе с тем и знакомство их с русской культурой, является важной составляющей всего обучения русскому языку.

Результаты исследования

Анализ раздела «Лексика и фразеология» в программе по русскому языку для восьмых классов общеобразовательных школ с киргизским языком¹ обучения позволил сделать вывод о том, что в области фразеологии в восьмом классе работа нацелена на выявление и изучение тех фразеологизмов, в составе которых есть паронимы. Данные требования предполагают глубокое понимание изучаемого языка учащимися, потому что им необходимо не только понять иносказательный смысл фразеологизма, но и определить, есть ли в его структуре пароним и каким значением в контексте данного выражения он обладает.

Кроме того, проанализировав содержание учебника русского языка для восьмых классов киргизской школы², следует заключить, что какого-либо фразеологического материала при изучении лексических тем не используется. Возможно, фразеологизмы включаются в содержание урока по инициативе учителя или являются необязательным или дополнительным материалом.

В констатирующем эксперименте, целью которого было определение уровня развития русскоязычной фразеологической компетенции учащихся восьмых классов киргизской школы, приняли участие 93 ученика из разных школ Бишкека (Киргизия). Отметим, что «констатирующий эксперимент является неотъемлемой частью экспериментального исследования и позволяет определить уровень владения тем или иным материалом, получив качественные и количественные показатели» [Федюковская, 1999].

Эксперимент проводился в форме тестирования с заданиями закрытого и открытого типа. В заданиях закрытого типа (задания 1–8) ученикам необходимо было выбрать правильное толкование фразеологизма из представленных вариантов; определить неверное значение фразеологизма; указать фразеологизм, подходящий к контексту определенного

¹ Программа по русскому языку для 5–9 классов общеобразовательных школ с киргизским, узбекским, таджикским языками обучения. Бишкек, 2018.

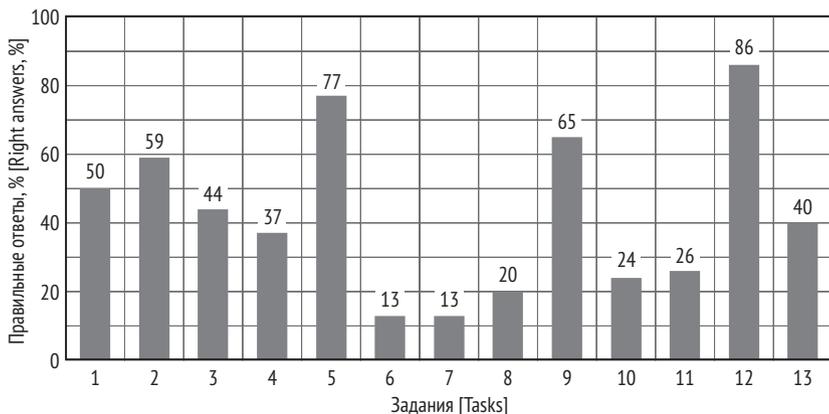
² Супрун А.Е., Скирдов В.Д., Акматов Т.К. Русский язык. Грамматика русского языка: Учебник для 8–9 классов кыргызской школы. Изд. 6-е, испр. и доп. Бишкек, 2012.

предложения; подобрать синонимичное и антонимичное фразеологическое выражение к данному фразеологизму; в нескольких предложениях с похожим набором лексем найти фразеологизм.

В заданиях открытого типа (задания 9–13) ученикам нужно было самостоятельно объяснить значение фразеологического выражения; к приведенному фразеологизму подобрать синоним в прямом значении (и наоборот); найти в приведенном фрагменте текста фразеологизм, выписать его и объяснить значение.

Таким образом, тест состоит из 13 заданий. В заданиях 3, 4, 9, 11 включено по три вопроса, в задание 10 – пять вопросов.

Процентное соотношение правильных ответов, данных киргизскими восьмиклассниками на каждый вопрос, представлено на рис. 1.

Рис. 1. Результаты тестирования уровня развития русскоязычной фразеологической компетенции учащихся восьмых классов киргизской школы

Fig. 1. The results of testing the level of development of the Russian-language phraseological competence of students in the eighth grade of the Kyrgyz school

Данные эксперимента, проведенного в восьмых классах киргизской школы, позволяют сделать выводы о том, что владение фразеологическими единицами, их понимание и использование в письменной и устной речи в большей степени успешно реализуется в контексте какого-либо высказывания, предложения (задания 3, 4).

Трудными для учащихся восьмых классов явились те задания, где фразеологические единицы были изолированы от контекста, представляя собой законченное грамматически и семантически высказывание

(задания 2, 5, 6, 7). Выполнение такого рода заданий предполагает знание учащимися семантики всех заявленных фразеологических единиц для успешного их анализа и выявления правильного ответа. Малое количество верных ответов в подобных заданиях свидетельствует о том, что знание фразеологии русского языка у киргизских восьмиклассников весьма фрагментарное и неглубокое.

Также при выполнении заданий, в которых требовалось провести семантизацию фразеологической единицы, учащиеся допускали ошибки в толковании значения, а также в связности компонентов фразеологизма (задания 9–11). Например, к фразеологизму *кот заплакал* в качестве синонима в прямом значении учащимися были подобраны такие варианты: *отсутствие денег, жадный, жадный человек*. Фразеологизм *рукой подать* многие понимают, как «легко добиться желаемого» или «ближе всех». К фразеологизму *навострить уши* были подобраны такие синонимы: *сплетничать; сплетник; услышать о себе*. Были допущены ошибки в семантической спаянности компонентов следующих фразеологизмов: *сломя голову – сломя головы; уносить ноги – уносить ногу; сердце в пятки ушло – сердце ушло в пятку, сердце за пятки ушло, сердце в пятки упало, сердце вылезло из груди, сердце ушло на ноги; отвечать головой – отвечать с головой*.

Одной из причин, по которой ученики могут допускать ошибки в семантизации фразеологических единиц, является влияние их родной культуры на язык и сознание, т.е. трудности состоят в том, что школьники «уже обладают знаниями фразеологии родного языка, в которых отражены в полной мере страноведческие и культурологические национальные концепты, которые не совпадают с аналогичными явлениями в русской среде» [Адонина и др., 2017б, с. 62].

Исходя из данных эксперимента, который позволил определить низкий уровень развития фразеологической компетенции учащихся восьмых классов киргизской школы, мы предполагаем, что есть потребность в разработке дополнительных учебно-методических материалов, которые могут использоваться учителями-словесниками для повышения уровня фразеологической грамотности восьмиклассников.

Одним из наиболее оправданных средств улучшения фразеологической грамотности может явиться систематическая работа с фразеологизмами русского языка в течение всего учебного года, а не только в рамках тех часов, которые программа отводит на изучение темы «Лексика и фразеология» (3 академических часа). Ввиду этого мы предприняли попытку разработать систему упражнений, в которой работа с фразеологическими единицами связана с грамматическими темами, изучаемые на уроках русского языка в восьмом классе киргизской школы.

Таким образом, разрабатывая систему упражнений для формирования фразеологической компетенции киргизских учащихся, мы делаем акцент на том, что фразеологическая единица является полноценным строительным материалом языка, как и слово, поэтому может быть включена в коммуникативные высказывания различных типов, при этом выполняя свою особую семантическую функцию. Исходя из этого, задачи разработанной нами системы упражнений таковы:

- 1) совершенствовать и продолжать развитие знаний и умений учеников в области русской фразеологии;
- 2) сформировать у восьмиклассников умение работать с фразеологическим словарем: осуществлять поиск значения приведенного фразеологического выражения или же поиск фразеологизма, соответствующего приведенному значению;
- 3) сформировать умение самостоятельного построения простых и сложных предложений с включением в их состав фразеологизмов;
- 4) научить проводить синтаксический анализ предложений из художественной литературы, включающих фразеологические обороты;
- 5) осуществить работу по грамматическим темам (глагол, существительное, прилагательное, наречие, причастие, деепричастие) с использованием фразеологизмов;
- 6) продолжить формирование навыка употребления фразеологических единиц в письменной и устной речи.

Далее приведены некоторые упражнения для киргизских учащихся восьмого класса, которые сгруппированы по следующим видам: анализ, конструирование и переконструирование.

Анализ

Представленные упражнения предполагают лексический, синтаксический, морфологический и морфемный разбор языкового материала. Основная цель упражнений – отработка навыков семантизации фразеологических выражений и работы с фразеологическим словарем совместно с работой над определением морфологических и морфемных признаков причастия и закреплением алгоритма выполнения синтаксического разбора предложения.

У п р а ж н е н и е № 1. Найдите в данных предложениях фразеологизмы и по фразеологическому словарю определите их значения, подберите к ним синонимы.

1. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам той же монетой (А.П. Чехов).

2. Меня словно кто за язык тянул, и я обратился к трактористам и прицепщикам, с которыми еще не успел как следует познакомиться (Ч. Айтматов).

3. Наполеон любил слово и был не прочь пустить пыль в глаза (Л. Раковский).

4. Еще справляли по старой памяти праздники, но уже и праздники были не прежними (В. Соловьев).

5. В руках у него граната. Он уже ничего не видит и не слышит. Он собирает в себе последние силы (Ч. Айтматов).

У п р а ж н е н и е № 2. Прочитайте пословицы. Найдите в них причастия, определите их вид, время, выделите суффикс. Объясните значение пословиц.

1. *Добро по миру не рекой течет, а сплоченной семьей живет.*

2. *Материнский гнев, что тающий снег.*

3. *Родившая мать кормит детей, как плодородная земля людей.*

4. *На что найденный клад, коли в семье лад.*

5. *Без охоты и человек – болван, не знающий забавы.*

У п р а ж н е н и е № 3. Проведите синтаксический разбор предложения. Прокомментируйте значение выделенных фразеологизмов.

1. *Отец его был столяр и печник – **золотые руки**.*

2. *Я **скрепя сердце** покорился своей участи.*

3. *Возле кассы театра толпилось столько людей, что **яблоку негде было упасть**.*

4. *Азамат был обижен на меня и отвечал коротко, **сквозь зубы**.*

5. *Когда в класс зашел учитель с моим отцом, у меня **сердце упало в пятки**.*

Конструирование

Представленные упражнения предполагают составление (конструирование) предложений по модели (образцу) с обязательным включением в их структуру фразеологического оборота. Цель упражнений – отработка навыка построения предложения с фразеологическим оборотом и свободным словосочетанием, а также создание в предложении того контекста, которого требует семантика фразеологизма.

У п р а ж н е н и е № 1. Даны словосочетания, свободный или устойчивый характер которых выявляется только в контексте. Составьте предложения, где реализовались бы эти значения.

П р и м е р: словосочетание *хлопать ушами*. *Слон **хлопает ушами** и отгоняет мух. Ваня весь урок **хлопал ушами** и совсем не понял новую тему.*

Сесть в лужу; закрыть глаза; заварить кашу; наломать дров; намылить шею; набрать в рот воды; спрятаться в кусты; ломать руки; стоять в стороне; закидывать удочку; взять быка за рога; смотреть в глаза; далеко пойти.

Упражнение № 2. Придумайте с данными фразеологизмами сложные, распространенные предложения.

Сквозь землю провалиться; хоть пруд пруди; как белка в колесе; взяться за ум; видеть насквозь; водить за нос; ни свет ни заря; пропустить мимо ушей.

Заполнение таблицы

Цель представленных упражнений – отработка навыка семантизации фразеологических единиц, а также дифференциации компонентов фразеологизма по частям речи.

Упражнение № 1. Распределите данные фразеологизмы с учетом их структуры: прилагательное + существительное; глагол + существительное; существительное + существительное. Прокомментируйте их значение.

Прилагательное + существительное	Глагол + существительное	Существительное + существительное
<i>бархатный сезон</i>	<i>собаку съел</i>	<i>дело в шляпе</i>

Дело в шляпе; собаку съел; бархатный сезон; прикусить язык; яблоко раздора; резать без ножа; щекотливое предложение; бить ключом; дырка от бублика; повальная эпидемия; зайти в тупик; кровь с молоком; звездный час; душа в душу; хвататься за соломинку; человек в футляре; на короткой ноге.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование обозначило некоторые трудности в освоении киргизскими учащимися фразеологии русского языка. Как правило, ученики знают ограниченное число наиболее употребительных фразеологических единиц, но главная проблема заключается не в их количестве, а в том, что школьники не употребляют в своей устной и письменной речи фразеологические выражения.

У учеников киргизских школ вызывает затруднение работа по поиску фразеологических единиц русского языка в тексте, им трудно заменить фразеологическое выражение синонимичными/антонимичными словами, семантизация фразеологизмов вне контекста осуществляется хуже, чем в контексте.

Систематическая работа в течение всего учебного года с фразеологическими единицами русского языка, по нашему мнению, должна улучшить показатели уровня знаний учащихся в данной области. Именно поэтому разработанная нами система упражнений тесно связана с грамматикой русского языка, изучаемой в восьмом классе киргизской школы.

Результаты исследования, данные эксперимента и разработанная система упражнений по фразеологии могут быть использованы при обучении русскому языку в восьмом классе киргизской школы, при разработке факультативных занятий по русской фразеологии, а также могут быть полезны составителями программ, учебников и учебно-методических пособий по русскому языку для киргизских школ.

Библиографический список / References

Адонина и др., 2017а – Значение фразеологии в методике обучения русскому языку как иностранному / Адонина Л.В., Лазарев С.В., Никитина В.В. и др. // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2017. № 2. С. 26–38. [Adonina L.V., Lazarev S.V., Nikitina V.V. et al. The value of phraseology in the methodology of teaching Russian as a foreign language. *Sovre-mennaja vysshaja shkola: innovacionnyj aspekt*. 2017. No. 2. Pp. 26–38. (In Rus.)]

Адонина и др., 2017б – Методика обучения иностранцев фразеологической системе русского языка: лингвокультурологический аспект / Адонина Л.В., Лазарев С.В., Никитина В.В. и др. // Педагогика. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 59–65. [Adonina L.V., Lazarev S.V., Nikitina V.V. et al. Methods of teaching foreigners the phraseological system of the Russian language: Linguoculturological aspect. *Pedagogika. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2017. No. 6. Pp. 59–65. (In Rus.)]

Быстрова, 1984 – Быстрова Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л., 1984. [Bystrova E.A. *Uchebnyj frazeologičeskij slovar russkogo jazyka* [Educational phraseological dictionary of the Russian language]. Leningrad, 1984.]

Быстрова, 2009 – Быстрова Е.А. Методические рекомендации к учебнику «Русский язык. 8 класс» для образовательных учреждений с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения. М., 2009. [Bystrova E.A. *Metodicheskie rekomendacii k učebniku «Russkij jazyk. 8 klass» dlja obrazovatelnyh uchrezhdenij s rodnym (nerusskim) i russkim (nerodnym) jazykom obuchenija* [Guidelines for the textbook “Russian language. Grade 8” for educational institutions with a native (non-Russian) and Russian (non-native) language of instruction]. Moscow, 2009.]

Вятютнев, 2014 – Вятютнев М.Н. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков // Иностранные языки в школе. 2014. № 4. С. 67–76. [Vyatutnev M.N. The concept of language competence in linguistics and methods of teaching foreign languages. *Inostrannye jazyki v shkole*. 2014. No. 4. Pp. 67–76. (In Rus.)]

Даль, 1989 – Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1989. [Dal V.I. *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 1989.]

Добрыднева, 2000 – Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград, 2000. [Dobrydneva E.A. *Kommunikativno-pragmatičeskaja paradigma russkoj frazeologii* [Communicative-pragmatic paradigm of Russian phraseology]. Volgograd, 2000.]

Колшанский, 1985 – Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранные языки в школе. 1985. № 1. С. 10–14. [Kolshansky G.V. Linguistic and communicative aspects of speech communication. *Inostrannye jazyki v shkole*. 1985. No. 1. Pp. 10–14. (In Rus.)]

Мурашова, Штыкова, 2019 – Мурашова О.В., Штыкова Н.В. Фразеологические единицы в курсе русского языка как иностранного: к вопросу о принципах отбора и приемах изучения // *Филологический аспект*. 2019. № 4. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/frazeologicheskie-edinitsy-v-kurse-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-k-voprosu-o-printsipakh-otbora-i-priyomakh-izucheniya.html> (дата обращения: 18.02.2022) [Murashova O.V., Shtykova N.V. Phraseological units in the course of Russian as a foreign language: To the problem of selection and methods of teaching. *Filologicheskij aspekt*. 2019. No. 4. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/frazeologicheskie-edinitsy-v-kurse-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-k-voprosu-o-printsipakh-otbora-i-priyomakh-izucheniya.html> (In Rus.)]

Общеввропейские компетенции..., 2005 – Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Страсбург, 2001 / Пер. под общ. ред. К.М. Ириксановой. М., 2005. [Obshheevropejskie kompetencii vladenija inostrannym jazykom: izuchenie, obuchenie, ocenka. Departament po jazykovej politike. Strastburg, 2001 [Common European framework of reference for a foreign language: Study, teaching, assessment. Department for Language Policy. Strastburg, 2001]. К.М. Iriskhanova (transl. ed.). Moscow, 2005.]

Оглуздина, 2011a – Оглуздина Т.П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 2. С. 91–94. [Ogluzdina T.P. Development of the content of the concept of “language competence” in the history of linguistics and the theory of teaching foreign languages. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011. No. 2. Pp. 91–94. (In Rus.)]

Оглуздина, 2011b – Оглуздина Т.П. Структура языковой компетенции в концепциях ученых зарубежной и отечественной методики обучения иностранным языкам // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 11. С. 116–119. [Ogluzdina T.P. The structure of language competence in the concepts of scientists of foreign and Russian methods of teaching foreign languages. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011. No. 11. Pp. 116–119. (In Rus.)]

Полонникова, 2020 – Полонникова Е.Г. Система упражнений в коммуникативно-ориентированном обучении фразеологии русского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. № 7. С. 317–321. [Polonnikova E.G. The system of exercises in communication-oriented teaching of Russian phraseology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. No. 7. Pp. 317–321. (In Rus.)]

Сасиев, 1998 – Сасиев Л.Х. Изучение русской фразеологии на факультативных занятиях в 8–9 классах осетинской школы: Дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 1998. [Sasiev L.H. Izuchenie russkoj frazeologii na fakultativnyh zanjatijah v 8–9 klassah osetinsoj shkoly [The study of Russian phraseology in optional classes in grades 8–9 of the Ossetian school]. PhD Dis. Vladikavkaz, 1998.]

Стародубцева, 2013 – Стародубцева О.Г. Лексическая компетенция как языковая основа профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза // *Бюллетень сибирской медицины*. 2013. № 3. С. 127–131. [Starodubceva O.G. Lexical competence as a linguistic basis of professional and communicative competence of students of a non-linguistic university. *Bulletin sibirskoj mediciny*. 2013. No. 3. Pp. 127–131. (In Rus.)]

Телия, 1993 – Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // *Славянское языкознание*.

XI Международный съезд славистов М., 1993. [Telija V.N. Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to understanding of the world). *Slavjanskoje jazykoznanie*. Moscow, 1993.]

Хавроница, Балыхина, 2008 – Хавроница С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М, 2008. [Khavronina S.A., Balykhina T.M. Innovacionnyj uchebno-metodicheskij kompleks «Russkij jazyk kak inostrannyj» [Innovative educational and methodological complex “Russian as a foreign language”]. Moscow, 2008.]

Ходжиева, 2011 – Ходжиева М.Х. Лингводидактические закономерности обучения фразеологизмам русского языка с национально-культурным компонентом в таджикской школе: Дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2011. [Hodzhieva M.H. Lingvodidakticheskie zakonomernosti obuchenija frazeologizmam russkogo jazyka s nacionalno-kulturnym komponentom v tadzhikskoj shkole [Linguistic and didactic patterns of teaching phraseological units of the Russian language with a national and cultural component in the Tajik school]. PhD Dis. Dushanbe, 2011.]

Чепкова, 2010 – Чепкова Т.П. Лингвометодические аспекты изучения русской фразеологии в иностранной аудитории // Вестник Орловского государственного университета. 2010. С. 2011–2013. [Chepkova T.P. Linguistic and methodological aspects of the study of Russian phraseology in a foreign audience. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Pp. 2011–2013. (In Rus.)]

Федюковская, 1999 – Федюковская М.Г. Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. [Fedjukovskaja M.G. Rol jetnopsihologicheskikh faktorov v obuchenii britanskikh studentov russkomu jazyku [The role of ethnopsychological factors in teaching Russian to British students]. PhD Dis. St. Petersburg, 1999.]

Чэнь Няньцзу, 2021 – Чэнь Няньцзу. Семантизация лексики при обучении русскому языку в иностранной аудитории // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9. С. 108–110. [Chen Nianzu. Semantization of vocabulary in teaching the Russian language to a foreign audience. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2021. No. 9. Pp. 108–110. (In Rus.)]

Ярцева, 1990 – Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. [Jarceva V.N. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990.]

Moirand S. Enseigner a comminiquer en langue etrangere. Paris, 1990.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022

The article was received on 16.06.2022

Об авторе / About the author

Ковалева Анна Владимировна – ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка, Российский университет дружбы народов, г. Москва

Anna V. Kovaleva – assistant at the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0806-483X>

E-mail: kovaleva.anna94@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2022.3

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.09.2022 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8 п. л. Тираж 1000 экз.